

ДИАНА БОЙЦОВА

УЛЁТНАЯ
ПОДМЕНА

Принцесса Линкея — строптивая наследница трона Эйлинкеля, единственная избалованная дочь короля, властная сердцеядка, озорная охотница.

Микаэлла — скромная работница небольшой ветеринарной клиники в Уотерлу, где живет вместе с родителями, бабушкой и младшим братом.

У обеих девушек было счастливое детство, есть любящие родные, верные друзья, возлюбленные мужчины. Но когда на принцессу Линкею в очередной раз покушается неизвестный враг, придворный маг Эйлинкеля, чтобы уберечь наследницу трона, идет на отчаянный шаг. Он меняет девушек местами: ведь Линкея и Микаэлла — двойники!

Микаэла внезапно оказывается в роли принцессы Эйлинкеля, а Линкея занимает ее место в Уотерлу. Чем обернется для девушек и их родных эта улетная подмена? И главное — найдется ли злодей?

Ценцария[1], Эйлинкель[2]

Спрыгнув со своего вороного коня — чистокровного благородного аба[3], принцесса Линкея дотянулась до ягодного куста, сорвала один мелкий плод и, оглядев его, положила в рот. Сладкий, слегка вяжущий сок, брызнув на язык, вызвал у нее улыбку. Развернувшись к конвою из сопровождающих ее придворных шерлугов[4], она облизнула губы и одобрительно огласила:

— Сутра[5] созрела. В лес вернулась птица. Сезон охоты объявляю открытым!

Шерлуги разразились задорным боевым кличем, по королевскому указу непозволительным в мирное время. Принцесса вновь взобралась на аба, поправила за своей спиной лук и колчан со стрелами и воскликнула:

— Вперед!

По команде шерлугов оседланные животные рванули с места. Завязалась дикая охота: погоня, терпеливое выслеживание, лай гончих псов, крик напуганных птиц, визг спасающихся зверей. Торжествуя из-за каждой пойманной дичи, принцесса и ее вооруженная свита безудержно мчались вглубь леса, оставляя за собой эхо громких голосов и шлейф из запаха лошадиного пота и взбудораженного лиственного перегноя.

Девственные леса Ценцарии всецело принадлежали Эйлинкелю еще до объединения малых государств в единые королевства. Соседние державы владели морскими просторами, бескрайними полями и скалистыми горами с древними заснеженными вершинами. Так случилось, что во времена Великого Плача[6] мировая экономика пришла в упадок. Спасая свои владения от нищеты, короли взяли за правило скреплять деловые отношения не только торговлей, но и родственными узами. У них даже выработался определенный порядок, который не обошел стороной и принцессу Линкею. Ей надлежало выйти замуж за принца Халагрохильда[7] Аланнарвальда — идеальную партию для тихони, чьи развлечения ограничиваются чаепитием в саду, примеркой нового платья и вышиванием полотенец в окружении лин[8]. Умный, своенравный, честолюбивый Аланнарвальд — достойный наследник трона и перспективное будущее для обоих королевств. Будь у Линкеи мама, она задала бы той вопрос: «А как же любовь?» На что королева ответила бы: «Стерпится — слюбится». Есть вещи, остающиеся неизменными вечно.

Мех и мясо дичи, дерево, орехи, смола, масло и лекарственные травы были основным достоянием Эйлинкея. Это делало королевство одним из самых богатых в Ценцарии. Так что претендентов на вакантное место жениха у Линкеи хватало. По мнению отца, принц Аланнарвальд был наиболее подходящим вариантом. Наверное, король руководствовался своей симпатией к образцовому воспитанию молодого наследника трона. Линкее же он казался перфекционистом до скрипа зубов. Безупречные манеры, отточенная речь, безграничное терпение, преданность своему делу: все это — Аланнарвальд. Без изъянов в поведении и во внешности. Голубоглазый, русоволосый, статный красавец. Всегда одет с иголочки, до блеска выбрит и надушен. Всякий раз слыша о нем, Линкея демонстративно зевала, тем самым выражая свою смертную скуку по отношению к принцу. К ее сожалению, решение отца было твердым: свадьба должна состояться вскоре после окончания посевных работ на полях Халагрохильда. А пока Линкея довольствовалась остатками свободы.

Поздняя весна в Эйлинкеле, отличившаяся в последнее десятилетие, проявлялась не

только в залежавшихся снежных покровах, но и в многообразии меховых пальто, без которых люди зябли бы от сырого холода. В особенности те, кто днями стоял за рыночными прилавками или станками. Не мерзли лесорубы, добыватели и плотники. А охотники тем более! Линкея скинула с себя шубку, едва настигла первую добычу. Она даже вспотела от азарта.

Набивая свежими, теплыми тушками клетки из гнущихся прутьев прибрежных кустарниковых деревьев, из которых обычно плели корзины, сундуки, коробки и мебель, шерлуги ликовали. Давно им хотелось выпустить пар, скопившийся за долгие месяцы морозной зимы. Не день, а праздник! Попутно удалось запасть сугрой — вкуснейшей начинкой для пышных пирогов и лекарством от простуды.

К полудню, когда птицы и звери затаились, а усталость победила, охотники собрались на старом месте для привалов и развели костер. Пока в подвешенном над огнем котелке варилось сочное мясо, натертое лесными пряностями, шерлуги делились анекдотами и случаями из жизни и службы. Поднимая наполненные хмельным фляжки из драгоценного рога северного брала[9], они воздавали хвалу богиням Мира и Дostatка Ценцарии. Пили шерлуги мало. Они не забывали об ответственности за Линкею, которая поглаживая толстую шею своего аба, с ладони кормила его сугрой и тихо посмеивалась, если какая-то история того стоила.

Первая корчага с готовым мясом в горячем бульоне была подана вызвавшемуся повару. Попробовав походное блюдо, он хмыкнул и присвистнул. Только потом шерлуги зашумели и загремели чашками, в нетерпении набить животы. Один из них встал со своего места, убрал в ножны на поясе меч, который он начистил до блеска, и подошел к костру. Получив наполненную корчагу, он направился к принцессе.

— А я все гадала, долго еще ты будешь дуться или нет? — Линкея встретила его теплой улыбкой. Вместо того чтобы взять еду, она подтянулась на носках и провела пальцами по его длинным светлым волосам, сбившимся во время охоты в небрежные патлы. — Ничего не скажешь?

— А что тут скажешь? — буркнул он, исподлобья косясь на принцессу. Его раскосые голубые глаза потемнели и стали похожими на шторм. — Скоро твоя свадьба. Поздравляю.

«Грубиян!» — подумала Линкея, продолжая пальцами расчесывать его волосы.

— Снова колючий, — обратила она внимание, игривым взглядом пройдясь по его небритому лицу. — Я не о щетине, — тут же поправилась Линкея, вплотную приблизившись к блондину. — Лен, ты же знаешь, в каком я положении. Я три года оттягивала эту свадьбу. Думаешь, я хочу всю жизнь провести рядом с этим напыщенным сухарем? Это отцовское решение.

— Давай расскажем ему о нас, — попросил Лен, оттаивая.

— Лен! — тяжело вздохнула Линкея, повернувшись к нему боком и потупив взор под ноги. — Родственные узы должны положительно влиять на укрепление внешней политики. Не забывай, я единственная наследница. У меня от рождения нет выбора. Объединение Эйлинкеля с Халагрохильдом даст нашим королевствам гарантию мира и достатка, о которых все мы молимся. Мой отказ повлечет за собой чреватые последствия. Договор утратит силу, и Эйлинкель станет страной-изгоем. Вы с Йеном как племянники моего отца получите в наследство восточную область королевства, как только женитесь. Но не на мне. — Она снова посмотрела на кузена. — Я люблю тебя, Лен. Будь моя воля, я сбежала бы с тобой подальше ото всех. Особенно от Аланнарвальда, — добавила она, поморщившись.

— А от Йена? — этот вопрос прозвучал с ноткой откровенной ревности.

Лен был старше Линкеи на восемь лет, а Йен на два года младше нее. Но зачастую Йен проявлял гораздо больше ума и самообладания, чем Лен. Младшему кузену недавно исполнилось восемнадцать, и их с Линкеей флирт перестал казаться Лену по-прежнему безобидным. Взрослея на глазах, брат превращался в серьезного конкурента дел сердечных. А Линкея не отказывалась от его романтических ухаживаний.

— Не бесись, — кокетливо улыбнулась Линкея и взяла Лена за его свободную крепкую руку. — Лучше иди сюда.

Она забрала обед, отставила на гладкую поверхность давнишнего пня и потянула кузена подальше от посторонних глаз. Едва они исчезли из вида шерлугов, как Линкея прильнула к Лену и, вновь подтянувшись на носках, коснулась своими губами его плотно сжатого рта. Мгновенье кузен не шевелился, точно истукан. Все же Линкея обладала ключиком к его сердцу.

— Аланнарвальд не встанет между нами, — прошептала она, плотнее прижимаясь к Лену. — Кто сказал, что после свадьбы мне запрещено видеться с кузенами?

Лен смягчился. Положил ладони на тонкую девичью талию, спрятанную под шерстяной туникой, и горячо ответил на поцелуй.

— Повтори, — пылко попросил он, не прекращая целовать желанные губы.

— Что? — Линкея чуть отстранилась, повиснув в объятиях широкоплечего кузена, и похлопала длинными ресницами.

— Что любишь.

— Я же сказала. Люблю.

— Слишком посредственно. Как всегда, — Лен опять разозлился. — Йену ты говоришь так же?

Не успела Линкея ответить, что ей надоело выслушивать недовольства кузена, как у ее головы со свойственным свистом пролетела стрела.

[1] Ценцария — авторский мир, существующий одновременно с нашим, но независимо от него (прим. автора).

[2] Эйлинкель — монархическое государство Ценцарии (прим. автора).

[3] Аб — вымышленная порода верховых и упряжных лошадей, подобных фризской породе (прим. автора).

[4] Шерлуг — солдат, рыцарь, воин, военный служащий (прим. автора).

[5] Сугра — морозостойкая лесная ягода, созревающая к увяданию бутонов первоцветов (прим. автора).

[6] Великий Плач — наименование всемирной войны, длившейся почти столетие (прим. автора).

[7] Халагрохильд — еще одно монархическое государство Ценцарии (прим. автора).

[8] Лина — придворная служанка (прим. автора).

[9] Брал — травоядное парнокопытное млекопитающее северных королевств Ценцарии, имеющее два рога на передней части морды (прим. автора).

Стрела вонзилась в растущее позади принцессы дерево, едва не задев висок. Лен инстинктивно вынул меч из ножен и закрыл Линкею собой от невидимого врага.

— Снова, — сбивчиво задышав от нахлынувшего ужаса, произнесла она, с опаской глядя на стрелу.

— Не отходи! — в приказном тоне рявкнул рассерженный Лен.

Он осторожно осмотрелся. Вокруг было тихо. Не отпуская Линкею, Лен рывком извлек стрелу из упругого ствола. Никаких отличительных знаков на ней не обнаружилось, а судя по отсутствию хвостовика, ее либо метали рукой, либо с помощью магического энергетического луча.

Линкея и Лен настороженно взглянули друг на друга. Покушения на принцессу начались вскоре после того, как на реках тронулся первый лед. Неизвестный злодей действовал осмотрительно, не оставлял следов, исчезал мгновенно. Он менял способы нападения, но совершал их при свидетелях. То есть Линкею всегда кто-то мог защитить, отчего мотивы недоброжелателя выглядели нелогичными и странными. То, что поначалу казалось чьей-то злой шуткой, постепенно стало пугать. Линкею словно предупреждали. Оставалось понять — о чем? О покушениях она рассказала только Лену и придворному советнику-магу Альтмару. Было бы благоразумно оповестить отца, но Линкея в силу своего строптивного характера хотела сама во всем разобраться. Она запретила Лену и Альтмару докладывать об этом королю, якобы беспокоясь о его здоровье.

— Пора положить этому конец! — взбрыкнулся Лен.

— Нет! — запротестовала Линкея, дернув его за руку. — Отцу придется ввести военное положение, что усложнит визит короля Яруэля и королевы Эллиады!

Нежность принцессы вмиг обратилась в суровость.

— Прекрасный повод повременить со свадьбой.

— И заставить другие королевства усомниться в безопасности Эйлинкея! Мы найдем неприятеля без ненужной шумихи! — Линкея отняла у Лена стрелу и, обойдя его, зашагала к лагерю.

Скомандовав возвращаться, она отвязала своего аба от дерева и дала ему еще горсть сугры. Послушное животное благодарно кивнуло. Линкея чмокнула его в морду и вскарабкалась на его спину. Дождавшись шерлугов, она приказала отправляться домой.

Вконец разозлившийся Лен не проронил ни единого слова за весь обратный путь, а подъезжая к крепостным стенам, заявил, что у него есть нерешенные дела, не терпящие отлагательства. Линкею это нисколько не задело. К дерзости кузена она привыкла с детства.

Отослав аба в конюшню, Линкея направилась не в донжон, а в подвал, занятый Альтмаром. Здесь он практиковал магию. В основном, маг занимался варкой целебных эликсиров, растиранием трав в порошок, изготовлением защитных оберегов, чтением заклинаний над костями и трупами мелких грызунов и земноводных. Он не позволял посторонним вторгаться на эту колдовскую территорию, страдая жуткими проклятиями. Но Линкея скептически относилась к способностям Альтмара, уверенная, что он попросту шарлатан, нашедший прикормленное место. Тинлуги[1] верили магу и были готовы отдать последнюю краюху хлеба ради нашептывания заклинания на зачатие сына, хороший удой скота, или за настойку от несварения. А при дворе Альтмар занимал еще и место

королевского советника, что делало его едва ли не самым значимым жителем Эйлинкеля.

Швырнув стрелу прямо на дымящиеся на столе травы, Линкея отмахнулась от едкого облака и взглянула в бледное лицо худого Альтмара. Для должного эффекта загадочного могущества ему было мало природой подаренного длинного крючковатого носа, густых сросшихся бровей над глубокими темными глазами и тонкой полоски синюшных губ. Маг зализывал назад с возрастом поредевшие, разбавленные сединой волосы, носил исключительно черную мантию в пол и следил за остротой ногтей на своих кривых, тонких пальцах.

Замерев, он опустил невозмутимый взгляд на стрелу и монотонно произнес:

— Неудачная охота, моя принцесса?

Скрестив руки, Линкея озадаченно приподняла одну бровь. Из темного угла помещения робко вышел невысокий толстячок с булкой в руках. В его редкой короткой бородке застряли крошки, а щеки вымазались фиолетовыми пятнами от сока сугры. Надкусив булку, он немного пожевал и хрипло спросил:

— Это что, кровь? — Он обратил внимание на засохшие капли на светло-коричневых брюках принцессы и пошатнулся. — Отец, там кровь.

Альтмар покосился на сына и ответил:

— Цыц, Нолан.

Тот едва не потерял сознание, но нашел в себе силы дотянуться до куска вяленого мяса на столе. Конечно, всем своим умирающим видом Нолан демонстрировал крайне ранимую психику, однако его упитанное тело больше жаждало еды, чем обморока. Этот неповоротливый детина был чуть старше Линкеи, а по умственным способностям едва преуспевал больше безграмотного дикаря.

— На меня опять покушались, — сообщила принцесса, стараясь не заикливаться на громком чавканье Нолана. — Я склоняюсь к применению врагом магии.

Альтмар плавно взмахнул ладонью, поднял стрелу и поднес ее к глазам. Осмотрев, понюхав, погрызая и в итоге сломав ее пополам, он констатировал:

— Да, чувствуется неумелое обращение с магией. Вернее, с ее крупницей.

— Вы единственный лавочник, промышляющий волшебной пылью в Эйлинкеле! — Линкея указала на него пальцем. — Разгадайте же загадку! Кто мог это сделать? И почему?

— Я добросовестно отношусь к раздаче магических атрибутов, моя принцесса. Клянусь богинями Мира и Достатка Ценцарии, никто не просил у меня подобного колдовского заклинания.

Линкея все отдала бы, чтобы поверить Альтмару. Осуждающе поглядев на Нолана, продолжающего раздражительно причмокивать у самого ее уха, она в повелительной манере фыркнула ему:

— Брысь!

Нолан издал звук, похожий на жалобное кошачье мяуканье, и скрылся в темноте угла, откуда в следующее мгновенье донесся хруст орехов.

— Это началось сразу после объявления моей скорой свадьбы с Аланнарвальдом, — напомнила Линкея. — Скажите, советник, это Лен? Он хочет расторгнуть договор и попросил вашей помощи?

— Нет, дитя мое! — положа руку на сердце, воскликнул Альтмар. — Ваш кузен, напротив, очень тревожится из-за покушений.

— Что ж, — вздохнула она, слегка разочаровавшись в ошибочной догадке, — значит,

меня могут убить. Вероятно, это случится до свадьбы.

Нолан хрюкнул, что могло означать все что угодно от сочувствия до усмешки. Линкея не стала делать ему замечание. Это то же самое, что ругать ребенка за оплошность, совершая которую, он понятия не имеет, насколько это плохо.

— Принцесса, — ласково обратился к ней Альтмар и, обойдя стол, взял ее за руки. Его ледяные пальцы буквально вцепились в ее запястья. — Я долго думал, как лучше уберечь вас от неизвестного нам врага. Есть только два выхода: рассказать вашему отцу — нашему почтенному королю, или...

— Или? — переспросила Линкея, уловив заминку.

— Подменить вас.

— Что? — Она нахмурилась, не понимая, о чем речь.

— Вселенная — это сгусток энергии хаоса, разделенный на множество отдельно существующих миров. В некоторых живут такие же люди, как мы. Точь-в-точь. Наверняка где-нибудь сыщется ваш двойник. У меня душа не на месте, пока вы в опасности. Я не могу позволить моей принцессе погибнуть. Но могу на время поменять вас местами с той девицей, что окажется вашей точной копией. Мы с Леном и Ноланом, — Альтмар сделал упор на имя своего недалекого сына, звучно глотающего воду, — разыщем недруга.

— А ловить будете на живца? Подставляя невинную девушку? — Линкея с трудом сдерживалась, чтобы не ткнуть мага носом в его травы.

— Напоминаю, есть еще один выход.

— Нет, отцу рассказывать нельзя. Пострадают люди. Что там с мирами? — все-таки поинтересовалась Линкея, высвобождаясь из мертвой хватки Альтмара.

Он широко улыбнулся и, почтительно склонив голову, сказал:

— Доверьтесь мне, моя принцесса. Ступайте в свои покои. Я поищу вам замену, а потом поговорим.

Не особо обнадеживающее заверение, больше похожее на бред сумасшедшего из подземелья. Но по сравнению с Ноланом, из достижений которого особенно выдающимися были надувание пузырей из слюны и беспрестанное почесывание ягодицы, Альтмар выглядел вполне умным человеком. К тому же ему доверял сам король!

Нехотя согласившись позже обсудить предложение Альтмара, Линкея отправилась к себе. День выдался тяжелым. Принцесса устала, замерзла и проголодалась. Отец часто говорил: «Отложи печали и заботы с вечера на утро, и с рассветными лучами все разрешится». На тот момент этот совет был ценен как никогда!

[1] Тинлуг — гражданский житель Ценцарии (прим. автора).

Канада, Уотерлу[1]

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент, когда Микаэла вспенила на волосах шампунь. Засуетившись, она мокрыми ногами поскользнулась на кафеле. Удержать равновесие помогла пожертвовавшая собой шторка. Дотянувшись до полотенца на стене, Микаэла наспех им обмоталась и проскочила в свою комнату. Зевающий младший брат, которого она едва не сбила по пути, от замешательства забыл, куда и зачем направлялся. Минуту мальчишка простоял в оцепенении, потом поплелся на запах свежей выпечки.

На дисплее мобильного светилось фото улыбающегося кареглазого брюнета. Микаэла раздраженно зарычала и затопала ногами. Решив, что звонят из ветеринарной клиники, где она стажировалась третий месяц, Микаэла второпях чуть не разбилась в ванной. Ради чего? Чтобы услышать очередное «Доброе утро, кошечка» от Рейнольда!

Выдохнув и угмонив всполохнувший гнев, Микаэла приняла звонок и включила громкую связь.

— Доброе утро, кошечка! — бодро поприветствовал ее хрипловатый мужской голос. — Ты не забыла о сегодняшнем вечере? Я заеду за тобой в восемь! Люблю тебя! Р-р-р... Все, мне пора бежать. До вечера!

Не успела Микаэла ничего ответить, как Рейнольд отключился. Закатив глаза, она вернула мобильник на прикроватную тумбочку и посмотрела на лужу под ногами. Чего остро не хватало этому парню — так это чувства такта. Микаэла постоянно твердила ему, что живет по четко установленному распорядку каждого дня. Но Рейнольд будто нарочно регулярно рушил ее планы. Зная, в какое время она принимает ванну, медитирует, читает, он словно специально отвлекал ее телефонными звонками, личными визитами или курьерской доставкой цветов и пирожных. Это не могло не нервировать Микаэлу, отчего желание порвать с Рейнольдом уже было не беспричинным.

— Мик, завтрак! — позвала ее мама откуда-то из глубины их двухэтажного дома.

Микаэла вышла из комнаты и, проходя мимо лестницы, ответила:

— Скоро спущусь!

Дверь ванной оказалась запертой изнутри.

— Айк, выходи немедленно! — заорала Микаэла. — Я опоздаю на работу!

В ответ послышался шорох. Пена, сползая с волос, защипала глаза. Терпению Микаэлы приходил конец. В этом доме по-настоящему добрым бывало только одно утро в году — сразу после Рождества, когда все спали до полудня, не путаясь под ногами и не отнимая у Микаэлы драгоценное время.

Из ванной плавно вышла бабушка. Несмотря на скромные пять футов роста Микаэлы, она была почти на полголовы ниже внучки. Полноватая, но энергичная. Всегда в ярких нарядах, с макияжем и колечками пышной прически, она давала фору любой молодой девушке, особенно Микаэле. Бабушка все чаще пророчила ей вдовью долю.

— Тот несчастный, что осмелится жениться на тебе, умрет от скуки еще до вашей первой годовщины, — ворчала она, когда внучка очередной раз игнорировала приглашение Рейнольда на свидание.

Обойдя бабушку, Микаэла юркнула в ванную и, громко хлопнув дверью, залезла под струю воды. Быстро domывшись, она подсушила волосы феном, оделась в джинсы и рубашку

и, вытерев запотевшее зеркало ладонью, взглянула на свое отражение. Красота Микаэлы была неоспоримой. Еще в детстве все называли ее маленькой принцессой. Она обладала волнистыми от природы светлыми волосами, ровным персиково-розовым тоном кожи, большими голубыми глазами под тонкими дугами бровей, на зависть длинными ресницами, аккуратным носиком и овальными, в меру пухлыми губами. Мама, одержимая фотосессиями, собрала целые коллекции фотографий из разных периодов взросления Микаэлы, а теперь, когда дочь превратилась в кладезь комплексов, с тоской вспоминала былые времена.

Проблемы начались, как и у многих, в подростковом возрасте, когда Микаэла вдруг поняла, что почти все ее заслуги — это следствие смазливой мордашки, умения очаровательно улыбаться и стрелять глазками. Никого не интересовало содержимое этого притягивающего внимание фантика. Ей сыпались приглашения от модельных компаний и продюсеров киноиндустрии. Мама не находила себе места от счастья, пока однажды Микаэла не заупрямилась, заявив, что это не то, о чем она мечтает. Девочка наконец проявила характер. Призналась в нежелании строить жизнь в окружении аморальной элиты из эгоистов и лицемеров.

Скандал повлек за собой не решение вопроса, а разлад в семье. Микаэла отстранилась от родных, больше не находя в них поддержки. Отсутствие понимания выстроило между ней и родителями ощутимую стену, и Микаэла обросла непробиваемым панцирем заниженной самооценки. Она вбила себе в голову, что не способна ни на что, кроме блестящего создания эффекта собственной значимости через врожденные внешние данные. Убив в себе остатки уверенности, Микаэла выбрала дистанционное обучение в колледже и пошла работать.

Сезонные подработки в парках и на площадях, раздача листовок, расклейка объявлений, выгул собак и доставка продуктов инвалидам и пенсионерам проложили ей путь в небольшую ветеринарную клинику. Это было первое нормальное вакантное место в родном Уотерлу, подходящее Микаэле, поэтому она за него держалась. Последний месяц стажировки подходил к концу. На носу экзамен. От его результатов зависело решение о ее постоянном трудоустройстве. Естественно, Микаэла волновалась. Она приходила в клинику задолго до начальства, уходила позже, по необходимости задерживалась без доплаты или вовсе подменяла кого-то на своих законных выходных. Работа ей нравилась. Там чувствовалась стабильность: постоянные клиенты с уравновешенной психикой, дружный коллектив, адекватное руководство. Невысокая зарплата не отпугивала Микаэлу. Денег ей хватало не только на личные расходы, но и на оплату обучения. А после окончания колледжа она планировала снять комнату и съехать от семьи, где ее бойфренд Рейнольд внезапно стал всем любимей и дороже Микаэлы.

— Ты будешь дважды душой, если упустишь его! — доказывала мама, которая совсем недавно относилась к Рейнольду предвзято из-за его мексиканских корней.

Наблюдая за первым и единственным ухажером дочери, она убедилась, что он не промышляет контрабандой, наркотиками и прочими махинациями, столь распространенными среди выходцев из стран третьего мира, и изменила свое придирическое мнение. Мама приглашала Рейнольда на семейные ужины и праздники, передавала угощения его семье, а бабушка связала ему свитер. Родные словно обхаживали его, лишь бы он не бросил их убогую, глупую, никому не нужную Микаэлу, отчего она еще больше чувствовала себя неполноценной и ущербной.

Взяв с полки резинку, Микаэла собрала волосы в высокий хвост и, глубоко вздохнув,

мысленно пожелала себе успехов и терпения. Вернувшись в комнату, она собрала сумку, сунула мобильник в карман джинсов, надела слипоны и, захватив с тумбочки кулон на цепочке, зашагала к лестнице. Микаэла не снимала это украшение, сколько себя помнила. Мама говорила, что оно у нее от рождения, а сама Микаэла верила в него, как в талисман. Кулон представлял собой овал с небольшим отверстием вместо положенного драгоценного камня в центре, выглядел дешево и совсем не блеснул. Однако именно простота делала его самым любимым украшением Микаэлы. Шкатулка с золотом и серебром пылилась на ее шкафу, а какой-то блеклый, затертый кулон на потемневшей с годами цепочке удостоился чести лидировать среди целой коллекции безделушек.

Надев его на шею и спрятав под рубашкой, Микаэла спустилась в столовую, где за обеденным столом уже собралось и завтракало ее семейство — отец, мама, бабушка, братец Аик и его блохастая псина. Отец, сидя вполоборота, читал газету, мама разговаривала по телефону, придерживая трубку плечом и намазывая Айку тост маслом, бабушка подкрашивала ногти ядовитым цветом вонючего лака, а Аик незаметно ото всех вытаскивал из своей тарелки кусочки пережаренного бекона и подавал их псу, затаившемуся под столом.

— Фу, ба! — буркнула Микаэла, садясь на свободный стул. — Нашла место!

— Мы с девочками собираемся почитать «Пятьдесят оттенков Грея» у Долорес. Я не могу прийти на встречу без маникюра. Я же не ты, — саркастически ответила бабушка.

Микаэла старательно сконцентрировалась на своей порции яичницы с беконом. Ее не интересовало увлечение бабушки и ее престарелых подруг скандальными эротическими романами, даже если они мировые бестселлеры, а к язвительным насмешкам в свою сторону она привыкла.

Виляющий хвост довольного ретривера забил ее по ноге. Микаэла взяла вилку и нож и покосилась на Айка. Тот, поняв ее безмолвный намек по одному только сердитому взгляду, запустил руку под стол, нащупал собачий ошейник и оттащил пса ближе к себе. Мама подала Айку тост и, отложив телефон, взглянула на Микаэлу.

— Рейнольд предупредил, что у вас сегодня свидание, — с хитрецей улыбнулась она. — Я рада, что вы решили провести вечер вместе.

— А я очень надеюсь, что этот вечер перетечет в ночь и завтрак в постель, — добавила бабушка, обдувая ногти.

Микаэла окинула их возмущенным взглядом и перевела его на отца:

— Пап!

Он поднял глаза и, посмотрев на нее поверх очков, открыл рот, но в этот момент вновь заговорила мама:

— Молчи, Тобиас! Они встречаются полгода. Пора воспринимать их отношения всерьез.

— На что спорим, что у меня секс случится раньше, чем у Мик? — хихикнул Аик.

Микаэла всплеснула руками.

— Класс! Теперь меня воспитывает еще и одиннадцатилетний засранец! — Потеряв аппетит, она отложила приборы и встала. — Может, что-нибудь передать вашему любимчику Рейнольду? — спросила она. — Что, нет? Пирог, свитера, поцелуйчики? Ничего не приготовили? Как вы могли? Надеюсь, он не сильно расстроится.

Стиснув от обиды зубы, Микаэла вышла из-за стола. Прощаться не было и малейшего желания. Хотелось поскорее добраться до клиники и отвлечься работой. Прицепив сумку к багажнику своего велосипеда, Микаэла покатила его к калитке. Идя по дорожке, она считала тротуарную плитку, чтобы выбросить из головы сор.

— Микаэла! — окликнула ее соседка, не дав ей выйти со двора.

Большинство здешних особняков отгораживалось друг от друга низкими садовыми заборчиками, что позволяло соседям свободно общаться друг с другом и хвастаться облагораживанием дворов и цветочных клумб.

— Да, миссис Смит, — ответила Микаэла, остановившись и обернувшись на зов женщины. — Здравствуйте!

— Доброе утро! Ты не могла бы принести корм для моей Элеоноры? — спросила та, обнимая крупную буровато-рыжую индейку с металлическим блеском чистых перьев.

Микаэла пыталась понять одинокую миссис Смит, державшую дома индейку — не кошку, не собаку, не рыбок, а именно индейку! — но так и не смогла. Этой птице все сходило с рук. Она выклевала все цветочные клубни в хозяйском саду и уже добралась до соседских. Миссис Смит извинялась (а давить на жалость она умела), клялась, что подобное не повторится, и продлевала жизнь своей Элеоноре.

Микаэла прошлась задумчивым взглядом по ямкам с газоном, перерытым мощными лапами, и натянуто улыбнулась уголком губ:

— Конечно.

— Ох, спасибо! — обрадовалась миссис Смит и, сделав вид, будто не заметила испорченный газон в соседском дворе, ничего не добавила в оправдание своей пакостной индейки.

Принести корм означало купить его на собственные деньги и подарить миссис Смит. У Микаэлы не хватало храбрости спросить, не хочет ли женщина заплатить за товар, а та, притворяясь слабоумной, отмахивалась от кассового чека, говоря: «Цена не имеет значения. Я верю тебе на слово». Правда, какое отношение доверие имело к откровенной наглости, Микаэла так и не разобрала.

Выйдя со двора, она села на велосипед и взяла курс в сторону центра.

[1] Уотерлу (англ. Waterloo) — город в канадской провинции Онтарио. Население — 104985 человек (2016 г. — Организация Объединенных Наций).

Оставив велосипед на велопарковке неподалеку от клиники, Микаэла закинула на плечо сумку и огляделась. Теплые солнечные лучи, оживляющие улицу, обещали хороший день. Магазины уже открылись, проезжая часть гудела машинами, суетливые прохожие торопились по своим делам — на работу, в школу, на встречу, на прием к зубному врачу. Неважно — куда и зачем, всех объединяло одно — спешка. И в этой спешке, стараясь не потерять ни минуты, как ни странно, большую часть времени люди посвящали гаджетам. Телефоны, айфоны, смартфоны, планшеты... Бесконечное количество технических новинок, погрузивших человечество в цифровой мир. Что особенно нравилось Микаэле в ее работе — так это клиенты. Добродушные держатели домашних питомцев меньше других привязаны к глобальной интернет-паутине. В первую очередь их волнует благополучие тех, кого они приручили, а уже потом социальные сети. Эти люди более общительные и «живые».

Звякнувший над дверью колокольчик привлек внимание Джоанны. Высокая, чересчур худая, короткостриженная брюнетка с бледной, чуть ли не прозрачной кожей, она словно никогда в жизни не бывала на открытом солнце. Джоанна была продавцом-консультантом в зоомагазине, занимавшем первый этаж. А ветеринарная клиника, где практиковали супруги Элис и Андрэ Дюран, располагалась на втором. Странная, но внушающая к себе симпатию Джоанна умела ободрить любого клиента, обеспокоенного болезнью своего любимого питомца. Она находила общий язык с каждым. Микаэла так не могла, из-за чего Элис и Андрэ неоднозначно вели бровями. Процветание их семейного дела зависело не только от клиентов, но и от сотрудников.

— Привет! — улыбнулась Микаэла.

— Припозднилась? — Повернувшись к стеллажу, Джоанна принялась расставлять на полке банки с собачьими консервами.

— Дюраны уже здесь?

— Нет.

Микаэла облегченно выдохнула. Приходя на работу раньше руководства, она надеялась доказать свою пунктуальность.

Отнеся сумку в комнату отдыха, Микаэла надела фартук с логотипом клиники и, взяв щетку, вернулась в торговый зал. Ее рабочее утро всегда начиналось с уборки, потом она кормила животных, проверяла наличие товара на витринах, встречала и провожала клиентов на второй этаж, помогала Джоанне.

— У тебя все в порядке? — поинтересовалась Джоанна, когда Микаэла второй раз выпустила щетку из рук.

— Да... Да, — отрывисто сказала она, почему-то дважды повторив свой ответ. — Миссис Смит попросила корм для Элеоноры. Не могла бы ты отбить?

Джоанна хмыкнула, сходила в конец зала и принесла оттуда пачку птичьего корма.

— Нет! — Микаэла перестала подметать и посмотрела на вставшую за кассу коллегу. — Не в порядке! Представляешь, моя личная жизнь уже обсуждается за завтраком! Мой малолетний братец надо мной посмеивается, а ему даже не делают замечания!

Джоанна пикнула сканером, выбила чек, засунула его вместе с кормом в бумажный пакет и отставила в сторону. Выкатив из-под прилавка стул на колесиках, она похлопала по сиденью:

— Иди сюда.

Протащив щетку по полу, Микаэла дошла до стула и села. В магазин вошла первая покупательница. Джоанна закатила глаза: она недолюбливала эту кошатницу — грубую, жадную старуху из соседнего квартала. Взяв упаковку древесного наполнителя, та положила его на кассовый бокс.

— Доброе утро, — с улыбкой поприветствовала ее Джоанна. — Прекрасный день, не находите? — Она просканировала штрих-код и спросила: — Что-нибудь еще?

— С вашими-то ценами? — проворчала покупательница. — Сколько с меня?

— Восемьдесят центов, — с неизменной улыбкой ответила Джоанна. — За наличный расчет сделаем семипроцентную скидку.

Та открыла кошелек и фыркнула:

— Неслыханная щедрость.

— Отлично! Тогда семьдесят четыре цента.

Покупательница подала один доллар, получила сдачу и, все так же хмурясь, покинула магазин со своей скромной покупкой.

— Класс! — буркнула Джоанна, убирая полученную купюру под настольную статуэтку Хоттея[1] с монетами в руках. Она верила в силу фэн-шуя, а особенно в магию первого покупателя. Если рабочее утро начиналось с мужчины, день обещал быть прибыльным. А если покупка этого мужчины превышала десять долларов, то очень прибыльным. — Первая — вредная бабка. Да еще такая смешная сумма. Нас ждет опилочный день, — вздохнула она, снова переключившись на Микаэлу. — Ладно, рассказывай.

— Мама намекнула на серьезность наших с Рейнольдом отношений.

— И что? Вы давно вместе. Пора.

Зазвонил стационарный телефон. Джоанна подняла трубку и ответила:

— Ветеринарная клиника Дюран. Чем вам помочь?.. Белая девочка?.. — Она с улыбкой взглянула на Микаэлу. — Да, белая девочка есть... Конечно, приходите. Мы работаем до восьми. — Джоанна положила трубку и хихикнула: — Звонил какой-то парень. Спрашивал, есть ли у нас белая девочка. Хомячиха. Иногда люди выражаются очень забавно.

— Я не люблю Рейнольда, — призналась Микаэла.

Джоанна метнулась к ней и приложила ладонь к ее лбу.

— Жара нет. Тогда почему ты бредишь? Мик, ради тебя Рейнольд готов на все, что угодно. Он отказался от любимого фастфуда, мотогонок, уличных танцев. Смотрит душещипательные мелодрамы, ходит в театр и экономит на себе, чтобы водить тебя по дорогим ресторанам. Чего тебе не хватает?

— Чувств. Его привлекло это, — Микаэла указала на свое лицо. — Я же вижу, что ему со мной скучно.

— Может, это тебе с ним скучно? Он принимает тебя такой, какая ты есть. А ты его нет. Мик, я люблю тебя. Но сейчас ты не права.

— Мне кажется, если мы переспим, станет только хуже. Со своей предыдущей девушкой он провстречался восемь месяцев. Как только дело дошло до секса, они расстались.

— Вообще-то это она его бросила. Потому что нашла богатенького мачо и рванула с ним в Штаты. — Джоанна вытащила из кармана своего халата леденец и подала его Микаэле. — Будь проще. Рейнольд хороший парень.

— Я этого не отрицаю. Просто мы разные. — Микаэла приняла конфету и повертела ее в руке. — Кого я обманываю? Пожалуй, пора это прекратить. Сегодня у нас свидание.

Последнее свидание.

— Ми-и-ик! — Джоанна опустила перед ней на корточки и положила свои ладони на ее колени. — Передумай. Пожалеешь же.

— Ты бросила своего бойфренда два месяца назад. Жалеешь?

— У меня была другая ситуация. И я люблю блондинчиков.

Микаэла грустно улыбнулась. Она потупила взгляд на леденец и добавила:

— Иногда мне кажется, что я не на своем месте. Хочется исчезнуть, телепортироваться куда-нибудь на необитаемый остров или в параллельный мир. Я не жду принца на белом коне, потому что сама далеко не принцесса. Просто хочется, чтобы рядом был человек, понимающий меня, разделяющий со мной одни интересы, а не жертвующий собой, чтобы угодить мне.

— А я не отказалась бы от рыцаря-блондинчика на коне любой масти.

Микаэла засмеялась.

— Кофе будешь? — как всегда резко сменила тему разговора Джоанна. — Подмени меня, схожу в булочную.

Через треть часа она вернулась в магазин с двумя стаканами свежего капучино и круассанами с яблоками и корицей. У Микаэлы поднялось настроение, и она с удовольствием позавтракала в компании подруги, а затем принялась за работу. День прошел в обычном режиме. Как и предсказала Джоанна, клиентов было не много, так что Микаэла не переутомилась и была готова на неприятный разговор с Рейнольдом.

Парень приехал ровно в восемь и громко посигналил клаксоном своего старого мотоцикла. Джоанна, подойдя к входной стеклянной двери, с тоской посмотрела на Рейнольда, но больше не спорила с Микаэлой. Едва та, поправляя ремни сумки на плече, подошла к кассе, как Джоанна сказала:

— Я очень хочу, чтобы ты была счастлива. Поступай так, как велит тебе твое сердце. В конце концов, это твоя жизнь.

— Спасибо, Джоанна, — ответила Микаэла и, положив деньги на монетницу, взяла пакет с кормом для Элеоноры. — Надеюсь, он поймет меня правильно.

Попрощавшись с подругой, она отправилась на последнее свидание с Рейнольдом.

[1] Хоттей — смеющийся Будда (фэн-шуй).

Ценцария, Халагрохильд

Двери тронного зала распахнулись без позволения его величества короля Яруэля, и этот резкий поступок вынудил его отвлечься от беседы с ее величеством королевой Эллиадой. Не вставая с именных кресел, монаршие особы благосклонно обратили внимание на охваченного негодованием принца Аланнарвальда. Он дал родителям мгновение и стремглав пересек зал.

— Это возмутительно! — Король Яруэль был безмерно оскорблен вопиющим поведением наследника престола.

— Простите, ваше величество! — ответил Аланнарвальд, встав у ступенек и отвесив поклон. Он заложил руки за спину и, гордо подняв подбородок, сказал: — Меня оповестили о скорой поездке в Эйлинкель. Я сочту за честь, если вы соблаговолите объяснить причину спешки.

Король взглянул на свою королеву, охваченную легким волнением, и смягчился.

— Ты должен сделать официальное предложение принцессе Линкее.

Аланнарвальд ожидал подобный ответ. Не шелохнувшись, будто привыкший к бьющему в лицо урагану, он лишь моргнул и перевел взгляд на королеву-мать. Та побагровела и, распустив веер, замахала им перед лицом.

— Ты знал, что этот день настанет, — напомнил король. — Решение о вашем союзе было принято много лет назад. Понимаю, раньше все казалось детской забавой. Но вы выросли, Алан. Пора повзрослеть и взять на себя ответственность перед королевством и Всемирным Соглашением о Мире и Достатке Ценцарии.

Аланнарвальд склонил взор в ноги короля. Королева замерла и вытянулась в струну. Ей совсем не нравилось, когда сын опускал взгляд. Это означало, что сейчас он будет спорить.

— О ней ходит дурная молва, — проговорил принц, снова посмотрев на короля. В этот раз его глаза стали ледяными и заглянули в самую душу.

— Принцесса Линкея обделена материнским воспитанием, и некоторые навыки, присущие жене и хозяйке, обошли ее стороной. Это не значит, что она пропащая женщина, не способная на создание крепкой семьи. Эйлинкель — весьма богатое королевство. Немудрено, что злые языки завистников распускают вздорные слухи. Верить им безрассудно.

— Отец! Вопрос касается моей жизни и жизни моих будущих детей!

Король вскочил с кресла, и королева дотянулась до его руки:

— Яруэль...

Он отмахнулся от нее, спустился и выпрямился перед сыном.

— Ты мужчина, Аланнарвальд? — застрожился король. — Если да, то возьми себя в руки и поставь перед собой цель усмирить ветреность своей будущей жены! Ты публично сделаешь ей предложение руки и сердца! Это не обсуждается! — Он через плечо посмотрел на королеву. — Эллиада!

Она глубоко вздохнула и, встав на непослушные ноги, спустилась к мужу. Едва сдерживая слезы, королева сняла со своего пальца фамильный перстень и протянула его сыну. Принц, сжав губы, чтобы не закричать, медленно принял украшение и пристально взглянул в потемневшие от гнева глаза короля.

— Я буду молиться богиням Любви и Бескорыстия Ценцарии, — твердо ответил ему

Аланнарвальд, — чтобы искренность наконец-то взяла верх над стремлением к выгоде в этом мире. И буду надеяться, что богини меня услышат, ваше величество.

Сжав перстень в кулаке, принц развернулся и быстро покинул зал. Королева, глядя ему вслед, уголком платка утерла набежавшие на глаза слезы.

— Они не будут счастливы в браке, Яруэль, — осторожно произнесла она.

Король вернулся в свое кресло и тяжело вздохнул.

— Они разные, — добавила королева, обернувшись. — Несчастливая супружеская жизнь озлобит его на всю Ценцарию.

— Ты слишком снисходительна к Алану. Он ведет себя как мальчишка! Хочешь, чтобы Линкея скрашивала его дни и ночи, научи ее. У нее нет матери, но скоро она станет членом нашей семьи. Ты воспитала двух прекрасных дочерей, перевоспитаешь и эту.

— Воспитать и перевоспитать — разные вещи.

— Она молодая. Податливая, как глина. Потребуется — обратимся за помощью к королю Стефанусу. Общее давление обуздает капризный нрав принцессы. Ступай, моя королева. — Король взмахнул рукой и приложил ее к наморщенному лбу. — Мне нужно побыть одному.

Ценцария, Эйлинкель

Решетка собачьего вольера содрогнулась под натиском немалой силы Лена. Убедившись в надежности креплений, он повернул ключ в навесном замке и окинул запертых здесь животных задумчивым взглядом. У них больше свободы в неволе, чем у него по эту сторону клетки. Он не может быть с любимой. Сама судьба противится их союзу.

Вынув из деревянной кадки последний кусок мяса, Лен просунул его промеж прутьев, и одна из гончих аккуратно приняла лакомство. Своего покровителя и кормильца они не кусали, даже не осмеливались косо на него смотреть. Лен улыбнулся, что делал исключительно редко, и почесал у нее за ухом.

— Лен, — негромко обратился к нему остановившийся неподалеку король.

Тот выпрямился и обернулся.

— Да, ваше величество. Прошу прощения за неопрятный вид. Я работаю.

Уголок губ короля Стефануса дрогнул. Лен сморозил глупость: неопрятный вид — его норма.

— Оставь это инлугам[1], — велел король, говоря о рабочем инвентаре. — Идем прогуляемся.

Лен обтер ладони о подол своей мешковатой туники, кивнул подоспевшему молодому инлугу и пошел вслед за королем.

— Где твой плащ, Лен? Холодновато.

— Я тепло одет.

Король Стефанус хмыкнул и неспешно пошел дальше. В детстве Лен мечтал быть на него похожим — удивительно спокойным, рассудительным, терпеливым и беззлобным. Тинлуги Эйлинкеля обожали своего короля, а он мог безбоязненно выходить на площади, гулять по улочкам королевства, навещать в гости к любому жителю. Конвой из шерлугов сопровождал монарха лишь в лесах, кишаших торлугами[2], и за границами Эйлинкеля. Король Стефанус не признавал вычурность. Ему было за пятьдесят, а он до сих пор не повесил свой портрет в картинную галерею замка.

— Сюда. — Король привел Лена к смотровой башне — самой высокой в замке. — Идем-идем, — с улыбкой добавил он, заметив смятение в лице племянника.

По винтовой каменной лестнице, освещаемой через предусмотренные при строительстве крошечные отверстия в стенах, они поднялись на самый верх. Их окатило холодным весенним ветром. Король Стефанус поправил на себе безрукавный плащ, застегнутый на правом плече, и обратился к смотрящему:

— Оставь нас, шерлуг.

— Мой король. — Тот поклонился, взял копье и спустился.

— Взгляни! — Король приблизился к парапету и, положив на него ладони, посмотрел вдаль. У подножия холма, на котором был возведен замок, простирался Эйлинкель, а за ним — бескрайний лес. — Что ты видишь, Лен?

— Наше королевство, — напряженно ответил тот, встав рядом с королем.

— И все?

Лен бросил на короля немного растерянный взгляд. Тот не шелохнулся. Он обладал высоким лбом, волнистыми волосами, всегда зачесанными назад, крупным благородным

носом с горбинкой, неправильным прикусом, бросавшимся в глаза, когда король говорил, и выразительным кадыком. Он знал, что далеко не красавец, мог посмеяться над собой и радовался схожестью Линкеи с ее мамой. Как-то король даже сказал, что если бы Линкея была похожа на него, то он держал бы ее в чулане.

— Мир, — тихо произнес Лен, отведя взгляд от короля.

— Именно. Ты видишь мир и достаток, Лен. Великий Плач унес тысячи жизней, разрушил много крепостей, вынудил нас создавать все это из ничего. Мы добились того, что имеем, через кровь и слезы. А чтобы мир и достаток продолжали править в Ценцарии, нам следует придерживаться определенных правил.

— Аланнарвальд украл у меня Линкею, — проворчал Лен.

— Помнишь поговорку: «Не воруй у вора. Иначе добытое не достанется ни ему, ни тебе». Отпусти ее. И никто не пострадает. Я уже присматриваю для вас с Йеном невест. Линкея не единственная девушка в Ценцарии. Хотя бы на мгновение забудь о своих чувствах и подумай о людях, которые верят в нас. О них! — Король рукой обвел Эйлинкель. — Там мирные жители, женщины, дети, старики. Они не знают войны благодаря нам. Но благодаря нам они могут ее познать. Выбор только за нами. Ты умный мужчина, Лен. — Король похлопал его по плечу и сделал шаг назад. — Думай, а потом делай.

Оставив племянника в одиночестве, король ушел. Ветер стих, а из-за тучного облака выглянуло солнце. Опустившаяся на парапет маленькая желтопузая птичка привлекла внимание Лена. Давно рассеялся пепел пожарищ, боль впиталась в землю, исчез запах смерти. Ценцария процветала, не зная всеобщего горя, но за улыбками правящих особ таились их душевные раны.

Задумавшись над словами короля, Лен буквально выволок себя из башни. В глубине двора он увидел дядю в обществе Йена. Младший брат держал свою лошадь под уздцы и внимательно слушал наставления короля. Видимо, тот решил поговорить с обоими племянниками — ухажерами Линкеи. Ведь через два дня в Эйлинкель приедет монаршая семья Халагрохильда — король Яруэль, королева Эллиада, принц Аланнарвальд и две юные принцессы. Естественно, королевское семейство Эйлинкеля должно хотя бы постараться выглядеть и вести себя прилично.

До Лена донесся тихий свист. Он обернулся. Линкея поманила его к флигелю. Именно там находилась дверь, ведущая в магическую мастерскую Альтмара. Приподняв юбки пышного платья, Линкея скрылась в полумраке пристройки, пока ее не заметил отец. Лен удостоверился, что король все еще занят беседой с Йеном, и поспешил за принцессой.

Отмахиваясь от дыма, заполонившего подвал, Лен догнал Линкею уже в центральном зале. Взяв ее за руку, он спросил:

— Вы нашли злодея?

— Не совсем, — ответила она, покачав головой. — Но нашли способ выявить его.

Линкея дошла до стола, над которым Альтмар делал странные пасы руками. Вздрогнув, Лен изрек:

— О, всемогущие богини! Какой же ты страшный.

Маг замер и, нахмурившись, посмотрел на Лена.

— Зато от меня не воняет псиной, — съязвил Альтмар.

Линкея, скрестив руки на груди, насупилась. Сидящий за столом Нолан ехидно засмеялся. Лен, взяв из корзины ломоть хлеба, ловко сунул его в открытый рот толстяка.

— Заткнись, — шикнул он, и Нолан отвлекся на еду.

Линкея тяжело вздохнула. Они собрались здесь для решения вопроса, касающегося ее жизни, а ей пришлось наблюдать за шутовским спектаклем.

— Ты сбил меня, Лен! — возмутился Альтмар. — Поддай-ка флакон с голубым зельем. Тот, что светится. — Он повелительным жестом указал на полки у стены, заставленные банками, склянками, мешочками, горшочками и прочими емкостями с известным только Альтмару содержимым.

— Что вы задумали? — спросил Лен, направившись к этому своеобразному стеллажу.

— Использованная врагом магия направлена исключительно на принцессу, — начал пояснять маг. — Стрелой управляли на расстоянии. Возможно, на большом. Чтобы уберечь Линкею, мы должны оградить ее от магии энергетическим барьером. У злоумышленника не останется другого выхода, как выдать себя, в отчаянии решив собственноручно напасть на принцессу.

— Это ваша гениальная идея? — разозлился Лен, осматривая содержимое шкафа. — Подвергнуть Линкею очередной опасности?

— Как раз я буду в безопасности, — ответила Линкея. — Альтмар нашел моего двойника в одном из параллельных миров. Он поменяет нас с этой девушкой местами. На время, разумеется.

Рука Лена дернулась и смела с полки несколько флаконов.

— Извините, я тут уронил... челюсть, — проворчал он, наклонившись, чтобы подобрать магические зелья. Составив их на полку, он взял необходимый флакон с голубоватой жидкостью и вернулся к столу. — Повторите, а то в той части комнаты плохо слышно. Мне показалось, что этот сумасшедший порекомендовал тебе отправиться в незабываемое путешествие по неизведанным мирам, а твое место временно займет какая-то девица.

— Вовсе не девица, — обиженно произнес Альтмар, забирая у Лена зелье. — Ее зовут Микаэла. Она ровесница нашей принцессы. Точная ее копия. Кроме того, — он поднял вверх указательный палец, — невинна!

— Тогда нет проблем! — широко улыбнулся Лен. — Вы издеваетесь?! — резко заорал он.

— Лен, послушай! — Линкея вцепилась в его руку и заставила посмотреть ей в глаза. — Альтмар не может создать энергетический барьер такой мощности. Единственный способ разрушить действие магии — отправить меня за границу нашего мира.

— Сначала я думал, что магией кто-то побаловался, — добавил маг, — но сейчас понимаю, что там сделана серьезная работа.

— Допустим. — Кое-как кивнул Лен. — Ты отправишь Линкею в другой мир. Так? Магия исчезнет. Так? Почему нельзя сразу же вернуть Линкею?

— Потому что порталы можно открывать раз в месяц.

— Что?! Она проведет там месяц?! — Лен схватился за голову и заметался по залу. — Похоже, богини Мудрости и Разума Ценцарии взяли отпуск! Что это за мир? Вдруг там война!

— Там нет войны, — ответил Альтмар, ногтями стуча по флакончику. — Мир технического прогресса. Достаточно цивилизованное общество. Не такое, как у нас, но сгодится.

— Лен! — Линкея снова задержала его за руки. — Я справлюсь. А вы с Альтмаром поможете той девочке здесь. Со дня на день в Эйлинкель приедет король Яруэль со своей семьей. Состоится прием, на котором Аланнарвальд должен сделать мне официальное

предложение. Потом подготовка к свадьбе и само торжество. Думаешь, я хочу проходить через этот кошмар?

— Где гарантия, что та девушка согласится проходить через него? — уточнил Лен.

— А у нее будет выбор? — усмехнулся Альтмар. — Захочет вернуться домой — значит выполнит все наши условия.

— Вам не кажется, что это жестоко?

— Ей лишь потребуется сыграть роль меня. Вы будете охранять и наставлять ее. Она не испытывает к Аланнарвальду такого отвращения, как я. Пока, — со вздохом констатировала Линкея. — Ей будет проще.

— А ты? — Лен произнес это с болью в голосе. — Ты будешь там совсем одна.

— У Микаэлы есть семья, — вмешался Альтмар. — Они воспримут Линкею за свою. Ей лишь надо быть внимательной и осторожной.

— А язык? — не унимался Лен. — В том мире что, все говорят на северном ценцарском?

Маг потряс флакончиком:

— Для этого мне и нужно зелье. И принцесса, и Микаэла при телепортации получают дар знания языка той местности, в которую попадут.

Лен глубоко вздохнул, на мгновение закрыл глаза и посмотрел на Линкею.

— Когда вы хотите произвести эту... подмену? — нашел он подходящее слово.

— Их суточное время совпадает с нашим, — оповестил его Альтмар. — Сегодня ночью, когда все будут спать. Нам не нужны свидетели.

— Пожалуйста, Лен, — прошептала Линкея, глядя его по небритой щеке.

— Это безумие. — Он поймал ее руку в свою ладонь и притянул к губам.

— Не безумней свадьбы с Аланнарвальдом. Лен, мне противна мысль о том, что придется расстаться с тобой, что придется подставить ту девочку. Но мое исчезновение на целый месяц будет выглядеть как трусливый побег и отказ от свадьбы. Последствия ты понимаешь. Это не навсегда. Я вернусь.

— Ты вернешься уже в объятия Аланнарвальда.

Линкея виновато опустила глаза:

— Я буду молиться богиням Любви и Бескорыстия Ценцарии, чтобы они направили нас на верный путь.

— Она права. Сейчас важно разрушить силу губительной магии и найти злодея, — поддержал ее Альтмар. — Вопрос с принцем Халагрохильда решим позже. Давайте все делать по порядку.

Лен притянул к себе Линкею, крепко обнял ее и поцеловал в лоб.

— Боюсь отпустить тебя навсегда, — шепотом признался он.

— Лен, — хихикнула она, — у тебя нет повода для ревности. Думаешь, я позарюсь на какого-нибудь иномирца? Чтобы это случилось, ему придется сильно меня впечатлить. Один дикарь у меня уже есть, зачем мне второй?

— Как сладко, — подметил Альтмар, — аж зубы слиплись. Ступайте. Не мешайте мне работать. Встретимся в полночь.

Линкея отклеилась от груди Лена и неодобрительно покосилась на мага.

— Прошу прощения, ваше высочество! — Поклонился тот. — Время не на нашей стороне.

Принцесса смягчилась, скрестила свои пальцы с пальцами Лена и потянула его к

выходу. Скоро им предстояло расстаться, и ей хотелось побыть с ним наедине.

[1] Инлуг — придворный слуга (прим. автора).

[2] Торлуг — разбойник, бежавший узник, дикарь, изгой (прим. автора).

Канада, Уотерлу

Микаэла с опаской относилась к старому мотоциклу Рейнольда. Работая в автомастерской, парень отремонтировал его за счет списанных и ненужных запчастей. Однако ревущий байк, какой бы скоростью он ни поражал, не внушал Микаэле доверия. Она зареклась садиться на этот механический ужас, поэтому оседлала свой велосипед. Рейнольд промолчал. Знал, что Микаэла будет пыхтеть, и не хотел портить предстоящий вечер.

Воспользовавшись уходом старшего брата с семьей на ужин к друзьям, Рейнольд приготовил пасту, купил дорогое вино и раздобыл несколько мелодрам, столь любимых Микаэлой.

— Пахнет вкусно, — похвалила она его кулинарные способности, едва они вошли в холл.

Рейнольд улыбнулся, взял у Микаэлы сумку и положил ее на этажерку. Избегая поцелуя, девушка юркнула в комнату, буквально проскочив под мышкой своего бойфренда. Высокий, широкоплечий, подтянутый, он увлекался спортом, так что обладал теми самыми кубиками на животе, бицепсами, трицепсами и прочими мышцами, вызывающими дрожь в коленях типичных девиц, вечно жаждущих внимания мажоров и качков. Микаэлу привлекло ни тело, ни смуглая кожа — весьма редкая для канадцев, ни обворожительная улыбка Рейнольда. Как ни странно, он оказался тем уникальным типом парней, сочетающих в себе не только обаятельную внешность, но и ум, а особенно порядочность. Другой на его месте менял бы девушек как перчатки, пробуя всех и везде. Рейнольд же мечтал о семье — о такой, какая была у его брата: жена, двое детей, куча домашних питомцев и уютный дом, в котором царил идиллия.

Рейнольд снял с себя кожаную куртку-косуху, повесил ее на вешалку-треногу и прошел вслед за Микаэлой в гостиную, где на кофейном столике перед диваном уже были приготовлены свечи, столовые приборы, цветы. Комната освещалась иллюминацией, придуманной пятилетней племянницей Рейнольда. На окнах, над камином, у аквариума и напольных ваз мелькали разноцветные миниатюрные лампочки.

Микаэла стояла у аквариума и вытрясала на ладонь остатки корма из коробочки.

— Как давно ты менял воду? — озабоченно спросила она.

— Бэтмен еще эту не вылакал, — с улыбкой ответил Рейнольд, подойдя сзади и обвив талию Микаэлы крепкими горячими руками.

Бэтменом звали домашнего кота, впрочем, Бэтменом здесь звали всех — енота, ежа, черепашку, тарантула. Так решила Мелисса — племянница Рейнольда, которую все ласково называли Мисси.

— Я скучал, — прошептал Рейнольд, наклонившись к уху Микаэлы.

Она высыпала корм в воду, аккуратно выбралась из объятий парня и села на диван. Рейнольд был далеко не глуп, чтобы не заметить ее излишнюю суетливость, но он всячески пытался сгладить острые углы напряженно начавшегося вечера.

— Вина? — спросил он, беря бутылку из ведерка со льдом. — Игристое.

— Рейнольд, — кашлянув, произнесла Микаэла, решив не тянуть с разговором. — Я...

Не успела она озвучить мысль, как входная дверь хлопнула. В гостиную вошли племянники Рейнольда — Мисси и ее старший брат Джаспер. Если Мисси излучала собой

свет и была радостью своих родителей, то с Джаспером их коснулись все сложности его переходного возраста. Казалось, что этот парнишка все делал назло и вопреки.

— Ми-и-ик! — завизжала Мисси и бегом бросилась к госте.

— Какого... — нахмурился Рейнольд, когда племянница кинулась в объятия Микаэлы.

— У Мисси заболел живот, — вяло ответил Джаспер и, перекатывая языком жвачку, поплелся в свою комнату.

— Мисси, мы же договорились, — обратился к ней Рейнольд.

Девочка забралась на колени Микаэлы и невинно улыбнулась, обнажив отсутствие у себя двух верхних передних зубиков.

— Я тоже по ней соскучилась! — заявила она.

Микаэла любила эту девочку. У Рейнольда была хорошая семья: брат владел той самой автомастерской, а невестка работала оператором «911». Будучи истовыми католиками, они чтили семейные узы и приняли Рейнольда, когда он изъявил желание уехать из Мексики. Теперь братья мечтали перевезти оттуда и родителей. Но эта целеустремленность вызывала у Микаэлы глубокое уважение, а не любовь. Как бы она ни заставляла себя полюбить Рейнольда, ничего не получалось.

— Мисси, ты не могла бы поиграть в комнате? — попросила ее Микаэла. — Нам с твоим дядей надо...

— Вы будете целоваться? — Похлопала та ресницами. — Конечно! Не буду вам мешать! — Она чмокнула Микаэлу в щеку и упорхнула к себе.

— Извини! — Покачал головой Рейнольд. — Я не знал, что они вернутся так рано. Хотел, как лучше, а вышло...

— Присядь, — перебила его Микаэла, указывая на кресло напротив.

Он смутился, поджал губы, но послушно сел.

— Рейнольд, — заговорила она, сцепив пальцы замком, — мы с тобой уже полгода вместе. И это были прекрасные полгода. Ты замечательный парень...

Из кухни вывалился енот, таща за собой полотенце. Микаэла сбилась и проследила за тем, как тот забирается на стул, со стула на стол, со стола на подставку для аквариума. Он поглядел на Микаэлу и Рейнольда так, словно негласно позволил им продолжать разговор, не обращая на него внимания, и, опустив полотенце в воду, принялся его полоскать.

— Бэтмен, брысь! — фыркнул Рейнольд, и в этот момент из-за угла дивана выпрыгнул кот. Громко шипя, он рванул в комнату, но не рассчитав угол поворота, влетел в стену. — Да я не тебе!

Енот, словно команда касалась и не его вовсе, спокойно продолжил свои постирушки в аквариуме с перепуганными рыбками. Рейнольд поднялся и, сняв енота с подставки, накрыл аквариум крышкой. Зверек явно обиделся, швырнул мокрое полотенце под ноги Рейнольду и утащился обратно в кухню.

— Ты бросаешь меня?

Микаэлу окатило холодом от прямого вопроса. Она потупила взор в колени. Впервые в жизни ей было до отвращения стыдно.

— Да, у меня странная семья, — продолжил Рейнольд, подняв полотенце. — От меня часто пахнет машинным маслом. Я азартен и люблю чили. Но я не плохой парень, Мик.

— Я так и не думаю! — заявила она, подскочив с дивана и посмотрев Рейнольду в глаза. — Ты замечательный парень! — повторила она. — Я ценю твое трепетное отношение ко мне. Но я больше не могу принимать твои жертвы, Рейнольд.

Он подошел к комоду у камина, выдвинул верхний ящик и достал оттуда пачку сигарет. Демонстративно закурил, Рейнольд выпустил клуб сизого дыма и проговорил:

— Полгода не курил. Наконец-то могу.

— Зачем ты так? — обиделась Микаэла.

Он усмехнулся, покачал головой и спросил:

— Ты хорошо подумала?

— Да.

— Ты хо-ро-шо по-ду-ма-ла? — четче повторил Рейнольд.

— Да! Но я надеюсь, что у нас получится остаться друзьями, — призналась Микаэла.

— Я позвоню Тобиасу, чтобы он забрал тебя.

— Не надо. Я уеду на велосипеде, — ответила она и, немедля ни секунды, зашагала к выходу. — Если сможешь, прости меня, Рейнольд.

Ценцария, Эйлинкель

Откинув выбившийся из взлохмаченной шевелюры локон за плечо, Линкея подперла голову рукой и с томной улыбкой оглядела обнаженную спину Лена. Кузен стоял у распахнутых дверей террасы, прилежащей к комнате принцессы, и молча наблюдал за закатом, окрасившим небо в розоватый цвет. Приближалась ночь-разлучница, а впереди маячил целый месяц томительного ожидания новой встречи.

— Иди ко мне, — позвала Линкея Лена и легонько похлопала ладонью по остывающей постели.

Он медленно обернулся и, не закрывая дверей, двинулся к кровати. Линкея, замороженно следя за каждым его шагом, почувствовала в животе нарастающую легкость. Лен уперся коленом в край постели и подался вперед. Склонившись, он запустил пальцы в волосы возлюбленной и, притянув ее к себе, жарко поцеловал в губы. У Линкеи закружилась голова. Она обвила шею Лена руками и, повалив его на себя, позволила покрывать поцелуями ее лицо, шею, грудь.

Стук в дверь вынудил их прекратить любовную прелюдию. Лен поднял голову, покосился на добротное деревянное полотно и, нахмурившись, буркнул:

— Ты кого-то ждешь?

— Н-нет, — растерянно ответила Линкея. — Может, это Альтмар?

— Линкея! — послышался приглушенный голос Йена.

Лен сел и стиснул зубы так, что на его лице заиграли желваки. Линкея, выскочив из постели, принялась быстро одеваться.

— Спрячься в шкафу! — шепотом приказала она кузену.

— Ты серьезно? — Развел он руками. — Отмолчись, и он решит, что ты уже спишь.

— Без ужина и предупреждения? Лен, сегодня ночью я расстанусь с вами на месяц. Я хочу попрощаться с Йеном.

— Ну, конечно. — Лен собрал свою одежду и направился к гардеробной комнате, отделяющейся смежной дверью. — Он все равно знает о нас.

— Но я не хочу, чтобы он видел нас вместе, — пояснила Линкея, пальцами расчесывая волосы. — Поспешите.

— Только держите себя в руках. И выпроводи его как можно скорее.

Лен скрылся в другой комнате, а Линкея метнулась к двери и, открыв ее, улыбкой встретила младшего кузена.

— Добрый вечер, моя принцесса, — поклонившись, поприветствовал ее Йен и протянул ей ярко-красный цветок.

— О, как мило! — Линкея приняла подарок и вдохнула его мягкий аромат.

— Ты одна? — Йен буквально выдавил из себя этот вопрос, наполненный ревностью.

— Да. Да! — четче соврала она, впуская кузена в комнату.

В отличие от Лена его младший брат был брюнетом. Юный возраст еще не дал ему широких плеч, должных крепкому мужчине выраженных мышц, но Йен почти догнал старшего брата в росте и опередил в образовании, даже в грамоте. Воспитанный, всегда чистый и ухоженный, не демонстрирующий злость резкими словами и поведением. Линкея млела от его спокойствия и романтичности, когда ей надоедала жесткость Лена.

— Ты отдыхала? — поинтересовался Йен, проходя мимо разворошенной кровати.

— Да. Видимо, я простудилась на вчерашней охоте. Недомогаю.

Очередная ложь далась Линкее еще тяжелее. В комнате остались открытыми двери террасы. При простуде Линкея явно не стала бы так рисковать в прохладный весенний вечер. Йен сделал вид, что поверил, сел на диван и, дождавшись, пока Линкея сядет рядом, заговорил:

— Со мной общался король. Просил не вмешиваться в вашу с Аланнарвальдом свадьбу.

— Хм... И что ты ответил? — спросила Линкея.

— Пообещал, что не создам проблем. Если ты об этом не попросишь, — честно ответил

Йен. — Мне не нужно объяснять важность вашего союза. Я не в восторге от необходимости этой свадьбы. Меньше всего мне хочется отдать тебя Аланнарвальду. Но король никогда ни в чем нам не отказывал. Впервые он попросил нас об одолжении. И я очень надеюсь, что мы не совершим непоправимое. Особенно Лен.

Несмотря на молодой возраст, с некоторых пор Йен стал голосом разума Линкеи. Ее восхищал его деловой подход к решению любых вопросов. При этом он оптимистично воспринимал все, что выпадало на его долю. Порой Линкее приходилось бороться с желанием рассказать Йену о покушениях на нее. Но он сразу же оповестил бы короля, и Лен в этом плане выигрывал.

— Я не попрошу тебя мешать этой свадьбе, — успокоила его Линкея, взяв за руку. — Мы не огорчим короля и не подвергнем королевство опасности.

— Согласись, Аланнарвальд — достойная партия. Все изменится, когда у вас появятся дети.

И хотя голос Йена звучал ласково, Линкею замутило от слов про общих детей с Аланнарвальдом.

— Завтра я буду готовиться к визиту короля Яруэля и королевы Эллиады, — сказала она. — Поэтому хотела бы попросить тебя не беспокоить меня. Хорошо?

Линкея не представляла, как будет вести себя попавшая в Ценцарию Микаэла. Девушке понадобится время на адаптацию, а Йен может все испортить.

— Пожалуй, нам вообще пора ограничить общение, — печально признал Йен, поглаживая руку Линкеи. — Лучше познакомься поближе с Аланнарвальдом.

— Ты прав, — нехотя согласилась она.

— Но могу я в последний раз поцеловать тебя?

— Йен...

— Ты же сама говорила, что я целуюсь лучше Лена.

Линкею бросило в жар. Вот это точно было лишним! Чего и следовало ожидать, Лен вихрем выскочил из гардеробной и возмущенно посмотрел на Линкею и брата.

— Что?!

Йен ничуть не смутился. Отпустив руку кухни, он встал с дивана и коварно улыбнулся Лену.

— Ты это говорила?! Он целуется лучше меня?! — продолжал злиться тот.

— Запахни рубашку. — В тоне Йена послышалась усмешка.

Линкея глубоко вздохнула и, поднявшись, указала кузенам на дверь:

— Убирайтесь! Оба!

Йен откланялся и, обойдя брата, покинул комнату. Лен же остался получить ответ. Линкея, скрестив руки на груди, исподлобья покосилась на кузена. Лен привык

своевольничать и считать себя единственным достойным руки и сердца Линкеи. Он ни разу не задумывался, что не может быть идеальным во всем, а она, чтобы лишний раз не приводить его в бешенство, иногда преувеличивала его достоинства и преуменьшала недостатки.

— Уходи, — повторила Линкея.

Запахнув рубашку, Лен сделал шаг назад и, не сказав больше ни слова, отправился вслед за братом. Принцесса, отвернувшись к террасе, надула губы и обиженно пробубнила:

— Хорошо, что у меня будет месяц на отдых от этих ухажеров!

Багровея от злости, Лен пересек коридор, спустился на первый этаж, выскочил из замка и обогнул двор. В приступе гнева он старался держаться подальше от тех, кого мог ненароком обидеть: был научен горьким опытом. Обойдя конюшню, Лен остановился у собачьего вольера. Учув родной запах, троица гончих тут же, наострив уши, подбежала к решетке. Лен просунул руку меж прутьев и погладил каждую собаку за ухом. Его отпустило. Больше не хотелось разбить лицо Йену и насильно увезти Линкею подальше от Эйлинкеля.

В королевстве быстро воцарились сумерки. Похолодало. Но Лен упрямо не возвращался в замок. Найдя в хозяйственной пристройке масляную лампу, он зажег ее и, бросив ветошь на глиняную плитку у вольера, сел. Прижавшись плечом к решетке, Лен неутомимо прокручивал в голове последние события. Сомнений в том, что враг Линкеи противостоял ее союзу с Аланнарвальдом, не оставалось. Ведь покушения начались сразу после объявления скорой свадьбы королем Стефанусом. Либо кто-то жаждал войны, либо у Линкеи был тайный поклонник, о котором Лен ни сном, ни духом. Принцесса хоть и сводила с ума почти всех холостяков королевства, у них не было повода ревновать ее. Даже по той причине, что она не имела с ними никаких романтических отношений.

Лен влюбился в кузину, едва она расцвела. Но терпеливо дождался ее совершеннолетия и признался в своих чувствах в качестве подарка на торжестве в честь ее восемнадцатого дня рождения. Тогда все и произошло. Линкея ответила взаимностью, отдала Лену свою невинность и с тех пор была ему верна. Ну или почти верна, если не считать Йена — мастера поцелуев.

Лен рыкнул и кулаком ударил по плитке. Одна из собак тихо заскулила, будто ободряя хозяина.

Он надеялся, что король Стефанус и король Яруэль передумают насчет свадьбы своих детей, и жил этой надеждой. А теперь ему придется отдать Линкею Аланнарвальду. Сопротивление — эгоизм с его стороны. Король Стефанус прав: надо думать о жителях королевства. Они могут пострадать. Пусть король Яруэль не пойдет на Эйлинкель войной, но держава станет изгоем и наживет неприятелей, желающих заполучить богатые земли.

— Лен, — шипяще просипел подкравшийся к нему Альтмар. — Так и думал, что ты здесь, раз не пришел к ужину.

— Чего тебе? — фыркнул ему Лен.

— Надо поговорить.

— Завтра поговорим.

— Нет. Нам надо поговорить до подмены Линкеи и девушки из другого мира, — вполголоса сказал маг, озираясь по сторонам. — Идем в мою мастерскую.

Лену совсем не понравилась загадочность в голосе Альтмара. Он ненавидел сюрпризы, но дело касалось Линкеи, значит, лучше послушать мага и последовать за ним. Лен попрощался с собаками, погасил лампу и отправился в магическую мастерскую, где, как обычно, чавкал Нолан, сидя в темном углу и наворачивая пироги с сугрой.

Альтмар остановился у своего стола и повернулся к Лену. Тот едва не столкнулся с ним, и ему пришлось сделать шаг назад.

— Я все подготовил, — начал Альтмар, беря со стола разукрашенную разными цветами палку. — Этот скипетр откроет межмировой портал. Ой... — Он отдернул палец от атрибута

и присосался к нему губами. — Заноза.

Лен закатил глаза и молча расставил руки в бока.

— Совсем скоро, — продолжил маг, тряся раненой рукой, — нашу принцессу заменит Микаэла. И мы с тобой должны убедить ее отказать Аланнарвальду.

— Что? — в недоумении спросил Лен.

— Неужели ты думал, что кто-то действительно покушается на Линкею? — искренне поразился Альтмар. — Столько попыток и все неудачные!

— То есть это твоих рук дело?!

— Лен, я старался ради вас! Я люблю вас как родных и не могу сложа руки наблюдать, как какой-то принц Халагрохильда разлучает вас...

Лен, нахмурившись и сжав кулаки, двинулся на Альтмара. Тот попятился назад.

— Лен, Лен, выслушай меня, — запищал он, обходя свой рабочий стол. — Я не причинил вреда принцессе! Я лишь немного напугал ее. Но она настырная и все равно согласилась на эту глупую свадьбу. Я не знал, как еще помочь вам. Нашел ту девушку... Микаэлу... И решил, что она поможет мне... то есть нам... Да, нам с тобой... все организовать...

Лен схватил мага за грудки и приподнял над полом.

— Не о нас ты печешься, а о себе, шакал, — сквозь зубы процедил он. — Как только Аланнарвальд станет королем Эйлинкеля, он вышвырнет тебя из замка. Сейчас тебе поклоняется все королевство, а потом ты станешь шутком на площади!

— Лен, отпусти, пожалуйста, — завыл Альтмар, задрожав от страха. — Это твой единственный шанс заполучить Линкею и быть счастливым. Неужели ты хочешь, чтобы Аланнарвальд согрел ее по ночам, целовал, ласкал, шептал ей нежности? Ты же сгоришь от ревности!

— Ты прав! — Кивнул Лен. — Я сгорю от ревности. — Он поставил Альтмара на ноги и грубо поправил ворот его мантии. — Но лучше сгорю я один, чем все королевство поглотит огонь войны. — Развернувшись, Лен зашагал к выходу. — Уничтожь свою палку-открывалку. Подмена отменяется. Я сейчас же обо всем расскажу Линкее...

Вмиг Лена парализовало. Он замер, и что-то невероятно тяжелое начало тянуть его к полу.

— Зря ты так, Лен! — Альтмар встал перед ним, держа одну ладонь открытой. Из нее струился синий луч, змеей опоясывающий шею Лена. — Лучше бы ты согласился. Потому что я не позволю помешать мне.

Поперхнувшийся Нолан закашлялся. Альтмар замолчал, чтобы дождаться, пока сын успокоится. Однако тот кашлял взхлеб с сопутствующим хрюканьем и еще какими-то очень подозрительными звуками. Альтмар не выдержал и рывкнул:

— Выпей воды, болван!

С каждым мгновеньем Лену становилось все труднее дышать. Он опустился на колени, потом на четвереньки и ощутил, как неведомая сила ломает его кости изнутри.

— Я... Нет, ты... — Альтмар сбился с мысли и теперь не мог собраться для продолжения своей громкой речи. — В общем, этой свадьбы не будет! — Он взмахнул рукой, и луч, вырвавшись из его ладони, впечатался в стену. — Отлично.

Нолан, выползший из темного угла, отдышался и полюбопытствовал:

— И как теперь ты заставишь Микаэлу отказать Аланнарвальду?

Альтмар почесал нос, высморкался в край мантии и, повертев в руке жезл, задумчиво

протянул:

— Есть одна идея...

Отсутствие Лена на семейных трапезах никого не удивляло. Он часто пропускал завтраки, а еще чаще ужины. Королю было достаточно недовольного лица Линкеи и молчаливости Йена, чтобы догадаться — дети поссорились.

Пожелав всем спокойной ночи, Линкея поднялась к себе, переделась в охотничьи штаны и тунику, посчитав, что в этом одеянии будет намного комфортнее в другом мире, где она может столкнуться с неприятностями, требующими ловкости и скорости. Платье с пышными юбками в пол и неудобные туфли на каблуках лишь затруднят его движения.

Дождавшись полуночи, Линкея тихонько спустилась в подвал Альтмара через потайной вход и застала мага за изучением заклинаний из потрепанной книги.

— Моя принцесса! — хитро улыбнулся он и поклонился. — Я вас ждал.

— Я готова! — убедительно заявила Линкея, потеряв руки. — А Лен не приходил?

— Нет! — Помотал головой Альтмар. — Я видел его у собачьего вольера во время ужина. Кажется, он собирался прокатиться ночью по округе.

— Что ж, мы с ним повздорили. Но все равно я надеялась, что он придет попроситься. — Линкея по-настоящему обиделась. — Ладно, не будем ждать. Давайте приступать.

Краем глаза она заметила незнакомого ей пса у стены. Крупную белую гончую удерживала не цепь, а голубой луч, окруживший ее шею. Собака не лаяла, а с какой-то странной грустью смотрела на Линкею и когтями передней лапы скребла по глиняному полу. На шее у пса прямо под ошейником из луча Линкея заприметила цепочку с небольшим медальоном. Обычно звери в Эйлинкеле не удостоивались чести носить такие украшения.

— Откуда он? — поинтересовалась принцесса.

— Ах, этот? — Махнул рукой Альтмар. — Капризный. Лен попросил усмирить его характер. Хочет взять его на следующую охоту.

Линкея грустно вздохнула. Она пропустит следующую охоту. А рядом с Леном будет ее точная копия по имени Микаэла.

— Вы готовы, моя принцесса? — уточнил Альтмар.

— Да! Я готова!

Маг сделал пасы руками, поднял вверх скипетр и начал читать заклинание...

Канада, Уотерлу

Подъехав к калитке, Микаэла увидела, что в доме миссис Смит нет света. Соседка наверняка спала. Тревожить ее из-за корма было бы неприлично. Микаэла вошла во двор, подкатила велосипед к террасе и, взяв сумку и пакет с кормом, вошла в дом. Гостиная тускло освещалась желтой лампой. Проходя мимо, Микаэла увидела сидящую на диване маму. Она бесшумно утирала слезы и курила. А бабушка размешивала в стакане с водой успокоительное. На столике перед диваном лежал очередной в спешке разорванный конверт и короткое письмо со штампом, печатью и важной подписью.

Микаэла молча прошла к лестнице и поднялась к себе. Она, в отличие от мамы, трезво оценивала жизнь и понимала, что чудес не бывает. Мама с бабушкой верили в обратное, потому не теряли надежду найти без вести пропавших родных.

Отложив сумку и пакет на стол, Микаэла скинула обувь и завалилась на кровать. Она даже не стала зажигать свет. Не потому что настолько утомилась, а потому что темнота

помогала ей думать, не отвлекаясь. Микаэла никак не могла забыть выражение лица Рейнольда и боялась, что запомнила его надолго. Впервые в жизни она бросила парня, который по сути ни в чем перед ней не провинился. Хорошо, что у Микаэлы не было подруг, кроме Джоанны, иначе уже завтра все шушукались бы у нее за спиной, называя ее стервой, а Рейнольда несчастным лапочкой.

Перевернувшись на бок, Микаэла взбила подушку и натянула на себя тонкое одеяло. День выдался тяжелым. Микаэле следовало свыкнуться с новым статусом «Свободна» и признать себя последней мерзавкой в Уотерлу. Вытащив из кармана джинсов мобильник, она все же написала короткое сообщение Джоанне, в нескольких словах сообщив, что порвала с Рейнольдом. Положив телефон у подушки, она закрыла глаза и со вздохом прошептала заученный с детства совет мамы:

— Отложи печали и заботы с вечера на утро, и с рассветными лучами все разрешится.

Пожелав самой себе спокойной ночи, а на завтра сил и терпения, Микаэла принялась мысленно считать. Сама того не заметив, она довольно быстро уснула, а проснулась далеко не от звонка будильника. Ее разбудила неясная встряска, похожая на землетрясение. Сильное землетрясение, которое почему-то утащило ее кровать в неизвестном направлении, а саму Микаэлу приземлило на холодный, влажный пол в душном, темном помещении, где над ней склонился не кто иной как сам граф Дракула!

Ценцария, Эйлинкель

— Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе... — забормотала Микаэла, отползая от бледнолицего незнакомца, вперившего в нее свои темные глазища-воронки.

— Тише-тише. — Он поднял руки, и Микаэла застыла от ужаса.

Ей редко снились кошмары: не было для них предпосылок. Она ограждала себя от острых ощущений, мрачных фильмов, тяжелой музыки, скандалов и прочего негатива. Но о графе Дракуле она знала. Впрочем, а кто о нем не знает? Тот, кто навис над Микаэлой, действительно напоминал ей небезызвестного вампира-легенду.

— Проснись... проснись... проснись, — шепотом умоляла она себя, зажмурившись.

Закрывая и открывая глаза, Микаэла надеялась, что сон развеется, и она вновь вернется в свою комнату.

— Микаэла...

«Он знает, как меня зовут!» — запаниковала она, ползя дальше.

— Ты не спишь. — Дракула выпрямился и, нахмурившись, стал выглядеть еще мистичней.

— Вы похитили меня? — Микаэла затряслась. — Пожалуйста, не убивайте меня... И не превращайте в вампиршу... — Ей хотелось заплакать, но страх так сковал ее горло, что с трудом получалось бессвязно лепетать. — Я грешная... Я смотрела «Американский пирог». Не полностью... — зачем-то уточнила она. — Но я не хочу умирать. Да и вечная жизнь в облике ходячей мертвечины меня тоже не привлекает... Клянусь, я исправлюсь. Я буду ходить в церковь. В любую! В какую скажете. В католическую, православную, баптистскую... Если хотите, я даже стану сектанткой и буду вещать Слово Божье с утра до ночи, разносить журналы и книги по домам и офисам. Могу принять ислам... Буддизм... Все, что угодно! Только не трогайте меня.

Дракула остолбенел. Его брови поползли вверх, а лицо вытянулось от недоумения. Микаэла вдруг осознала, что говорит не на родном языке, но отлично понимает свою речь. Сбивчиво дыша, она огляделась и нос к носу столкнулась с мордой большой белой псины. Голубые глаза собаки были похожи на льдинки, а ее недобрый оскал не предвещал ничего хорошего. Микаэла подскочила на ноги и забилась в угол помещения.

— Господи! — завизжала она. — Оборотня мне тоже не надо! Я не зоофилка! Кто у вас тут еще? Эльфы, драконы, гоблины, орки?.. — Микаэла во все глаза уставилась на Дракулу. — А вы знали, что драконы не живородящие? Они откладывают яйца! А я не дракониха, так что не выйдет из нас истинной пары! — Лихорадочно осознав, что она несет околесицу, Микаэла умолкла.

Прошло около минуты. Этого ей хватило, чтобы успокоиться и осмотреться. Просторное, но низкое помещение напоминало захламленный склад или подвал. На полках у стен Микаэла увидела разного размера и вида склянки и горшочки. Кое-где висели и лежали мешочки, пучки сухих трав, серые косточки мелких животных. На большом столе дымилась черная свеча. Здесь пахло сыростью, а откуда-то из глубин всепоглощающей темноты неосвещаемой части помещения доносилось жуткое чавканье. Микаэла покосилась на пса и обратила внимание на искрящийся голубой луч вокруг его шеи. Собака перестала скалиться,

но по-прежнему смотрела на Микаэлу так, словно вот-вот атакует.

— А у вас не найдется водички? — наконец осипшим от потрясения голосом произнесла она, снова взглянув на Дракулу. — Желательно святой...

Бледнолицый тронулся с места, и Микаэла вжалась в стену. Без резких движений Дракула налил из кувшина воды и поднес своей гостье. Остановившись на максимально предельном расстоянии, он протянул ей глиняный стакан.

— Меня зовут Альтмар, — представился Дракула.

— Да пофиг! — буркнула Микаэла, выхватила из его ледяной руки стакан и опустошила его несколькими жадными глотками. — Фу, мерзость! — Она поморщилась от болотистого привкуса. — В лягушку не обращаюсь?

— Н-нет, — растерялся Дракула, беря стакан назад. — Микаэла, ты успокоилась? Мы можем поговорить?

Она вытянула вперед шею и прошептала:

— О чем?

Дракула кашлянул:

— Обо всем.

— Я поняла! — Микаэла щелкнула пальцами. — Это Рейнольд устроил? Решил отомстить мне? Нанял съемочную группу местного телевидения, чтобы разыграть меня? Тут повсюду камеры?

Пес покачал головой и, упав на пол, свернулся калачиком.

— Стоп! Тогда почему я болтаю на каком-то стремном, грубом языке с сомнительной цензурой?

— Это северный ценцарский, — уточнил Дракула. — Чем раньше ты возьмешь себя в руки, тем скорее я все тебе объясню.

Микаэлу пробило на истерический смех, от которого она прослезилась. Дрожь постепенно прошла, прелый запах смешался с болотистым вкусом во рту и уже не казался столь омерзительным, Дракула стал выглядеть менее устрашающе, а чавканье в темноте прекратилось.

— Присядь, — Дракула указал на кривой деревянный стул с высокой спинкой.

— Спасибо. Я постою, — ответила Микаэла, не отклеиваясь от стены.

— Придется долго стоять.

— Я работаю в клинике!

— И ночью? — озадачился Дракула.

Микаэла дернулась и, обойдя его, все-таки села. Перед ней стоял заваленный травами и амулетами стол. Из однообразной серости особенно в глаза бросилась разноцветная палка.

— Это скипетр, — пояснил Дракула, встав напротив. — С его помощью я открыл межмировой портал и телепортировал тебя в другой мир.

— Ага! — Кивнула Микаэла, решив подыграть. — И как называется ваш мир?

— Ценцария! — гордо ответил Дракула.

— Простите, я не ослышалась, вы сказали, Трансильвания?

— Ценцария! — слегка обозлившись, повторил тот.

— Допустим, — Микаэла приняла важное выражение лица и, скрестив пальцы, откинулась на спинку стула. — Ну так расскажите мне о вашей Ценцарии. Здесь есть люди? Или другие разумные существа?

Дракула обиделся. Его рот скривился, а глаза потухли.

— Ценцария, — повторил он, явно задетый намеренной издевкой Микаэлы. — И на твоём месте я отнесся бы к моим словам со всей серьёзностью. Потому что это касается твоей жизни, — твердо заявил он, вынудив Микаэлу вновь напрячься.

Дракула хоть и был похож на разукрашенного театрального артиста, его угрозы пахивали бесперспективным будущим. Подавив очередную волну нахлынувшего страха, Микаэла молча ждала продолжения речи Дракулы, а тот будто нарочно тянул, поглаживая корявую палку, называемую скипетром.

— Я извиняюсь за то, что против воли затащил тебя в наш мир, — произнес он, с мольбой посмотрев в глаза Микаэлы. — У меня не было иного выхода. Только так я мог спасти нашу принцессу.

— А что, ей требуется почка? — съязвила она.

Дракула стиснул зубы, начав раздражаться. Микаэла сохраняла непоколебимость. Она и так уже жалела о том, что вела себя как сумасшедшая. Просто не очень-то приятно, когда тебя посреди ночи вытаскивают из теплой постельки и приволакивают в вонючее подземелье. И это после тяжелого рабочего дня и драматичного разрыва с бойфрендом.

— Я придворный маг короля Эйлинкеля! — точнее представился Дракула, сделав почтительный поклон. — Наше королевство славится дивными и богатыми лесами Северной Ценцарии и, естественно, является приманкой для алчных завистников. Принцесса Эйлинкеля Линкея...

— Погодите! Эйлинкей — это имя короля или название королевства?

— Эйлинкель, — поправил ее Дракула. — Королевство. Так вот, принцесса Линкея стала мишенью для неизвестного врага, когда наш король объявил о ее свадьбе с принцем из другого королевства. Против нее направили магию, которая чудом не погубила принцессу. Я не мог разрушить ее действие. Единственный способ оградить Линкею от магии — это мощнейший энергетический барьер.

— Вы собираетесь сделать из меня энергетический барьер? — Микаэла округлила глаза.

Дракула тяжело вздохнул. Его терпению приходил конец.

— Силовое поле, разделяющее и объединяющее параллельные миры необъятной вселенной, идеально подошло для защиты принцессы. Проблема лишь в том, что открывать порталы между мирами можно раз в месяц. А я не мог лишиться королевства принцессы на такой длительный период. Тогда я разыскал тебя. Ее двойника.

Микаэла опешила. Перестав моргать, а возможно, и дышать, она вросла в стул и зависла от последних слов Дракулы.

— Сейчас Линкея там — в твоём мире, в твоём доме, на твоём месте. А ты тут, на месте принцессы Эйлинкеля, наследницы престола. И это на целый месяц.

Микаэла встrepенулась. Нет, она не верила словам наряженного клоуна, но больше не могла выносить его бред. Похлопав себя по бедрам, она поднялась со стула и, схватив со стола первое, что попало под руку, запустила в Дракулу. От неожиданности он не успел уклониться и схлопотал удар в лоб деревянной куклой. Пошатнувшись, маг приложил ладонь к голове, а Микаэла тем временем кинула в него пучок трав и банку с оранжевым порошком, от которого Дракула звонко зачихал. Не теряя времени, Микаэла тронулась с места и побежала искать выход. В темноте ей пришлось выставить перед собой руки и сбавить шаг, но она не теряла надежды убраться из этого места подальше.

Нащупав холодную, влажную стену, Микаэла почувствовала тошноту. Поверхность была

отвратительно скользкой. Идя вдоль стены, она ощупывала ее до самого угла, и дальше, дальше, пока не вернулась в освещаемую часть зала, где Дракула вытирал проступившие слезы.

— Ты не выйдешь отсюда, пока не дослушаешь меня, — сказал он, шмыгнув носом и стряхнув со своей мантии остатки порошка.

Микаэла надула губы, скрестила руки на груди и снова села.

— Я же извинился, — напомнил Дракула. — Понимаю, тебе нелегко признать реальность. Мы обошлись с тобой несправедливо. Но принцесса Линкея рассчитывает на тебя. Ты будешь награждена, если поможешь нам.

— Чем я могу помочь?

— Магия, направленная против принцессы, разрушена. Но враг не пойман. Наверняка он повторит попытки покушения и тем самым выдаст себя. Тогда-то мы его и поймаем.

— Меня попытаются убить? Вау! Супер! А я думала, что у меня жизнь отстой. Оказывается, отстой только начинается.

— Не спеши, — попросил ее Дракула. — Есть вероятность, что в покушениях больше нет смысла. Мы подозреваем кого-то из королевства Халагрохильда — того, кто заинтересован в принце и хочет помешать свадьбе. Но этот человек не знает, что принцесса Линкея собирается отказать принцу Халагрохильда.

— А она не могла отказать чуть раньше? — возмутилась Микаэла. — Тогда не было бы необходимости менять нас местами. И вообще! У вашей принцессы порядок с головой? Сначала соглашается, потом передумывает! Чем ее вдруг не устроил принц Хагрольд... Халгрольд... Тьфу! Не язык, а гавканье.

— Халагрохильд — это королевство. А принца зовут Аланнарвальд.

— Еще одно название препарата от паразитов у кошек, — проворчала Микаэла.

— Такие заявления делаются публично, — пояснил Дракула. — Королевская семья Халагрохильда приезжает в Эйлинкель послезавтра. За эти два дня магия могла убить Линкею. Мы не рискнули.

— Вы не рискнули ею, но рискнули мной!

— Прости, — Дракула виновато опустил глаза.

— Да ладно, — мягче произнесла Микаэла, испытав к нему жалость. — Опыт отшивании женихов у меня есть. Справлюсь. Только я должна знать о причине столь резкого изменения решения принцессы.

— Ах, как обычно! — Дракула улыбнулся. — Любовь. Принцесса Линкея безумно влюблена, и ее чувства взаимны.

— В кого? Я не хочу, чтобы ее воздыхатель с безумными взаимными чувствами метил территорию вокруг меня. Вы хоть предупредили его, что подменили нас?

— Конечно! Нолан знает.

— Нолан. Слава Богу, хоть одно нормальное имя в этом Зазеркалье. И где этот Нолан?

— О, вам пока лучше не встречаться. Ну-у-у, чтобы не было пересудов. Да и ему нелегко смириться, что его возлюбленная сейчас в другом мире, совсем одна. К тому же это на тридцать долгих дней и более долгих ночей.

— Бедняжки, — пробурчала Микаэла. — Им так не повезло. Не то что мне. А родители принцессы в курсе подмены?

— Нет! Впрочем, у Линкеи нет мамы. Ее вырастил отец, наш почтеннейший король Стефанус. Принцесса не рассказывала ему о покушениях, чтобы...

— Как зовут вашего короля? — перебила его Микаэла, выпрямившись в струну.

— Его величество король Стефанус! — Дракула картинно взмахнул рукой. — Тебя что-

то смущает?

— Сколько лет вашей принцессе?

— В прошлом месяце исполнилось ровно двадцать.

— Как сильно мы похожи? — Микаэла встала.

— Как две капли воды. То же лицо, фигура, рост, голос, даже манеры, если честно. И меня это немножечко пугает. Зато никто не заподозрит подмену, — Дракула опять улыбнулся. — Если ты готова, я провожу тебя в покои принцессы. Тебе нужно выспаться. Завтра в замке будет кипеть подготовка к визиту монаршей семьи Халагрохильда, а мы с тобой все хорошо обсудим. Все-таки тебе месяц жить здесь.

— Отличненько! — обрадовалась Микаэла, надеясь, что розыгрыш подошел к концу и сейчас ее выпустят на улицу, где окружат десятками камер и любопытной публикой, желающей поржать.

— Сюда! — Дракула взял со стола свечу и поманил Микаэлу за собой.

Дверь оказалась совсем в другой стороне от того места, где она ее искала. Поднявшись по каменным ступенькам, они вышли во флигель.

Увидев перед собой просторный дворцовый двор, освещаемый зажженными факелами, Микаэла оцепенела. Ни камер, ни съемочной группы, ни Рейнольда, ни его почитателей из семьи Микаэлы: никого, кроме пары вяло прохаживающихся по периметру мужчин в доспехах.

— Так все это правда? — прошептала она, вцепившись в локоть мага. — Это не шутка?

— Ты же все видишь собственными глазами. Но тебе повезло: у тебя есть я. А принцесса Линкея должна сама адаптироваться в вашем мире, совсем ей незнакомом. От этих мыслей мне хочется плакать.

— Да конечно, — усмехнулась Микаэла. — Ты напоминаешь мне нашего семейного психолога, выдавливающего из моей матери слезы и деньги. Со мной этот номер не прокатит. Можешь не тужиться.

Альтмар потер взбухшую на лбу шишку и кивнул в сторону замка:

— Туда.

Микаэлу он провел через кухню. Парадным входом ночью пользоваться было рискованно, чтобы не вызвать лишних подозрений.

В холле Микаэла обхватила плечи руками и пробубнила:

— А я думала, в Канаде холодно.

В полумраке она видела лишь просторность и неточные очертания убранства, поэтому ничему не поражалась, за исключением изогнутой лестницы с бесчисленным количеством ступеней.

— Лифт вам бы не помешал, — подметила она, когда они с Альтмаром поднялись на второй этаж и остановились отдышаться.

— Ты привыкнешь, — шепотом сказал маг и пошел дальше. Он привел Микаэлу в комнату Линкеи и на мнимых хозяйских правах позволил располагаться. — С этого момента ты принцесса Линкея. Лины и инлуги...

— Кто?

— Придворные слуги. Лины, инлуги, шерлуги — все они будут обращаться к тебе «ваше высочество» или «моя принцесса». Поначалу лучше молчи, кивай и со всем соглашайся.

— Как с тобой и твоими бредовыми условиями? — Микаэла двинулась вглубь комнаты. — Мне стоит еще что-то знать, что может смутить меня до утра?

— Хм... Если вдруг я задержусь, ты можешь столкнуться с Леном или Йеном — кузенами принцессы Линкеи. Не пугайся, они — ее... поклонники.

— Извращенцы! — Микаэла опять поморщилась.

— Я постараюсь прийти к тебе до завтрака. Вернее, к вам, моя принцесса. — Альтмар откланялся.

— Послушай, Альтмар, да? Так вот, Альтмар, иногда я туплю, но я не дура. Я не из тех, кто слепо верит первым встречным. Я уточню все, что ты рассказал мне о Линкее. Окей?

Маг взволнованно рыгнул и изрек:

— Ты выдашь себя.

— Не выдам, — уверенно сказала Микаэла. — В детстве я снималась в рекламных роликах. Я хорошая актриса. Свою роль сыграю изумительно. Но сделать себя чьей-то марионеткой не позволю. Моя бабушка научила меня раскусывать лжецов. А ты наврал мне. Пока не знаю, в чем именно, но я это выясню.

— Микаэла...

— Принцесса Линкея! — напомнила она. — Ступайте, Альтмар. Нехорошо придворному магу врывать в покои ее незамужнего высочества посреди ночи.

Судорожно сглотнув, Альтмар отставил подсвечник с тающей свечой на пол в сторону от двери и, еще раз откланявшись, ушел. Едва за ним закрылась дверь, как у Микаэлы застучали зубы. Она села на край кровати и затряслась. Не важно — втянута она в чью-то игру или действительно попала в параллельный мир — впереди ее ждало невозможное! Тридцать дней притворяться принцессой, элементарно не владея правилами королевского этикета, — это верх идиотизма. Да и не умела она раскусывать лжецов. Попросту припугнула Альтмара, чтобы в дальнейшем он не начал использовать ее в своих корыстных целях.

Прислушиваясь к гробовой тишине, Микаэла дождалась, пока догорит свеча, а потом вскарабкалась на широкую кровать. Не раздеваясь, она укуталась в одеяло и вместо сна занялась переосмысливанием всего услышанного.

Канада, Уотерлу

Окутавшее Линкею сверкающее светло-синие облако рассеялось, погасла свеча Альтмара, из-под ног ушел пол, и принцесса провалилась во что-то мягкое. Удержав равновесие, она замерла. Почувяв тепло и нежный запах тонкого парфюма, Линкея поняла, что телепортация удалась. Расставив руки в стороны, она сделала шаг вперед, но запуталась ногами в каком-то тряпье и все-таки упала. Оказавшись на полу и ударившись при приземлении коленом, Линкея скорчилась и застонала. Грохот повлек за собой непонятные шорохи и приближающиеся голоса. Не успела принцесса встать, как ее ослепила полоса света из распахнувшейся двери. В проеме застыли две женщины — одна постарше, с пышными кудряшками, другая моложе и стройнее. Они переглянулись, и вторая спросила:

— Мик, ты в норме?

Линкея потеряла дар речи. В полумраке она увидела, что находится в тесной комнате со странным убранством, а упала она, судя по всему, с кровати, запнувшись об одеяло.

— Классная пижамка! — Старушка оглядела одежду Линкеи и подняла вверх большой палец.

Вторая женщина дрожащими руками убрала сложенный белый лист в бумажный конверт и, вздохнув, опять посмотрела на принцессу:

— Я знаю о вашем разрыве с Рейнольдом. Мне сказал не он, а Лурдес. Имей в виду, он недолго будет один. А вот ты...

— Ма-а-ам! — позвал ее потирающий глаза мальчишка.

Женщина обернулась.

— Ты обещала погладить мне попку перед сном.

— Иду, детка, — сказала она мальчику и, молча посмотрев на Линкею, пошла за сыном.

Старушка вошла в комнату и щелкнула выключателем. Принцесса зажмурилась. Как только ее глаза привыкли к яркому свету, она осмотрелась. В замке даже покои слуг были просторнее. Высокий платяной шкаф, комод, кресло, две тумбочки, туалетный столик и заваленный неизвестными предметами стол казались Линкее излишним нагромождением. В этой комнате достаточно было кровати, а для всего остального разумнее выделить дополнительную площадь.

Линкея поймала на себе пристальный взгляд старушки и робко спросила:

— Вы будете гладить мне попку?

Этот ритуал хоть и показался ей абсурдным, Линкея решила следовать любым правилам этого мира, лишь бы продержаться здесь тридцать мучительных дней.

— Зараза ты, Мик, — вдруг сказала старушка. — Редкостная, безголовая зараза. Локти же будешь кусать. Лилит верно сказала, Рейнольд один не останется. А ты? Только и умеешь, что язвить, грубить и делать все наперекор нам. Так и пропадешь в своей клинике, откармливая Элеонору, которая, кстати, снова испортила наш газон.

Линкея промолчала. Если с именем Лилит она разобралась, то имена Рейнольда, Лурдес и Элеоноры ей ни о чем не говорили. Проглотив недовольство, охватившее ее из-за невежества этих двух женщин, она наконец поднялась с пола и одернула тунику.

— Вы будете гладить мне попку? — четче спросила Линкея.

Старушка ухмыльнулась и пошла вон из комнаты.

— Спокойной ночи, Мик, — сказала она, удаляясь.

Линкея подкралась к двери и высунулась в коридор. В доме что-то шуршало, гудело, скрипело, рычало. Приглушенно, но все же. В замке даже днем было тише. Линкея закрыла дверь и обратила внимание на выключатель. Нерешительно щелкнув им, она погасила свет, а потом снова зажгла. Повторив это несколько раз, она улыбнулась.

— Интересно зажигаются у них свечи, — отметила она для себя.

Подойдя к окну, Линкея отодвинула занавеску и посмотрела в освещаемый ночными фонариками двор, за ним — заборчик, дорогу, аллею. Здесь все было иначе. Эйлинкель хоть и владел лесами, в самой крепости зелень представляла собой редкие пятна и отдельные кусты среди дерева и камня.

Линкея затосковала по дому. Там грубил только Лен. И то иногда. А в этом мире, похоже, бестактность и неуважение друг к другу — норма.

— Но я же сильная! — ободрила себя Линкея и, раздевшись, залезла под одеяло.

Постель у Микаэлы оказалась мягкой и теплой, а еще от нее приятно пахло цветами. Однако внезапный писк заставил Линкею вздрогнуть. Возле подушки завибрировала светящаяся пластина. Принцесса села, отодвинулась от жужжащего прибора и поежилась. Когда он потух, она ногой осторожно скинула его с кровати и снова легла. Линкея помнила предупреждение Альтмара о технологиях этого мира, но хотела держаться от них подальше.

«Значит, Микаэла бросила жениха, — поразмыслив, пришла к выводу Линкея. — Молодец! Смелая. Лишь бы это не грозило войной здешним королевствам. Надеюсь, Лен не спугнет ее, и они с Альтмаром справятся. Бедная девочка. Убежала от одного жениха, чтобы стать невестой другого».

Посмотрев в темноту, она прошептала:

— Богини Силы и Духа, помогите Микаэле уберечь Эйлинкель от войны. И помогите мне выжить в этой обители дремучего слабоумия.

Телепортация обессилела Линкею, и ей все же удалось уснуть, а проснулась принцесса от громкой звенящей музыки. Резко поднявшись на локтях, она прислушалась к звуку, исходящему снизу. Убрав с лица разлохмаченные волосы, Линкея подползла к краю и, свесившись вниз головой, заглянула под кровать. Там светилась и вибрировала та самая неведомая ей пластина. Ставив на пол подушку, Линкея аккуратно положила ее на прибор. Звук стал тише, и это ее успокоило.

Еще недолго полежав, отрешенно глядя в потолок, Линкея встала и подошла к окну. Сочность зеленого газона, деревьев и кустов вызвала у нее улыбку. Это было красивое место, радующее глаз. Линкею лишь беспокоило, почему местные петухи не пропели с первыми лучами солнца? Или в этом мире нет петухов?

Предположив, что вот-вот должны подать завтрак, Линкея решила привести себя в порядок. Обойдя комнату вдоль и поперек, она не обнаружила смежных дверей и озадачилась, где же тут можно помыться и воспользоваться котелком по нужде. Взяв с кресла короткий шелковый халат Микаэлы, Линкея надела его и пришла в ужас, увидев, что он даже не прикрывает колени.

— Срам-то какой, — проворчала она, обматывая вокруг себя одеяло.

Прикрыв обнаженные ноги, принцесса тихонько открыла дверь и выглянула в коридор. Увидев зевающего мальчика Погладь-Мне-Попку, выходящего из другой комнаты, она обратила внимание на его влажные волосы и полотенце на плечах и предположила, что именно там находятся чаны с теплой водой, моющие порошки, гребешки и котелок — крайне важная вещь для нее на тот момент.

Пробежав по коридору, Линкея юркнула в ванную и оцепенела. Ванна за шторкой, раковина, унитаз, стиральная машина, полочки с множеством флаконов, зубных щеток, бритвенных станков, фены, бигуди и прочая мелочь привели ее в шок.

— Мик, не тяни, — попросила ее появившаяся в дверном проеме бабушка. — Я еще не мылась.

— А где вода? — спросила Линкея, обернувшись.

Та покачала головой и сочувственно произнесла:

— Ты что, еще не проснулась? Соберись. Хорошо, что завтра у тебя выстраданный выходной. — Обойдя Линкею, бабушка подошла к унитазу и нажала на кнопку сливного бачка. — Айк, как всегда, не смыл за собой.

Рычание и бурление так напугали принцессу, что она вздрогнула и инстинктивно сжалась.

— Ты что, замерзла? — поинтересовалась бабушка. — Зачем тебе одеяло? — Она открыла кран над раковиной. — Умывайся быстрее, — сказав это, она вышла и закрыла за собой дверь.

Линкея недоуменно взглянула на струю воды и медленно поднесла к ней руку. Вода оказалась теплой. Принцесса переворошила флаконы и тюбики. Выдавила приличное количество зубной пасты на первую приглянувшуюся ей щетку, а потом долго ополаскивала рот от бесконечной пены, обжигающей язык и десны ледяным химическим ментолом.

— Какой ужас, — выдохнула она, наконец умывшись и посмотрев на свое отражение в зеркале над раковиной.

Живот уже превратился в камень, а ноги немели от переизбытка желания сходить в туалет. Сообразив, что для этого предназначен тот самый унитаз, Линкея поборола брезгливость к общему семейному котелку и воспользовалась им. А когда нажала на кнопку смывания, больше не шарахалась, а наоборот, с любопытством наблюдала за процессом.

— Дикость какая-то, — хихикнула она, снова обмоталась одеялом и вышла из ванной.

— Завтрак! — позвала всех Лилит с первого этажа.

Мимо Линкеи пронесся Айк, а бабушка поспешила в ванную. Такой суеты перед носом принцессы еще не происходило. Она вернулась в комнату и распахнула платяной шкаф Микаэлы, в котором обнаружила только рубашки и штаны.

— А что, женского одеяния у нее нет? — поразилась Линкея, ударив себя по лбу.

Найденные вещи подходили разве что для охоты. Но к завтраку-то нужно одеваться прилично! Перерыв шкаф, Линкея отыскала платье на корсете, с открытыми плечами и пышной юбкой в пол. К нему прилагались перчатки до локтя и прозрачный шарф.

— Ну хоть что-то! — Скривилась Линкея и влезла в это платье.

Без помощи лин все казалось нереально сложным. В замке ее купали, одевали, причесывали, припудривали. Теперь принцессе пришлось стать самостоятельной.

Расческа сыскалась в сумке Микаэлы. Оставив волосы распущенными, Линкея надела перчатки и обулась в комнатные тапки, потому что другой обуви не нашла, а свои охотничьи сапожки спрятала под кроватью.

Приподнимая юбку платья, она по узкой лестнице спустилась на первый этаж и повертела головой. Теснота дома давила на нее невидимыми тисками.

— Какого черта ты напялила на себя платье с выпускного бала?! — обомлев, воскликнула спустившаяся следом бабушка. На ней были цветастые лосины и блестящая кофточка с огромным бантом на животе. — Это ты бросила Рейнольда, а не он тебя. Так почему с ума сходишь ты?

Бабушка пальцем ткнула ей в грудь и, пройдя мимо, направилась в столовую. Линкея, всеми силами стараясь не заикливаться на этом оскорбительном к королевской персоне жесте, поплелась за ней. За столом уже сидели Айк и мужчина в очках. При появлении принцессы он отвлекся от своей газеты, Айк выронил тост в тарелку, а Лилит отняла телефонную трубку от уха.

— Мик... ты... — попыталась она подобрать подходящие слова.

Линкея удостоила Лилит пристальным царским вниманием. Эта женщина была невероятно красивой, вопреки возрасту, и Микаэла явно взяла от нее лучшее.

— Может, я заеду к Дюранам и скажу, что ты приболела? — предложил мужчина, оглядывая Линкею с головы до ног.

Она сглотнула, не зная, что и как ответить. Дверной звонок заставил всех расслабиться. Ранняя гостья в облике женщины с индейкой в руках сразу с порога начала отчитывать Линкею:

— Я же просила тебя принести корм! Ты что, решила сморить мою Элеонору голодом?! Я не спала всю ночь, ждала твоего возвращения!.. Что это на тебе надето? — Ее гнев резко сменился на замешательство.

— Мик готовится к вечеринке, — вмешалась Лилит, подойдя к Линкее и одной рукой обняв ее за талию. — Примеряет платье.

— Это не значит, что моя Элеонора должна голодать! Где корм?!

— Я принесу, — вызвалась бабушка. Она сходила в комнату Микаэлы и вернулась с

пакетом в руках. — Вот.

— Я думала, на тебя можно положиться, Микаэла! — с обидой сказала ей женщина, беря корм в свободную руку. — Идем, Элеонора. В этом доме нам больше нечего делать.

Как только она ушла, все стихло. А потом бабушка, садясь за стол, заговорила:

— Миссис Смит бывает очень несносной. Но с нее ты даже не берешь деньги за корм, а нас выводишь из себя своим вызывающим поведением. Давайте завтракать. Я опаздываю на пилинг. — Она пальцами перебрала по своим дряблым щекам и придвинула к себе тарелку.

Лилит выдвинула стул для Линкеи, и та тоже села. На столе стояла корзинка с булочками, тосты с маслом, овощной салат, стеклянный кувшин с апельсиновым соком и такой же кувшин с водой. Едва Лилит разложила по тарелкам яичницу с беконом, Линкея грациозно расправила полотенце на своих коленях и осмелилась спросить:

— А где завтрак?

Переглянувшись, все дружно рассмеялись.

— Хорошая шутка, Мик! — Лилит ей подмигнула и приступила к еде.

Поняв, что завтрак — это скудные блюда на столе, Линкея очередной раз захотела домой. Не дождавшись прислуги, которая должна разлить напитки по стаканам, она начала есть всухомятку.

— Мик, ты что, проглотила лом? — засмеялся Айк. — Хоть немного сгорбись. Люди так не сидят.

Кое-как прожевав кусок пережаренного бекона, Линкея чуть опустила плечи.

— Мое предложение в силе, — напомнил отец, глядя на нее поверх очков.

— Нет, Тобиас. Там за ней хотя бы присмотрит Джоанна, — сказала Лилит. — Только переоденься, Мик.

— Благодарю за завтрак, — ответила она, уголком полотенца вытерла губы и встала. — С вашего позволения я пойду к себе.

Выйдя из-за стола, Линкея покинула столовую, но остановилась у нижних ступенек лестницы и прислушалась.

— Надо быть с ней помягче, — вполголоса произнесла Лилит. — Она сильно расстроена. Может, пожалела о разрыве с Рейнольдом. Мам, ты можешь подвезти ее до клиники?

— Она не поедет на моем мотороллере, — ответила бабушка.

— Вдруг поедет. Предложи ей. Айк, а ты попридержи язык за зубами. Я позвоню Джоанне и попрошу ее взбодрить Мик.

Линкея не представляла, куда еще сильнее ее хотят взбодрить. А слово «мотороллер» ее вообще пугало до дрожи. Оставалось надеяться, что это вид ездовых лошадей.

Возвратившись в комнату, Линкея сняла платье, столь смутившее семейство Микаэлы, и переделалась в одну из ее рубашек и джинсы. Посмотрев на себя в зеркало, принцесса отметила, что весьма неплохо выглядит. Не по-королевски, зато сольется с толпой, раз в этом мире всем положено одеваться в мужское.

Сев в кресло, она с тоской вздохнула и, медленно оглядывая комнату, размышляла над своим новым положением. Итак, Микаэла старшая дочь Лилит и Тобиаса. Очевидно, здесь процветал матриархат, а мужское слово не имело значения. Бабушка жесткая, но всем сердцем радела за дочь и внуков. Айк — избалованный мальчишка, тянущий на себя одеяло домашнего любимца. Однако между членами этой семьи словно пробежала черная кошка. Казалось, будто нечто плохое из прошлого преследовало их и не давало вздохнуть полной грудью.

Прибор под кроватью снова завибрировал. Линкею это начало злить. Она соскочила с кресла, залезла под кровать и вытащила пластину из-под подушки. Обувшись в удобные кеды Микаэлы, Линкея спустилась в парадную, где ее ждала бабушка.

— Мик, хочешь, я тебя подвезу? — спросила она.

— Да, конечно! — с улыбкой ответила Линкея, вынудив родителей выкрасться из гостиной. — А куда можно убрать это?

— Это твой мобильник, — уточнила бабушка. — Убери в карман.

— Он мне не нужен. — Линкея положила так называемый мобильник на этажерку и вслед за бабушкой вышла из дома.

На террасе к ней, виляя хвостом, подбежал золотистый ретривер.

— Какой милаха! — взвизгнула Линкея и, присев, обняла собаку.

— Мик! Ты... Ой! — Айк, держащий в руках отцепленный от ошейника поводок, замер на нижней ступеньке.

Линкея потрепала пса по голове и погладила его шею под мордой.

— Какой хороший, — приговаривала она. — Чудесный песик. Правда? Чудесный же? — Линкея подняла лицо и посмотрела на неподвижную бабушку.

Ретривер активнее завилял хвостом и облизнул щеку Линкеи. У Айка отвисла челюсть. Принцесса вдруг поняла, что Микаэла с этой собакой не дружила.

— Я выгоню мотороллер. — Придя в себя, бабушка спустилась с террасы.

Поглаживая у пса за ухом, Линкея встала и посмотрела на Айка. Мальчишка взволнованно пошлепал губами и, взяв хвостатого друга за ошейник, потащил его в дом.

— Еще увидимся, — сказала ему Линкея на прощание.

— Ага... — буркнул Айк. — Надеюсь, не скоро.

Бабушка не заставила себя долго ждать и вскоре на металлическом звере с механическим ревом подъехала к калитке. На ее голове был шлем, а второй она держала перед собой для внучки.

— Ты идешь?! — прокричала она.

Линкея растерянно огляделась. Приглашение предназначалось ей. Она поглубже вздохнула и, выйдя со двора, взяла шлем. Конечно, она надела его задом наперед, а потом благодаря бабушке перевернула в правильное положение. Сев позади нее, Линкея обняла мягкую старушку за ее объемную талию, и услышала веселый возглас бабушки:

— Ну, моя коняшка! Вперед!

Мотороллер тронулся с места, и у Линкеи сердце ушло в пятки. Крепче вцепившись в бабушку, она с необычайным волнением озиралась по сторонам, разглядывая здания, прохожих местных жителей, дорожные указатели и светофоры, яркие вывески, разного размера и вида машины, едущие по городу без лошадей. Теперь Линкея удостоверилась, что попала в другой мир — беспорядочный, шумный, суетливый. Обратив внимание, что некоторые местные девушки носят слишком короткое, а мужчины оголяют руки, она залилась краской.

Бабушка припарковалась у светлого двухэтажного здания с вывеской «Ветеринарная клиника Дюран». У его парадных дверей стояла доска, на которой белым мелом была нацарапана акция дня «Корм для стерилизованных кошек "Лапочки оближешь" со скидкой 20 %».

— Если захочешь, чтобы вечером я тебя забрала, позвони со стационарного, — сказала бабушка, забирая у Линкеи шлем.

Ноги принцессы слегка подрагивали, но она улыбалась.

— Понравилось? — заметила бабушка. — Ладно, счастливого дня, Мик.

— До свидания, — ответила Линкея и собралась было откланяться, и откланялась бы, если бы мотороллер не рванул дальше.

Принцесса повернулась к клинике и, нервно потирая ладони, вошла внутрь. В магазине было тихо и прохладно. Линкея взглянула на стеллажи с товаром, а потом на стоящую за кассовым боксом высокую брюнетку. Что-то жуя, та придирчиво косилась на Линкею.

— Здравствуйте! — поприветствовала она ее. — Меня зовут... Микаэла.

— Не выйдет, — обидчиво фыркнула брюнетка. — Я все утро звонила тебе. Ты не отвечала, а теперь пытаешься загладить вину? Да, я не ответила на твое сообщение сразу, потому что я спала, Мик! Представь себе, в полночь я дрыхну! Но это не повод игнорировать меня.

Из открытого окна донесся рев. Брюнетка перегнулась через прилавок и сменилась в лице.

— А вот и он! — улыбнулась она. — Иди сюда! — Схватив Линкею за руку, она затащила ее за прилавок, а сама направилась вглубь торгового зала. — И только попробуй ему нагрубить. Я все расскажу Дюранам. Будь вежлива с клиентом.

Линкея не успела ничего ответить, как девушка скрылась за стеллажами. Она осмотрелась и уставилась в мерцающий монитор. На нем светилась какая-то таблица. Звякнул колокольчик. В магазин вошел покупатель, но Линкея продолжала знакомиться с кассовой зоной. Она понятия не имела, что ей делать, и решила действовать по обстоятельствам. Уж лучше опозориться здесь, чем терпеть общество Аланнарвальда там.

Пройдясь среди стеллажей, покупатель подошел к Линкее и положил на кассовую ленту упаковку корма для аквариумных рыб. Принцесса посмотрела на этикетку с изображением забавной рыбки-клоуна и, улыбнувшись, подняла лицо.

— Сколько с меня? — сухо спросил высокий смуглый парень с выразительными карими глазами. Он зацепил темные очки за горловину своей майки и, вытащив бумажник из заднего кармана джинсов, открыл его.

Линкея перестала дышать, смотря на него как замороженная. Мышцы его рук не скрывала даже кожаная куртка-косуха. Его мужественный голос с соблазнительной хрипотцой так и застыл в ушах Линкеи. А небритость и выглядывающие над майкой черные

волоски придавали ему брутальности. Такого эффекта на нее не оказывал даже Лен, будь он трижды обнажен!

— Сколько? — повторил парень.

Линкея не шевелилась, разглядывая его топорщившиеся волосы, широкие брови, полные губы, крепкую шею. В Ценцарии тоже были смуглые жители — южане, и Линкея всегда испытывала к ним особенную симпатию. Встретить южанина на севере — большая редкость. Они бывали там только на правах гостей так же, как и северяне на юге. Здесь же, скорее всего, господствовало равноправие.

— Джоанна! — окликнул парень брюнетку. — Обслужи меня!

Та вышла из-за стеллажа, за которым таилась, и, насупившись, встала за кассу.

— Привет, Рейнольд, — сказала она, сканируя штрих-код с упаковки корма. — Как настроение?

— Прекрасное! — улыбнулся он, и от его улыбки у Линкеи подкосились ноги. — Сегодня собираемся на дэнс-баттл. Не хочешь с нами?

— Нет, это развлечение не для меня. Может, Мик хочет сходить? — Она пристально посмотрела на Линкею.

— Ей тоже не нравятся уличные танцы, — за нее ответил Рейнольд, приложив карточку к сканеру кассового терминала. — Отлично выглядишь, Джоанна! — Он флиртующе подмигнул, отчего брюнетка покраснела.

Его поведение внезапно оскорбило Линкею. Ей не было нужды долго размышлять, чтобы догадаться, кто такой этот Рейнольд. Но как он посмел откровенно любезничать с посторонней девушкой в присутствии своей бывшей невесты?! Линкея не собиралась терпеть, что в этом мире ее — то есть ее двойника — ни во что не ставят! Если Микаэлу такое отношение к себе вполне устраивало, то Линкея была не из безропотных. Собравшись с духом, она шагнула к прилавку и, подавшись вперед, с чувством и расстановкой проговорила:

— Как мне может не нравиться то, чего я никогда не пробовала?

Линкея умела обезоруживать. Улыбка сошла с лица Рейнольда. Он отнял карту от аппарата и вперил в принцессу немигающий взор. Джоанна как можно тише зашуршала пакетом, убирая в него покупку, а потом и вовсе сбежала, опять скрывшись в глубине зала.

— Это шутка? — уточнил Рейнольд.

Линкея игриво хохотнула и, облизнув нижнюю губу, молча закусила ее.

— Я заеду за тобой в восемь! — Красавчик не устоял. — Но это ничего не отменяет. Ты сама сказала, что мы можем остаться друзьями. Теперь мне ничто не мешает показать тебе настоящего меня.

Он убрал бумажник, надел очки и, взяв пакет, направился к выходу. Линкея с хищной улыбкой оглядела его бедра, обтянутые джинсами, и промурлыкала:

— Мне тоже есть, что тебе показать, смельчак. Зря согласился. Я доведу тебя до бешеного исступления.

— Держи швабру, искусительница, — засмеялась Джоанна, подав ей метлу и ведро. — Я, конечно, рада, что дела у вас идут к примирению после твоей вчерашней тупости, но на тебе уборка и чистка лотков у животных. Приступай!

Ценцария, Эйлинкель

Микаэла задремала лишь под утро, встретившее ее звонким криком петухов. В комнату пробрались мягкие рассветные лучи, и Микаэла, потеряв глаза поразила ее просторностью. Вот уж действительно королевские покои!

Кровать с высоким изголовьем стояла в самом центре, вокруг нее лежали меховые коврики и дорожки. Напротив кровати — дверь, ведущая в неизвестность. Входная дверь была слева. Возле нее по-прежнему стоял подсвечник. Справа от кровати за полупрозрачными портьерами — широкие стеклянные двери на балкон.

Микаэла посмотрела в высокий потолок и присвистнула. Вылезая из-под одеяла, она обратила внимание на низкий столик у кровати. На нем стояла ваза с одним-единственным цветком. Микаэла так и не узнала его разновидность, поэтому нюхать не рискнула.

Встав с кровати, она поежилась от холода и подошла к балконным дверям. Отодвинув портьеры, увидела самую настоящую террасу, под которой распростерся королевский двор. Каменная стена, ограждающая крепость была чуть ниже второго этажа, поэтому Микаэле посчастливилось насладиться зелеными лесами, уходящими за горизонт, где уже поднималось яркое солнце.

— Значит, не приснилось, — прошептала она.

Осознание того, что она попала в настоящее королевство с принцами, рыцарскими боями на мечях, роскошными балами, тайнами и интригами, приятно волновало. Это лучше однообразной работы у Дюранов, надоедливого семейства, слабохарактерного Рейнольда и его родных, горой за него стоящих. Вспомнив о клинике, Микаэла спохватилась, что у нее на носу экзамены, от которых зависит ее постоянное трудоустройство.

— О чем я думаю?! — Она хлопнула себя по лбу и развернулась. — Принцесса недоделанная! Эта Линкея все испортит. Дюраны вышвырнут ее сегодня же! И к чему я вернусь через месяц?

В комнату постучались. Микаэла замерла. Она понятия не имела, что делать.

— Ваше высочество! — подал голос Альтмар и, приоткрыв дверь, заглянул внутрь.

— Ах, это вы, ваше трахтибидохчество! — со вздохом облегчения поразовалась Микаэла.

Брови мага сошлись от смятения, но он ничего не ответил. Войдя в комнату, Альтмар прикрыл за собой дверь и спросил:

— Как спалось?

— Я околела, — честно призналась Микаэла. — У вас не найдется какого-нибудь обогревателя или хотя бы слабенького тепловентилятора?

— В малой гостевой разожгли камин. Можете погреться там после завтрака.

— А я могу отказаться от завтрака или поесть здесь? Что-то мне нездоровится. Особенно коленям. Они дрожат от ужаса. Что я буду делать в присутствии короля и кузенов? Блеять? Мычать? Хрюкать?

Альтмар прошел к смежной двери и распахнул ее.

— Идемте, я все вам покажу. Вот-вот придут лины, чтобы помыть вас, одеть и причесать.

— Я и сама в состоянии...

— Вы да. Принцесса нет, — уточнил маг, ведя за собой Микаэлу. — Это гардеробная и купальня. Принцесса Линкея с детства называет их шкафом.

Не менее просторная комната, визуально разделенная на две зоны, с одной стороны пестрела пышными платьями, шляпами, шубами и обувью, с другой представляла собой некое подобие средневековой ванной, хоть Микаэла понятия не имела, как те выглядели.

— Это чан для купания. — Альтмар указал на огромную деревянную кадку. — Теплую воду принесут инлуги. Здесь мыльные средства, зубной порошок, тряпица и нити для чистки зубов...

— Что, простите, тряпица? — Микаэла недоверчиво покосилась на шкафчик с сомнительным содержимым. — А щетки нет?

— Есть. Для волос. — Альтмар взял в руки флакон с темной жидкостью и самодовольно сказал: — А это бальзам для очистки языка и десен от остатков пищи и микробов. Моя разработка.

— Ух, ты! Ополаскиватель для полости рта! Оригинально! — съязвила Микаэла. — Простите, а где... унитаз? — Она заметила недопонимание в лице мага. — Ну-у-у, куда я могу пи-пи?

— Что?

— Я хочу в туалет! — прямо заявила Микаэла, потеряв терпение.

— О, так вот же! — Альтмар метнулся в угол комнаты и отодвинул занавеску.

Микаэла медленно подошла к нему и, решив, что над ней откровенно издеваются, спросила:

— Кастрюля?

— Это не кастрюля, ваше высочество. Это котелок. — Маг подошел к ночному горшку, по форме напоминающем большую посудину, и потянулся к крышке.

— Ой, нет-нет! Я перехотела! — запротестовала Микаэла, одной рукой прикрывая лицо.

— Не волнуйтесь, ваше высочество, котелки чистятся три раза в день. Видите, чисто. А на дне обеззараживающий порошок.

— Хвала небесам! — Микаэла символически посмотрела в потолок. — И что, в замке у каждого свой котелок?

— Конечно, — улыбнулся Альтмар.

— И у короля?

— Ну да.

— И у принца? — хихикнула Микаэла. — Здесь все ходят в котелки?

— А как иначе?

— Слушай, творец волшебного бальзама, ты только что разрушил в моей голове всю романтичность королевской жизни. Теперь при виде красивых, статных тамплиеров я буду вспоминать эти котелки, — Микаэла засмеялась, но увидев непоколебимость в лице мага, замолчала.

— Я понимаю, вам сложно, но придется привыкать к цивилизации. Мы не справляем нужду в кустиках и не подтираемся банановыми листьями. Поэтому будьте любезны, следуйте правилам.

— Как скажете! — подыграла ему Микаэла, сдерживая очередную волну хохота. — А может, вы взмахнете магическим жезлом, прошепчете какую-нибудь «аваду кедавру» и вернете нас по своим местам?

— Я не знаю, что это за заклинание.

— Поуглите, — подшутила она.

— Ваше высочество, — злясь, процедил Альтмар. — Я не понимаю вашего языка. Не могли бы вы говорить на чистом северном ценцарском?

— Окей! — Микаэла пожала плечами. — То есть, хорошо. Вернее, я постараюсь. А теперь не могли бы вы покинуть шкаф? Мне надо сходить на кастрюльку... ой, на котелок.

То, что поначалу ее напугало и развеселило, оказалось вполне удобным. А особенной приятностью стало понимание того, что ободок этого котелка всегда будет сухим, потому что здесь нет Айка.

Вернувшись в комнату, Микаэла увидела Альтмара на террасе. С улицы заплывали теплые потоки, и в комнате становилось уютнее. Микаэла вышла к магу и посмотрела вниз. По двору расхаживали шерлуги в доспехах, инлуги с рабочим инвентарем, лины с тазами и корзинами.

— А если я пропущу общий завтрак, мне же не сделают «ата-та»? — спросила Микаэла, надеясь услышать положительный ответ.

— Принцесса Линкея пропускает трапезы в двух случаях — во время болезни и во время охоты, — пояснил Альтмар. — Если вы не хотите на себе познать тонкости медицины Эйлинкея, советую не притворяться больной. Поверьте, лучше притвориться принцессой.

— Не думаю, что есть что-то хуже уколов, — пробурчала Микаэла, греясь под теплыми лучами. — Знали бы вы, сколько мне их сделали полгода назад. От бешенства. И это кроме шести швов. Шрам так и остался.

— Что? — Маг опешил. — У вас есть шрамы?

— До тебя только что дошло, что у нас с Линкеей могут быть отличия? — усмехнулась Микаэла.

Альтмар схватил ее за руку, заволок в комнату и запер двери.

— Где? — требовательно спросил он.

— Над лодыжкой. — Микаэла подвернула джинсы на правой ноге и продемонстрировала едва заметный шрам. — Я тогда подрабатывала, выгуливая чужих собак. Одна взбесилась и вцепилась в мою ногу. Кровищи было — море! А крику еще больше. — Она опустила джинсы и погрузилась. — Рейнольд как раз был на утренней пробежке. Оттащил от меня пса, вызвал «скорую», даже вернул всех животных их хозяевам. Так мы и познакомились. С того времени меня трясет от собак...

— А от Рейнольда? — Альтмар напрягся.

— Расслабьтесь! — Она махнула она. — Вчера мы расстались. Он дал понять, что не хочет оставаться друзьями. Вашей принцессе не грозит навязанный роман.

— Старайтесь не оголять эту ногу. Королевские одеяния скромные, платья длиной в пол, охотничьи брюки тоже заправляются в сапоги. Но Линкею всегда купают лины. Они знают каждую ее родинку. Если они заметят шрам, тут же доложат королю Стефанусу. Он очень дорожит единственной дочерью, и здесь за ней следят во все глаза.

— Попахивает маниакальностью. Мне уже не по себе.

В комнату снова постучались.

— Кто? — машинально спросила Микаэла, но сразу прикусила язык.

После недолгой паузы послышался писклявый женский голос:

— Доброе утро, ваше высочество! Прикажете готовить купальню?

Микаэла испуганно посмотрела на Альтмара. Он приблизился к ней вплотную и прошептал:

— Да, будьте любезны. Да побыстрее.

Она прочистила горло и почти заорала:

— Да! Будьте любезны! Да пошевеливайтесь!

Альтмар чуть не задохнулся от возмущения. Дверь распахнулась, и в комнату чередой вошли инлуги с наполненными парующей водой деревянными ведрами, а вслед за ними две робкие лины. Все выстроились в ряд, поклонились и занялись подготовкой купальни.

— Желаю воду погорячее! — прокричала им Микаэла.

Альтмар, чуть наклонившись к ней, произнес:

— Принцесса должна говорить негромко, но властно. А ее смех должен напоминать звон колокольчика, а не конское ржание.

— Уважаемый придворный шарлатан, а не пошли бы вы вон из покоев моего незамужнего высочества! — Микаэла по-хозяйски указала ему на дверь. — И нефиг кривить кислую гримасу, — тише шикнула она. — Сами меня сюда затащили. Терпите.

Альтмар заметил мимолетные взгляды копошащихся в купальной слуг и, откланявшись, покинул комнату. А Микаэла, потирая ладони, улыбнулась:

— Расслабьтесь, ребятки. Я не кусаюсь.

Выставить за дверь лин, выпросив у них чистое белье, оказалось проще простого. Микаэла не могла позволить, чтобы ее трогали посторонние, пусть даже девушки. В одежде она предпочитала скромность, а купальники покупала исключительно закрытые, несмотря на то, что обладала тонкой талией. Бассейн она посещала редко и в те дни, когда основными посетительницами были ровесницы ее бабули. Так что привычки обнажаться на публику у Микаэлы не было.

Сняв с себя рубашку, джинсы и белье, она сложила их на приготовленную линами простыню и связала в узел. Потом сняла цепочку с кулоном, спрятала украшение за шкафчиком, залезла в остывающую воду и огорченно вздохнула. В каменном замке все леденело за считанные мгновенья. Расслабиться и согреться Микаэле так и не удалось. Она как можно быстрее помылась, перепутав мыльный порошок для тела с порошком для волос и поняв это, когда ее шевелюра никак не вспенивалась, и выругала себя за идею мыть голову в таком лютом холоде. Фена-то в замке точно нет! А вынырнув из чана, Микаэла поторопилась обтереться и одеться. С чулками она разобралась сразу, а вот остальное пробило ее на истерический смех.

— У моей бабули бельишко гораздо симпатичней, — шутила она с самой собой, надевая рейтузы и сорочку. — Хм... Удобная пижамка. Конечно, я выгляжу так, словно из психушки сбежала, но чепца нет — уже хорошо! — Микаэла открыла дверь ипустила лин. — Девочки, а вы можете припрятать тот узел?

Служанки переглянулись, и одна из них осмелилась тихонько спросить:

— Там ваш охотничий костюм, ваше высочество? Тот, что был на вас? Давайте мы его выстираем, высушим на ароматных травах и выгладим. Мышей в замке и так хватает.

— То есть вас не смущают джинсы? — удивилась Микаэла, выбирая платье из двух предложенных другой линой.

— Простите, нас больше смущает ваш отказ от нашей помощи в купании и от массажа.

— Массаж?! — поразилась Микаэла. — Вы делаете массаж? Прекрасненько. Вечером сделаете, — улыбнулась она, остановив свой выбор на нежно-голубом платье с рукавами и закрытым декольте.

Ее одели, почти насухо пропитали ее волосы махровыми полотенцами и причесали. Обувшись в узкие туфли, Микаэла поднялась с низкого табурета и, пошатнувшись, ухватилась за руки лин. Тяжелое платье придавливало ее к полу, а тугая прическа камнем лежала на голове.

— Как-то мне нифига не удобно, — проворчала она, делая первый шаг.

Лины оббежали ее по кругу и почти хором сказали:

— Все в порядке, ваше высочество!

Микаэла неуклюже дошла до двери и спросила:

— А я же могу после завтрака переодеться в какой-нибудь халатик?

Лины снова недоуменно переглянулись.

— Ясно, — вздохнула Микаэла, плетясь дальше. — Ну, кто проводит меня в столовую?

Одна из девушек занялась уборкой купальни, а вторая отправилась сопровождать горе-принцессу. Для Микаэлы стало целым подвигом спуститься на первый этаж по бесконечным ступеням и ни разу не оступиться. Хотя в противном случае кубарем она быстрее миновала

бы лестницу, да еще и с ветерком. Отделаться при этом парой ушибов, чтобы месяц пролежать под компрессами в теплой кровати, было бы вообще идеально. А вот свернуть шею Микаэла совсем не мечтала. Вряд ли ей помогла бы медицина «сверхцивилизованного» Эйлинкея, псевдозаклинания недомога Дракулы и массаж болезненно тощей служанки, которая вот-вот упадет в обморок от бессилия. Сейчас жизнь стала Микаэле дорога как никогда.

Замок вовсе не сверкал золотом, как это происходит в эффектных декорациях исторических фильмов и сказок. Тускло, пусто и по-прежнему холодно. Высокие потолки подпирались необъятными колоннами, кое-где стояли деревянные скамейки с резными спинками, этажерки, столики, вазы. Стены украшали картины, перекрещенные мечи, флаги, гербы. Всюду было много подсвечников с подтаявшими свечами. Каждый стук каблука по мраморному полу эхом отзывался от каменных стен огромнейших залов, через которые Микаэла шла вслед за линой.

— Хоть бы к ужину успеть, — пыхтела она, таща на себе неподъемное платье, — полпути пройти.

Наконец они дошли до широких дверей, охраняемых двумя вооруженными шерлугами в доспехах.

— Ваше высочество! — Они откланялись и распахнули двери.

Лина отошла в сторону и, склонив голову, пропустила Микаэлу вперед. Столовая представляла собой мрачный зал с узкими арочными окнами. На стенах, как и на длинном столе, были зажжены свечи, которые Микаэла даже не взялась пересчитывать. Каждый из многочисленных стульев напоминал настоящий трон со спинкой в рост Микаэлы. Стол ломился от обилия свежих, ароматных блюд. Чего здесь только не было: и салаты, и закуски, и наполненные супницы, и жареная дичь, и выпечка, и десерты, и десятка два графинов с разными напитками.

«Если они так завтракают, то как же они обедают? — Микаэла обомлела. — А как обжираются в праздники!»

— Линкея, — с улыбкой обратился к ней сидящий во главе стола мужчина в глухом камзоле с рукавами. — Доброе утро, дочка.

— Ох, простите, я вас не заметила, — нервно засмеялась она. — Здравсте!

«Надо говорить негромко, но властно, — напомнила себе Микаэла. — И залиристо хихикать, как полоумная!»

Успокоившись, она прошла к столу и, сев на выдвинутый линой стул, внимательно посмотрела на короля. Ей хотелось бы подсесть поближе, чтобы получше его разглядеть, но почему-то служанка усадила ее в середину, прямо напротив надутого голубоглазого красавчика.

— Доброе утро, братишка! — сказала Микаэла, догадавшись, что это один из кузенов Линкеи.

Король и парень переглянулись.

— Что ж, подождем Лена еще немного, — предложил монарх.

Микаэла безучастно покивала, окинула стол голодным взглядом, но поняла, что король интересуется ее куда больше еды. Она встала, чем напугала лину, обошла стол и села по правую сторону от короля.

— Линкея, ты хорошо себя чувствуешь? — с беспокойством полюбопытствовал он.

— Да. Да. Да, — кивая каждый раз, повторила она и, положив локти на стол, заострила

на короле изучающий взгляд. — Просто соскучилась.

Мужчина смущенно улыбнулся и мягко ответил:

— Я тоже порой скучаю, дочка. Нам надо чаще проводить время вместе.

Микаэла дотянулась до его щеки и, вцепившись в нее, слегка потрепала.

— То есть это не маска? — задумчиво произнесла она, приводя короля, Йена и прислугу в замешательство. — Вы настоящий? Не дешевый актер захудалого театра, а настоящий Стефан?

Король аккуратно убрал со своего лица руку Микаэлы и, погладив ее, произнес:

— Линкея, я понимаю, ты волнуешься перед приездом принца Аланнарвальда, обижаешься на меня, переживаешь из-за вчерашней ссоры с Леном и Йеном, но давай обсудим это позже.

Микаэла перевела взгляд на замершего с открытым ртом Йена и пожала плечами:

— Ладно. Ловлю на слове.

Король склонился к ее уху и напряженно прошептал:

— И почему ты сократила мое имя?

— Оговорилась, — хохотнула Микаэла и, привстав, потянулась за супницей. — С кем не бывает. В темницу же не бросите.

Прислуга, рывком тронувшись с мест, кинулась ей на подмогу, а в столовую вошел Альтмар. Увидев, как Микаэла спорит с линами, что сама может налить себе суп, он побледнел еще сильнее.

— Ваш-ше выс-соч... велик-колеп... Простите, ваше величество, — наконец смог внятно вымолвить он, не сводя испуганного взгляда с Микаэлы. — Мне доложили, что вы желаете видеть меня.

Микаэла налила себе суп, взяла кусок лепешки и села. Король, обескураженный ее поведением не меньше слуг, пошлепал губами и кивнул.

— Д-да... Да, Альтмар. Шерлуги сказали, что вчера вечером видели вас с Леном у собачьего вольера. После этого Лен пропал. Мы думали, что он отправился прокатиться по округе. Но его аб в стойле, как и другие лошади.

— М-м-м... Вкусно! — воскликнула Микаэла, попробовав суп. — Кто готовил? Премик повару!

Альтмар пошатнулся.

— Она сегодня сама не своя, — пояснил король, но тут же встрепенулся, видимо, поняв, что ему незачем оправдываться перед придворными. Кашлянув, он вновь обратился к Альтмару: — Лен ничего не говорил о своих планах?

— Он просил меня помочь в дрессировке новой гончей, — без колебаний солгал маг. — Больше я его не видел.

— Хорошо. Ступай, — грустно ответил король.

Альтмар продолжал во все глаза смотреть на Микаэлу, хлебающую суп. Она, поймав на себе его испытующий взгляд, облизнулась и сказала:

— Кстати, ваш бальзам — полный отстой. Воняет, как моча шиншиллы.

Король и Йен очередной раз обменялись недоумевающими взглядами и рассмеялись.

— Да-да, — ладонью прикрывая покрасневшее от стыда лицо, произнес король. — Он действительно отвратителен.

Не выдержали и слуги, позволив себе тихонько посмеяться. Судя по всему, Альтмар всех снабдил своим бальзамом, всем он пришелся не по вкусу, но никто не осмеливался сказать

правду внушающему страх и трепет колдуну.

Альтмар побагровел. Тяжело задышав, он стиснул зубы и пронзил Микаэлу угрожающим взглядом. Она в долгу не осталась. Взяв вилку, со всей дури вонзила ее в запеченного молочного поросенка и ответила магу не менее враждебным взглядом.

— Если в окрестностях есть мята, — произнесла она, втираясь в доверие к королю, — уверена, я смогу удивить двор более приятным бальзамом.

— Бросаете мне вызов, ваше высочество? — прошипел Альтмар.

— Почему нет? — Она взяла нож и, воткнув его в того же поросенка, принялась резать. — Я вам такую магию покажу — обалдеете! Заодно преподнесу подарок королю и первой леди Хадрольда.

— Халагрохильда, — закипая, поправил ее Альтмар.

— Я так и сказала, — смело ответила Микаэла и, отрезав кусочек мяса, засунула его в рот. — И закройте двери с той стороны. Дует — жуть.

Выдержав паузу, маг откланялся и, развернувшись, покинул столовую.

— Ну что ж! — улыбнулся король. — Будем завтракать. — Он кивнул Йену и взял салфетку, чтобы положить на колени. Украдкой поглядев на Микаэлу, придвигающую себе поднос с поросенком, король вдруг отложил салфетку и, привстав, потянулся за графином. Прислуга закопошилась вокруг монарха, но он отмахнулся от них и велел: — Ступайте! Сегодня у нас самообслуживание.

Извинившись и откланявшись, придворные тихо удалились. Йен наконец пришел в себя и, последовав примеру короля, тоже потянулся за салатницей.

Сытно наевшись, но огорчившись, что она так и не попробовала всех блюд, Микаэла откинулась на спинку стула и, поглаживая живот, причмокнула:

— Никогда еще так по-царски не ела.

— Да-а-а, так ты еще никогда не ела, — улыбнулся король, вытирая уголки губ полотенцем.

— А куда это уберут? Я смогу попозже попробовать десерты?

— Если только свиньи их не съедят, — усмехнулся Йен, впервые подав голос.

Микаэла посмотрела на него и не сдержала улыбку: милый парень. Во всем милый. А его стеб изумительно подтверждал репутацию типичного младшего братца.

— Еду выбросят свиньям? — Она перевела потрясенный взгляд на короля.

— Линкея, ты словно вчера родилась. Итак, у кого какие планы?

— Я сочту за честь помочь вам, ваше величество, в подготовке замка к приезду короля Яруэля и королевы Эллиады, — ответил Йен.

— Альтмар поможет. Лучше составь компанию Линкее. — Король с улыбкой посмотрел на Микаэлу, прощальным взглядом обводящую стол. — Сходите к травнику. Может, у него есть мята. Мне по душе идея приготовить подарок королевской семье Халагрохильда. Я ценю ваше понимание всей серьезности этой свадьбы. Осталось дожидаться Лена и убедиться в ясности его ума.

— Блин, свадьба! — опомнилась Линкея. — Я как раз хотела сказать, что не могу выйти за того принца... — Она щелкнула пальцами, вспоминая его имя. — Аланвард... Аланырвад...

— Да, Йен, пожалуй, сегодня ты приглядываешь за Линкеей, — уже без улыбки сказал король и встал.

Йен встал следом, и Микаэла поняла, что ей тоже надо поднять свою отяжелевшую

тушку. Кряхтя, она поднялась со стула и настойчивее сказала:

— Я не шучу! Мы с Ноланом хотим пожениться! Мы любим друг друга!

— С Ноланом? — выдавил из себя король и поджал губы, сдерживая смех. — А сам Нолан-то в курсе, что по нему вздыхает наследница трона Эйлинкеля?

— Конечно! — воскликнула она, пытаясь достучаться до короля. — И ему очень тяжело знать, что его любимую насильно выдают замуж за другого! Мы даже решили пока не встречаться.

— Хорошо, что Лен этого не слышит, — произнес Йен. — Ваше величество, разрешите идти?

— Да, ступайте.

Йен подошел к Линкее, взял ее под локоть и потащил к выходу.

— Вам что, плевать, за кого меня выдавать?! — возмущалась она, скользя по мраморному полу. — Тогда выдайте за Нолана! Вы же сломаете наши судьбы!

Йен вывел ее из столовой, отвел в сторону и выпрямил перед собой.

— Линкея, что с тобой? — тихо, но требовательно спросил он.

Микаэла подняла лицо и опять улыбнулась:

— Ты такой хорошенький...

— Спасибо, — смутился Йен. — Но что это за истерика? Нолан? А Альтмар вас уже благословил?

— Вы что, настолько доверяете ему, что он благословляет браки? — удивилась она.

Йен нахмурился, пытаясь разобраться с услышанным.

— погоди... — Микаэла скрестила руки на груди. — Альтмар — папашка этого Нолана, да? Я права?

— Линкея, — Йен шагнул к ней вплотную и, чуть склонившись, положил свои теплые ладони на ее плечи, — понимаю, ты нервничаешь. Моя душа тоже вопит. Для Лена ваш предстоящий союз с Аланнарвальдом — и вовсе беспросветный кошмар. Но нужно держать себя в руках. Прости за вчерашнее. Я догадался, что Лен прячется в шкафу, и нарочно сказал про поцелуи.

Микаэла аккуратно убрала от себя руки Йена и отстранилась.

— Нолан — сын Альтмара? — повторила она свой вопрос, не акцентируя внимание на том, что говорил кузен Линкеи.

— О, богини Ценцарии, — вздохнул Йен. — Да! Он его сын. А теперь скажи, ты простишь меня?

— За что?

— За вчерашнее? Линкея, ты слушаешь меня или нет?

— Ага, — задумчиво сказала она и, медленно развернувшись, поплелась в неизвестность.

— Ты обиделась? — догнав ее, спросил Йен.

— Нет-нет. А как пройти в подвал Альтмара?

— Зачем? — недоумевал он.

— Хочу извиниться перед ним за грубость в столовой, — пробурчала Микаэла.

Йен заглянул в ее лицо и произнес:

— Да, наверное, тебя и вправду лучше проводить. Идем. — Он подставил Микаэле свой локоть, и она буквально вцепилась в него. Йен вывел ее во двор и рукой указал на флигель: — Пройдем через двор?

Микаэла согласно кивнула, все еще размышляя над тем, что наговорил ей Альтмар. Теперь она начала понимать, где именно маг слукавил.

— Подожди меня здесь, — попросила Микаэла Йена.

— Уверена? Хорошо, — согласился он. — Я и не горю желанием спускаться в его подземелье. Мне там некомфортно...

Не дослушав Йена, Микаэла спустилась в подвал.

Альтмар стоял перед зажженным камином и, кашляя от паров, что-то варил в небольшом котле. Пес у стены подскочил на ноги и заметался, но луч, обвивающий его шею, не позволял ему освободиться. Микаэла настороженно взглянула на собаку, удостоверилась, что та не представляет для нее опасности, и рывкнула:

— Ты обманул меня!

Альтмар вздрогнул от неожиданности и, резко обернувшись, едва не выронил из руки старую книгу.

— Линкея вовсе не влюблена в Нолана, так?! Почему ты хочешь помешать ее свадьбе с Аланвальдом?

— Аланнарвальдом, — поправил ее маг, кладя книгу на стол. — Потому что этого хочет Линкея. Она не любит принца. К слову, он ее тоже.

— Я начинаю сомневаться, что Линкея по собственной воле отправилась в Уотерлу. Может, ты насильно подменил нас, решив, что я помогу тебе проверить эту авантюру?

В подвал спустился невысокий толстячок, неся перед собой огромную корзину с едой. Сипло дыша, он поставил ее на стол, вытер взмокший лоб рукавом туники и поклонился Микаэле:

— Ваше высочество.

— Оставьте нас, инлуг! — приказала она, вживаясь в роль принцессы.

— Па-ап... — обидчиво протянул он, поглядев на Альтмара.

Микаэла внимательней посмотрела на Нолана и нервно засмеялась. Она никогда не оценивала людей по внешности, но все равно не представляла себе пару Линкеи и Нолана. Нет! Принцесса точно не могла любить этого пузана с одышкой и соплей под носом.

— Отстань, Нолан, — бросил ему маг.

Тот почесал брюхо, взял из корзины булку и, сев за стол, принялся жевать.

— Ты не понимаешь, — огорченно вздохнул Альтмар. — В детстве они все вместе играли во дворе — Линкея, Аланнарвальд, Лен, Йен, Нолан. Вот короли и решили, что было бы неплохо скрепить дружбу родственными узами. Их не интересовало желание детей. Линкея мне как дочь. Она выросла на моих глазах. Его величество король Стефанус не может отменить свадьбу. Это будет дурным тоном с его стороны. А Линкея может! И смогла бы, если бы не покушения на ее высочество! Пойми, Микаэла, она рассчитывает на тебя.

Пес у стены свесил голову.

— Почему ваша собака молчит? — поинтересовалась Микаэла.

— Заклинание временной немоты.

— Чем грозит королевству отказ Линкеи от свадьбы? — вернулась она к теме разговора.

— Ничем. — Альтмар пожал плечами. — Люди посудачат и замолчат.

— Я хотела бы поговорить с Леном. Не подскажите, где он?

— Вон! — Нолан указал на собаку.

Микаэла закатила глаза и тяжело вздохнула.

— Не слушай его, — усмехнулся Альтмар. — Порой Нолан как ребенок.

— Какие отношения у Линкеи с ее кузенами? — спросила Микаэла.

— Ну-у-у... — Маг потупил взор в стол. — У Линкеи двухлетний роман с Леном. Серьезный роман. Она не просто так регулярно берет у меня противозачаточный порошок.

— Ужас! — взвизгнула Микаэла. — Это же кровосмесительная связь! Инцест еще хуже однополых браков!

Альтмар остолбенел.

— Будь осторожней с подобными выражениями. Однополые отношения в Ценцарии караются смертной казнью, а их упоминание — месяцем в темнице!

Она расцвела довольной улыбкой:

— А мне начинает у вас нравиться. Но вернемся к нашим баранам. То есть Линкея спала со своим кузенком? А со вторым?

— Йену не так давно исполнилось восемнадцать. И насколько мне известно, пока их отношения с Линкеей ограничивались романтическими вечерами с долгими поцелуями под луной.

Микаэле показалось, будто Альтмар специально выразился столь лирично. Но зачем? Кого он хотел задеть или даже позлить? Пса? Бред!

— А ваша принцесса, надо признать, та еще похотливая извращенка. Для нее что, понятия морали вообще не существует? — Микаэла психанула, осознав, в какую неприличную заварушку вляпалась. — Позор вашей принцессе! Не удивлюсь, если за этот месяц она перекувыркается с половиной мужчин Уотерлу, и моя репутация будет подпорчена так, что мне лучше вообще не возвращаться домой! Тоже мне — подражатели Борджиа.

— Подражатели кого? — полюбопытствовал Альтмар.

— Тебе лучше не знать, — буркнула Микаэла. — Навдохновляешься на всякую хрень. Почему же ты солгал мне?

— Ты и так кидалась на меня. А расскажи я тебе в подробностях о Лене и Йене ночью, когда ты только пережила телепортацию, ты закатила бы истерику на весь замок. Подумай, Микаэла, зачем мне срывать свадьбу Линкеи? В чем моя выгода?

— Верно. — Она покивала, не видя злого умысла в действиях мага.

— Если ты и сейчас не веришь мне, спроси у Йена, у короля, у любой лины. Здесь все знают о любви Линкеи и Лена, — добавил Альтмар. — Вчера они повздорили из-за Йена, и Лен так сильно расстроился, что куда-то уехал. Наверное, решил побыть в одиночестве.

— Знаете, что, Альтмар! — четко заговорила Микаэла. — Я не специалист по чувствам утонченных принцесс, но если бы ваша Линкея по-настоящему любила Лена, она не обжималась бы с Йеном! Она обычная вертихвостка!

— И все же...

— Договорились! Я дам за нее отказ принцу с трудновыговариваемым именем. Но учтите, я сделаю это не из-за желания Линкеи быть свободной и стелиться под каждого привлекательного мужчину, а чтобы уберечь принца от ветреной жены! Для нее не существует верности. Значит, она не будет соблюдать ее в браке, чем обречет мужа и будущих детей на ад. Надеюсь, я понятно объяснила?

Альтмар повеселел. Вздохнув, он широко улыбнулся и довольно ответил:

— Вполне! Я знал, что мы договоримся.

Пес продемонстрировал недобрый оскал. Микаэла бросила на него мимолетный взгляд и взяла курс к выходу.

— Хорошего дня, ваше высочество! — пожелал ей вслед Альтмар. А как только она вышла, он строго покосился на Нолана. Ругать сына маг не стал, зато направился к псу. Сев недалеко от собаки, Альтмар заглянул в ее злые глаза и самоуверенно произнес: — Девочка

борзая, ее не так-то просто обмануть. Но, как видишь, Лен, фортуна по-прежнему на моей стороне. Этой свадьбы не будет. У тебя был шанс заполучить Линкею. Ты его упустил. Теперь так и останешься в шкуре гончей. Цепочка начала темнеть, Лен. Как только почернеет медальон, заклятие будет невозможно разрушить. А Микаэла не очень-то мила с собачками, — он издевательски рассмеялся и закашлялся от дыма, повалившего из камина. — Мой бальзам! — Подскочив на ноги, Альтмар кинулся к котлу.

Выйдя во флигель, Микаэла подошла к ограждению и посмотрела на играющий солнечными бликами двор.

— Все хорошо? — с улыбкой поинтересовался Йен.

— Да, — ответила она. — Кажется, он всерьез воспринял пари и уже варит новое зелье для радости наших десен.

— А с Ноланом попрощалась?

На лице Йена появилась лукавая ухмылка. Микаэла толкнула его локтем в бок, и он посерьезнел.

— Надо найти Лена, — сказала она. — Как думаешь, где он может быть?

— Дай ему время. Сам вернется.

Микаэла не могла сказать Йену, что хочет поговорить с Леном и убедиться в словах Альтмара об их неземной любви с Линкеей, из-за которой принцесса собиралась дать отказ принцу с трудновыговариваемым именем. Йен располагал к себе, но он всего лишь влюбленный мальчишка, и неизвестно, как отреагировал бы на подмену Линкеи и Микаэлы.

— Тебя не переубедить, — вздохнул Йен. — Может, он отправился в домик в лесу, где вы частенько проводите время наедине.

— Что? — поразила Микаэла.

— Линкея, ты что, приняла порошок забвения? Вроде Альтмар его еще не протестировал.

— По-моему, он еще вообще ничему путному не научился, — проворчала она. — Давай съездим в тот домик, а потом к травнику.

— Хорошо, — согласился Йен, снова подставляя Микаэле свой локоть. — Надо же чем-то заниматься весь день.

Они вышли из флигеля и отправились в королевские конюшни.

Аб Линкеи не подпускал к себе никого, кроме нее и Лена. Стоило Микаэле приблизиться к стойлу этого жилистого коня, как он заржал, замотал головой и затопал, стуча коленями по перегородке. Йен и инлуги пришли в замешательство: аб впервые вел себя так странно. А Микаэла внутренне ликовала. Как только она узнала, что они поедут не в карете, а верхом, у нее пересохло во рту, ведь Микаэла никогда в жизни не сидела в седле!

— Наверное, приболел, — как можно сочувственней вздохнула она. — Йен, возьми меня к себе?

Еще бы он не взял!

Снарядив своего коня двойным седлом, Йен помог Микаэле сесть, а потом поднялся сам.

— Почему ты так напряжена? — засмеялся он, выводя животное из конюшни.

«Потому что мне страшно до усрачки!» — в ужасе подумала Микаэла, но вслух деликатно ответила:

— Волнуюсь, сидя на чужом жеребце.

Ей бы следовало кокетливо хихикнуть, как сделала бы это Линкея, но у Микаэлы челюсть свело от одной мысли о таком поведении. Обеими руками вцепившись в дугообразную ручку на передней луке седла, она боялась даже дышать, чтобы ненароком не свалиться с лошади. А упругая грудь Йена, упирающаяся в ее спину, и запах его душистого

парфюма сковывали Микаэлу, полностью обездвигивая ее. Естественно, она не испытывала к нему никаких пылких чувств. О подобном не могло быть и речи! Но Микаэла не позволяла посторонним мужчинам вторгаться в ее личное пространство и, если это случалось, чувствовала себя неуютно.

Из-за вероятности нападения торлугов королевских особ сопровождал конвой из четырех вооруженных шерлугов. Микаэла с благоговейным уважением смотрела на этих статных воинов в тяжелых доспехах и жгуче завидовала Линкее. Не потому что принцессу окружали такие сильные мужчины, а потому что это самое настоящее королевство! Здесь чтятся доблесть, долг, справедливость, ответственность — то, во что в родном мире Микаэла давно перестала верить.

За стенами замка она ощутила легкий трепет, который стремительно перерастал в дрожь. Непривычно чистый воздух, сочная зелень, благоухающие цветы, звонкоголосые птицы — все это окружило Микаэлу красотой и гармоничностью. Не городской шум, смог и серые лица с отпечатком будничных забот, а целая экосистема, нетронутая негативным воздействием человека! Микаэла с открытым ртом разглядывала замысловатой формы листья на деревьях и забавных, совсем не пугливых зверей. Некоторые были в точности такими же, как в Канаде, а отдельные виды отличались. Микаэле хотелось расспросить Йена обо всем ей неизвестном, но она не могла рисковать. Утро и без того выдалось улетным.

«Улетным... — подумала Микаэла. — Вот уж точно — улетная подмена! Джоанна мне ни за что на свете не поверит».

Довольно долго они по узким тропам пробирались через густой лес, а потом выехали на просторный луг площадью с небольшое гольф-поле. Домик, о котором говорил Йен, оказался добротной одноэтажной хижинкой из бревенчатых стен. Над покатой крышей громоздилась каменная труба, а неподалеку виднелся колодец.

Йен спрыгнул с коня и повел его к дому. Микаэла сидела уже уверенней, поэтому решила не слезать вслед за новоиспеченным младшим братом. Она позволила ему спустить ее, только когда они подошли к хижине.

— Трава не притоптана, — заметил Йен. — Похоже, здесь давно никого не было.

Он испытующе посмотрел на Микаэлу, будто ожидая ее ответа. Но она не знала, как давно Линкея и Лен здесь развлекались. Она нервно улыбнулась и поднялась по скрипучим ступеням на крыльцо. Дверь не запиралась и открылась с первого толчка. Чего и следовало ожидать, внутри было пусто.

Микаэла неуверенно вошла в темное помещение и огляделась. Дальняя стена располагала большим камином, посреди комнаты стоял диван, на котором лежали в рулоны свернутые шкуры животных. Справа Микаэла увидела кресло, стол и кое-какую посуду. Слева — два шкафа: закрытый платяной и наполовину заполненный книжный. Йен дошел до камина и протянул ладонь к углям.

— Холодно. Лена здесь не было, — констатировал он.

Микаэла обошла единственную комнату, провела пальцем по пыльной столешнице и подумала о том, что сейчас она мыла бы пол в клинике Дюран и чистила лотки грызунов. Подсознание и привычка заставили ее заскучать по работе.

— Йен, там колодец, — вдруг сказала Микаэла. — В нем есть вода?

— Это я у тебя должен спросить, — усмехнулся он.

— Принеси воды, — попросила она, подворачивая рукава платья. — И разожги камин.

— Что ты задумала? — насторожился Йен.

— Хочу навести здесь порядок. Негоже дому быть неухоженным. А потом устроим пикник.

Он расцвел довольной улыбкой и, выйдя на улицу, приказал шерлугам рассредоточиться и следить за периметром, а сам отправился к колодцу.

Канада, Уотерлу

Тыльной стороной ладони вытерев пот со лба, Линкея выпрямилась и облегченно выдохнула. Джоанна, похлопав ее по плечу, многозначительно хмыкнула и произнесла:

— Что с тобой сегодня?

— Это такой непосильный труд, — сбивчиво дыша, ответила Линкея.

— Ты два часа убиралась в магазине. Мик, животные уже кричат от голода, а Дюраны с минуты на минуту придут в клинику, где еще конь не валялся.

— В клинике должен поваляться конь? — поразилась та. — А где конь?

«И почему конь вообще должен поваляться в клинике?! — вдогонку подумала принцесса. — Что за дикий мир!»

— Сделаю вид, что мне смешно. — Джоанна забрала швабру. — Пригляди за кассой. Я сама уберусь.

Сказав это, она пошла к лестнице. Линкея отдышалась и поплелась к клеткам. У нее в голове не укладывалось, зачем жители местного королевства держат у себя грызунов. В Эйлинкеле с мышами и крысами боролись, а тут их разводили, тискали, целовали.

— Мерзость, — ворчала Линкея, вынимая поилки и кормушки из клеток.

Еще она не понимала, зачем люди запирали в клетках красивых птиц и заполняли аквариумы пестрыми рыбками. И неволя этих несчастных животных здесь считалась нормой! Но больше всего ее смущала индейка миссис Смит. Откормленная, жирная домашняя птица уже давно должна прожариться до хрустящей корочки. Подумав о ней, Линкея облизнулась. В ее животе предательски заурчало. Кусочек пережаренного бекона Лилит и тост с маслом, запитые стаканом кислого апельсинового сока, не завтрак, а дегустация в лавке рыночного мясника.

«А Микаэла сейчас наверняка уплетает молочного поросенка в сметанном соусе», — с обидой подумала Линкея, наполняя поилки чистой водой и меняя корм в кормушках.

Раздался звон колокольчика, а вслед за ним мужской голос:

— Доброе утро, Микаэла!

Линкея обернулась, заметила, как на второй этаж прошел какой-то мужчина с сумкой, и продолжила заниматься животными. Вскоре послышался голос Джоанны:

— Да, Андрэ... Я поняла... Хорошо...

Она смеялась. Значит, директор не взбесился из-за того, что та выполняла обязанности Микаэлы. Джоанна спустилась, убрала инвентарь в хозяйственную комнату и вернулась к Линкее.

— Неисправимый ловелас, — пробурчала она. — У Элис приболела мама. Пришлось уехать из Уотерлу. А ее муженек уже опьянен свободой. Опять сбежит из клиники пораньше, чтобы склеить какую-нибудь куклу в пабе.

Линкею совсем не интересовала семейная жизнь Дюранов и слабости Андрэ. Она и сама не отказалась бы уйти отсюда пораньше. Но куда? Туда, где Микаэла жила на правах квартирантки, наглая соседка бесцеремонно ее унижала, а о еде можно было только мечтать?!

— Ничего не скажешь? — удивилась Джоанна.

— Я? — Линкея огляделась. — А почему я должна что-то говорить?

— Мы же всегда сплетничаем на такие темы.

— На какие? На постельные? А может, ты лучше займешься своей личной жизнью, чем будешь копать в чужой?

Джоанна оскорбилась.

— Это твоя благодарность за мою помощь?

В магазин зашли покупатели, и Джоанна, не дождавшись ответа, отправилась за кассу.

— Святые девы нашлись, — проворчала Линкея, проводив ее осуждающим взором.

У Линкеи никогда не было подруг. Обычно принцессы заводили себе компаньонку из знатных семей или соседних королевств. Линкею же совсем не интересовали сплетни за чашечкой чая в саду. От этого ее трясло. Она явственно представляла, как эти на вид милые создания обсуждают какую-нибудь высокородную особу, а потом с той самой особой так же перемывают косточки друг другу. Этому скучному занятию Линкея предпочитала охоту и байки шерлугов. Зато ее спина не напарывалась на ножи высокоблагородных дам.

Этот первый рабочий день в жизни Линкеи показался ей самым долгим. Джоанна продолжала дуться, пыхтеть и коситься, но той было все равно. Через месяц Линкея собиралась вернуться в Эйлинкель, так что заводить дружбу с Джоанной не планировала. Ее больше заботили мысли о том, как уставали лины и инлуги, с раннего утра до глубокой ночи обслуживающие замок.

«Хорошо, что завтра у меня выходной», — обессилен к концу дня, вздыхала Линкея.

Ровно в восемь Джоанна обратила внимание на донесшийся с улицы металлический рев и улыбнулась. Ее сердитость как рукой сняло. Она выглянула в окно и бодро сообщила:

— Рейнольд приехал! Надо же!

— Кто? — уточнила Линкея, снимая фартук с логотипом клиники.

Джоанна взглянула на нее и нахмурилась. Линкея опомнилась, что утром согласилась на какие-то уличные танцы с бывшим женихом Микаэлы. И хотя она еле волочила ноги, а от голода кружилась голова, Линкея не могла вдруг отказать такому красавчику, сразившему ее одним проникновенным взглядом и сногсшибательной улыбкой.

Сглотнув, Линкея рванула в подсобку. Взглянув на себя в зеркало, она пришла в ужас. Взлохмаченная, побледневшая, с покрасневшими глазами! Быстро пальцами расчесав волосы, она ладонями потерла щеки до румянца, расстегнула верхние пуговицы рубашки, брызнула на себя попавшиеся под руку духи Джоанны и несколько раз поглубже вздохнула.

В зал Линкея вернулась со светящейся улыбкой на лице. Рейнольд стоял у кассы и, облокотившись о прилавок, тихо беседовал с Джоанной. Он обернулся раньше, чем Линкея подала голос и, окинув ее взглядом, присвистнул:

— То есть ты не шутила?

Она хитро улыбнулась и, подойдя к Рейнольду, почти шепотом сказала:

— Ты плохо меня знаешь.

Он улыбнулся в ответ, опять вызвав дрожь в ее коленях.

— Ты предупредила родителей?

— Я взрослая.

— Ясно, — кивнул он, вынимая из кармана кожаной куртки мобильник. — Отправлю сообщение Лилит. Потому что домой ты вернешься поздно.

— Звучит интригующе, — промурлыкала Линкея и, взяв с прилавка мотошлем, покрутила его в руках. — Это мой?

— А разве ты не на велосипеде? — засмеялся Рейнольд.

— Зачем мне какой-то велосипед, — удачно выговорив последнее новое для себя слово, улыбнулась она, — когда у меня есть ты? Идем.

Надев шлем, Линкея направилась к выходу.

— Удачного вечера! — пожелала ей Джоанна.

Не прощаясь, Линкея вышла из здания. Рейнольд спустился к своему мотоциклу и тоже надел шлем. Сев, он поманил Линкею:

— Ну же, идем, моя бесстрашная.

Она смело села позади него и, обвив его широкое туловище руками, вкрадчиво произнесла:

— Удиви меня.

Рейнольд завел мотоцикл и сказав: «Держись крепче!» — рванул его с места.

Ценцария, Эйлинкель

Из Йена вышел хороший работяга. Он с радостью помогал Микаэле, не жалуясь и не перекладывая обязанности на подданных шерлугов. Йен выбил пыль из шкур, дивана и кресла, вытряс содержимое платяного шкафа, выгнав оттуда моль и убрав паутину, разжег камин. А Микаэла тем временем все перемыла и вскипятила воду, чтобы заварить травяной чай.

Во второй половине дня они расстелили покрывало на лугу недалеко от домика и, разложив прихваченную с собой еду, пообедали, славно беседуя о природе и детстве. Хитро вытягивая из Йена слово за словом, Микаэла выяснила, что он лишился матери — тетушки Линкеи — от рождения. Отец умер на три года позже. Тогда в Эйлинкеле вспыхнула эпидемия тяжелой лихорадки и унесла немало жизней. Так Лен и Йен осиротели и стали подопечными его величества короля Стефануса. Болезнь поразила и Миру — жену Альтмара. Именно она была самой могущественной магиней Ценцарии, а Альтмар не владел и десятой долей ее силы. Все последующие годы после ее смерти он стремился стать ей ровней, копаясь в ее письменах и колдовских книгах.

— А разве она не могла передать ему свою силу, когда умирала? — изумилась Микаэла, лежа на траве и наблюдая за плывущими по небу перистыми облаками.

— Говорят, к тому времени у Миры не было силы, — ответил Йен, лежа рядом и жуя травинку.

— Как?

— Возможно, она передала ее кому-то другому задолго до своей смерти.

— А так можно?

— Конечно. Если Альтмар встретится с более профессиональным магом, тот даже может отнять у него силу, — пояснил Йен и, перевернувшись на бок, подставил руку под голову. — Ты такая странная сегодня.

Микаэла улыбнулась:

— Только сегодня?

— Нет. Но сегодня особенно.

— Волнуюсь перед приездом гостей.

Йен поверил. Или сделал вид, что поверил. А Микаэла сменила тему разговора напомнив о травнике.

— Давай отправим за ним шерлуга, — предложил Йен. — Сваришь бальзам здесь. На кухне в замке сейчас не протолкнуться: завтра приезжают гости, послезавтра состоится бал.

— Бал, — мечтательно произнесла Микаэла, прикрыв веки и ярко представив себе парад пышных платьев, подтянутых мужчин, а потом и подтянутых мужчин в пышных платьях. Засмеявшись, она открыла глаза и, вспомнив, что не танцевала вальс со школьного выпускного бала, резко села. А что если в Эйлинкеле этот танец и вовсе отличается от известного ей?! — Ох, Йен! Я так давно не танцевала. А на балу, наверное, придется, да?

— Думаю, да, — улыбнулся он и, тоже сев, выбросил травинку. — На балу придется не только уплетать поросенка, но и танцевать. После того, как Аланнарвальд сделает тебе предложение, вы откроете бал своим первым вальсом.

От недостатка воздуха у Микаэлы сдавило грудь. Раз она собиралась отказать принцу, то

не было смысла волноваться из-за танца, который не состоится. Однако очарование этим миром пробуждало в Микаэле веру в сказку. Ей хотелось хоть на мгновение почувствовать себя принцессой — не только в компании запеченного поросенка за завтраком, но и в компании настоящего принца.

— Хочешь порепетировать? — догадался Йен.

— Поможешь? — с ноткой мольбы спросила она.

— С удовольствием! — Он встал и, подав руку Микаэле, помог подняться ей.

Йен подозвал к себе одного шерлуга и велел ему привезти сюда травника, а Микаэла наказала, какие травы, эфирные масла и банки-склянки тот должен взять с собой. Едва гонец уехал, как они пустились в пляс. Именно в пляс, потому что вальсом этот танец назвать было сложно. Без музыки обоих пробивало на смех, а платье Микаэлы постоянно цеплялось за траву. Главное — она усвоила, что ценцарский королевский вальс не особо отличался от привычного ей.

— Давай я буду подпевать какую-нибудь мелодию? — предложила Микаэла сквозь смех.

— Вот так сразу? Даже не смилостивись надо мной и не позволишь мне попрощаться с дядюшкой?

Запыхавшись и громко смеясь, Микаэла и Йен снова повалились на мягкую траву и посмотрели в небо.

— Ты же не передумала? — отдышавшись, тихо спросил Йен.

— О чем?

— О свадьбе. Ты же не подвергнешь Эйлинкель опасности? Я понимаю, жестоко просить тебя ставить Всемирное Соглашение о Мире и Достатке Ценцарии выше собственного счастья. Но Аланнарвальд будет хорошим мужем, отцом и королем. Давай не будем забывать о Великом Плаче.

«Вот же редкостный стрекозел!» — мысленно выругалась Микаэла, поняв, что Альтмар снова обвел ее вокруг пальца. Бежать к нему сломя голову, чтобы как следует припечатать по его вампирской морде — глупо. Он очередной раз запутает Микаэлу каким-нибудь новым сочинением, если вообще не притворится, что при смерти.

Великий Плач прозвучал пугающе и прискорбно. Йен явно подразумевал не счастливое лето, проведенное на ферме дедушки. А Всемирное Соглашение о Мире и Достатке Ценцарии вызвало у Микаэлы ассоциации с Договором о запрещении испытаний ядерного оружия. Выходило, что брак Линкеи и Аланнарвальда имел огромное политическое значение. Вряд ли Альтмар стремился развязать войну между королевствами. Тогда чего хотела эта жалкая пародия на мага?

«Не потерять свое тепленькое местечко», — ответил Микаэле ее внутренний голос.

Альтмар был королевским советником, а придворным магом стал во время всеобщего траура, каким-то образом сумел удержаться на этом посту и, разумеется, с коронованием Аланнарвальда автоматически лишится его. Ведь новый король окружит себя своей собственной свитой, а не той, что достанется ему в наследство от тестя.

В голове Микаэлы лихорадочно завертелось все, что ей удалось узнать и собрать воедино. Ей не составило труда догадаться, что никакого врага, желающего убить Линкею, нет. Возможно, покушения были, хотя Йен о них ничего не говорил, но все это — проделки Альтмара, чтобы убедить принцессу согласиться на подмену, а потом запутать Микаэлу и сорвать свадьбу.

Дальше противостоять Альтмару было рискованно. Он мог навредить ей. Единственный способ удачно выпутаться из этой передраги — сыграть по его правилам. Все равно через месяц Микаэла вернется домой и постарается забыть Эйлинкель, как сон — в чем-то приятный, а в чем-то не очень. Но совесть не позволяла ей так жестоко поступить с невинными жителями Ценцарии. Одно дело бросить Рейнольда, и совсем другое — подвергнуть целые королевства смертельной опасности!

Ей по-прежнему было жаль принца, которого женят на ветреной девице. Однако Микаэла его совсем не знала. Кто сказал, что он расстроен таким поворотом событий? А где гарантия, что он сам не гуляет с другими женщинами? И почему Микаэла должна решать, кому жениться, а кому нет? Это не ее жизнь, не ее свадьба! Это ее временная роль!

«А как же брачная ночь?!»

От ужаса у нее вспотели ладони, но Микаэла быстро взяла себя в руки. У нее по-прежнему оставалось главное оружие, о котором Альтмар даже не догадывался. В любой момент Микаэла могла обо всем рассказать королю. А доказать, что она не Линкея — проще, чем маг мог бы себе представить. И Микаэле даже не придется говорить для этого на родном языке, показывать шрам на ноге или просить лин пересчитать ее родинки. Король поверит ей без доказательств!

— Нет, — едва слышно произнесла Микаэла. — Я не передумала.

— Вот и отлично! — ответил Йен.

К вечеру приехал травник. Он был обескуражен просьбой ее высочества и поначалу сильно волновался, даже ронял флакончики с эфирными маслами и пучки трав. Но убедившись, что принцесса вполне себе проста, успокоился.

Рецепт бальзама-ополаскивателя для полости рта в домашних условиях Микаэла помнила с уроков химии в старшей школе. У травника нашелся и розмарин, и мята, и масло чайного дерева, и кое-что из того, что в Канаде считается запрещенным. Невольно вспомнив Рейнольда с его осведомленностью в травке радости, Микаэла поняла, что ни разу по нему не затосковала. Дома и в клинике она наверняка издевалась бы над собой самоанализом, на который ее подталкивали бы Джоанна и любящие родные. А в Эйлинкеле у нее совсем другие заботы.

Смешав необходимые ингредиенты в нужных пропорциях, Микаэла залила смесь кипятком и дала бальзаму настояться. Когда она вышла на луг, уже смеркалось. Собрав кое-какие цветы, Микаэла занялась процеживанием и разливанием настойки по маленьким флаконам. Травник помог ей закупорить их и красиво уложить в корзину с цветами.

— И все? — с сомнением спросил Йен, поглядывая на приготовленный королю Яруэлю подарок. — Без едких порошков, нашептываний, театральных пасов руками и пафосного взгляда?

— Да, — Микаэла поправила цветы. — Этот бальзам не только приятный, но и полезный.

— Поверю на слово.

«Знал бы ты, сколько колдовских зелий продается в нашем магазине под названием "паштет", — мысленно хихикнула Микаэла. — Там есть все — и мышинные хвостики, и шкурки скуссов, и клювики утконосов».

Травник подтвердил ее слова, зная о свойствах использованных для бальзама растений, и попросил разрешения Микаэлы на его приготовление для продажи тинлугам. Она не отказала.

— Только вот с этой дрянью рекомендую распрощаться, — посоветовала она, пальцем отодвигая пучок веселящей травки.

Остатки еды с пикника Микаэла оставила на столе для Лена.

Они вернулись в замок поздно. Король уже был в своих покоях и готовился ко сну. Микаэла попросила Йена проводить ее к нему, якобы горя желанием поцеловать отца перед сном. Они попрощались у двери спальни его величества, где Йен вдруг сказал:

— И все-таки что-то в тебе изменилось.

— Что? — Микаэла растерялась, чувствуя, как под пристальным взглядом слишком наблюдательного братца у нее затряслись поджилки.

— Ты ведешь себя, как... как сестра, — подобрал он подходящее слово.

— Так и должно быть, разве нет? — засмеялась она, потрепав Йена по волосам. — Спокойной ночи, Йен.

— Спокойной ночи, Линкея, — ответил он и, поцеловав ее руку, пошел дальше по широкому коридору.

«Да не Линкея я! И ты, к счастью, не Айк!»

Глубоко вздохнув, Микаэла поскреблась в дверь и с позволения вошла в покои короля. Он сидел в постели и, повернув к свече какой-то свиток, сосредоточенно его изучал.

— Я хотела извиниться за свое поведение за завтраком, — робко произнесла Микаэла.

Король свернул свиток, отложил его и, мягко улыбнувшись, похлопал по кровати. Микаэла приблизилась и присела на край.

— Я выйду замуж за принца, — добавила она, от волнения теребя ткань платья.

— Нолан не против? — засмеялся король.

Микаэла тоже засмеялась.

— Я рад это слышать, — посерьезнев, ответил он. — Детство кончилось, Линкея. Мне жаль, что я так и не нашел для тебя маму. Претенденток хватало. Но они не заменили бы ее. Наверное, я был эгоистом. Тебе не хватало женского внимания и ласки. Я очень надеюсь, что ты подружишься с королевой Эллиадой. Она хорошая мать. Она научит тебя всему, чему должен был научить я.

Микаэла опустила лицо и попросила:

— Расскажи мне о маме.

Король погладил ее по руке и ответил:

— Она была прекрасной женщиной. И чем старше ты становишься, тем больше напоминаешь мне ее. А теперь иди спать, Линкея. Завтра будет трудный день.

Микаэла покивала и, легонько чмокнув короля в щеку, встала.

— Спокойной ночи, ваше... — она замолчала и, улыбнувшись, перефразировала: — Спокойной ночи, папа.

— И тебе, дочка, — пожелал он.

Вернувшись в комнату Линкеи, Микаэла кое-как сняла с себя грузное платье и позволила одной лине размять шею и плечи, затекшие за день, обещанным массажем. Потом она помылась в деревянном тазу, отпустила служанок и юркнула под одеяло. В эту ночь Микаэла намеревалась не жаться к изголовью, а спать! Но для начала она поставила перед собой цель.

— Или вы добровольно уйдете в отставку, мистер упырь, или я с позором вышвырну вас из королевства. — На ее лице заиграла многообещающая улыбка. — Ведь впереди у меня еще двадцать девять дней!

Канада, Уотерлу

Когда Рейнольд привез Линкею в место с обещанными уличными танцами, на Уотерлу опустились сумерки. Мероприятие было организовано на закрытой загородной автозаправочной станции, где стены пестрели граффити, а мерцающая иллюминация заменяла фонарные столбы. На всю округу разносилась популярная пуэрториканская музыка, распалаяющая полураздетых девушек.

Сойдя с мотоцикла и сняв шлем, Линкея осмотрелась и впала в шок. Ее сразу поразил контингент: здесь почти не было белокожих. Она словно попала на юг Ценцарии, отчего стало до мурашек волнительно.

Не успела она прийти в себя, как увидела выпивку, текущую рекой. За организованной барной стойкой ловко орудовали бутылками и шотами два молодых бармена. Они что-то смешивали, поджигали, кололи лед, едва ли не жонглировали оливками. А соломинки и миниатюрные зонтики в бокалах и вовсе вызвали у Линкеи детский восторг. В Эйлинкеле среди тинлугов никто не мог похвастать изысканной посудой, так что там хмельное разливалось просто и без церемоний.

Идя вслед за Рейнольдом сквозь плотную толпу, Линкея ловила на себе недобрые взгляды других девушек и замечала, как те перешептываются.

— Эй, гринго! — крикнул один из барменов куда-то в сторону, едва Рейнольд и Линкея подошли к стойке. — Ты сегодня не один! Тут еще бледнолицая пожаловала! Или она с тобой? — спросил он у Рейнольда.

Тот, облокотившись о стойку, с откровенной усмешкой посмотрел на растерянную Линкею и с лукавым прищуром сказал:

— Она? Нет. Я просто слежу за ней. Это Мик. И ей нет двадцати одного, имей в виду.

— Оу! Молочка в блюдце налить?

— Поверь, она откажется даже от него, — ответил Рейнольд.

Если в Эйлинкеле на Линкею смотрели с уважением и восхищением, то здесь от взглядов и смешков ей становилось неуютно. Она не понимала, почему Микаэла позволяла так к себе относиться? Неужели ей было все равно?

— Может, сделать тебе коктейль? — спросил бармен, перегнувшись через стойку.

— Просто налей ей воды. Негазированной, — уточнил Рейнольд и, взяв наполненный для него шот, осушил его. Сняв куртку, он оголил свои накачанные руки и, закурив, двинулся в сторону танцплощадки. — Развлекайся, Мик! — подмигнул на прощание.

«Он что, просто бросит меня здесь?!» — мысленно возмутилась она, но ничего ему не ответила. Уж Линкея-то могла за себя постоять! Она выросла не на играх с куклами, а на охоте. «Нет, еще двадцать девять дней в образе Микаэлы я не выдержу! — решила она, исподлобья косясь на Рейнольда, уже склеивающего какую-то грудастую мулатку в мини. — Я им покажу, что бывает, когда лопаются терпение!»

— Твоя вода. — Бармен поставил на стойку стакан. — Кстати, меня зовут...

— А где ваш змеелов?! — перебила его Линкея, мило улыбнувшись.

— Кто, прости? — смутился парень.

Она через плечо указала на стайку шепчущихся девиц и ответила:

— Гадюки расплозились, надо бы собрать, а то ненароком перетравят друг друга.

Бармен открыл было рот, но тут же рассмеялся.

— А ты классная!

— Я само совершенство. — Линкея провела пальцем по столешнице, потом по руке и груди парня и, схватив его за ворот майки, притянула к себе. — Налей-ка мне что-нибудь покрепче.

— А... э...

— Об этом никто не узнает. — Она приложила палец к его губам и медленно опустила его.

Судорожно сглотнув от вспыхнувшего волнения, парень покачал головой и вскоре подал Линкее коктейль.

— Пей медленно, иначе...

Не дослушав его, она залпом осушила стакан и, поморщившись, заявила:

— Еще!

— Ты что, накидаться решила? Мне не нужны проблемы с легавыми. Я не хочу лишиться гражданства...

— А ты симпатичный, — хихикнула Линкея, подперев подбородок рукой.

— Хорошо. Сейчас сделаю, — улыбнулся бармен и снова наполнил стакан.

После второй порции Линкея почувствовала себя расслабленной. Ее почти перестали смущать полуобнаженные тела, а бармен стал казаться привлекательней.

— О-о-о, — протянул он, наполняя шоты. — Сейчас Рейнольд зажжет!

Линкея перевела взгляд на окруженную кольцом танцплощадку. Там что-то затевалось. Музыка ненадолго стихла.

— Он вчера вроде со своей цыпой порвал, — добавил бармен, вытирая столешницу. — Говорят, такая зануда была. Выглядит аппетитно, а на деле пресная. Так что сегодня он точно кого-нибудь подцепит. А ты ему кто? — спросил он, посмотрев на Линкею.

— Я? — Она пожала плечами, но не успела ответить, как громкоголосый парень закричал: «Azukita», — и снова зазвучала музыка. В этот раз более живая, ритмичная и жесткая.

— Рейнольд фанат такой музыки. Парни для него постарались, — перекрикивая музыку, пояснил бармен. — Бедолага полгода без танцев, сигарет, выпивки и секса. Как он вообще выжил в таких нечеловеческих условиях? — засмеялся он.

Линкея задумалась. Раскрепощенность этого мира начинала ей нравиться. Свобода мыслей, выражений и вкусов пьянила ее сильнее слабоалкогольного коктейля. Микаэла все больше казалась ей строптивой идиоткой, не ценящей жизнь без жестких рамок.

— Идешь смотреть на баттл?

Линкея увидела, что все крутящиеся вокруг бара парни и девушки столпились вокруг танцплощадки.

— Да, я хотела бы, — улыбнулась она.

Бармен взял ее за руку и потянул за собой. Они кое-как протиснулись вперед, где Линкея закрыла уши руками, потому что огромные динамики дребезжали от громкости. Посреди круга высокий чернокожий парень, оголенный до пояса, выполнял резкие и в некоторой степени даже опасные телодвижения. Когда он делал кувырки в прыжке, Линкея вздрагивала, боясь, что танцор сломает шею при приземлении. Но он вовремя по-кошачьи извивался, отчего публика неистово кричала. Постепенно Линкея привыкла к шуму, а от коктейля у нее приятно закружилась голова.

Отступив, танцор предоставил площадку Рейнольду. Тот задумчиво кивнул, снял бейсболку с рядом стоящего парня и двинулся вперед. Повертев бейсболку в руках, он резко крутанулся на месте и надел ее козырьком назад. Девушки завизжали:

— Давай, Рейнольд! Сделай его!

И он начал танцевать. Танцевать не так, как это делали на народных праздниках в Эйлинкеле, не говоря уже о королевских приемах и балах. Линкея быстро догадалась, что дэнс-баттл — это импровизация, потому что она не заметила ни одного повторяющегося движения. Раскованность и импульсивность была главным оружием Рейнольда. От вида его разгоряченного тела, порой двигающегося весьма неприлично, у Линкеи заплыли щеки.

Закончив, Рейнольд вновь дал право занять площадку сопернику. Он отошел в сторону, где к нему тут же приклеилась грудастая мулатка. А он, отыскав взглядом Линкею на другой стороне, нарочно обнял девушку и, склонившись к ее уху, что-то прошептал. Та заливисто рассмеялась. Линкея молча усмехнулась. Уж слишком банальным было желание Рейнольда вызвать ревность у Микаэлы, которая, похоже, его совсем не любила.

«Наивный», — подумала Линкея и, переведя взгляд на танцующего парня, принялась подбадривать его вместе с охмелевшей толпой. Хлопая в ладоши и крича, она ощущала прилив бешеной энергии, от которой тоже хотелось пуститься танцевать. Особой сложности в здешних диких танцах Линкея не видела. У нее молодое, податливое и стройное тело, а в крови с детства бурлил адреналин.

В центр снова вышел Рейнольд и в этот раз поразил Линкею мощным брейк-дансем. Толпа сходила с ума, но чернокожий не сдавался. Теперь оба соперника танцевали одновременно, и оба были хороши. Линкея обратила внимание, что майка прилипла к крепкому торсу Рейнольда, и закусила губу.

«Они были вместе полгода, и Микаэла ни разу не отдалась ему. У нее вообще есть мозги?» — поражалась Линкея, разглядывая соблазнительные рельефы на груди, животе и руках Рейнольда.

Он вытянул на площадку свою мулатку, и их парный танец повлек за собой всю толпу.

— Извини, Лен, — прошептала Линкея, — но я тоже обиделась.

Она схватила бармена за руку и потащила его на площадку. Тот в растерянности не сразу сообразил, что происходит. И только когда Линкея обвила его шею руками, ожил.

Двигать бедрами Линкее, безусловно понравилось. К счастью, здесь не требовалось соблюдать плавность и размеренность, как в вальсе, всегда нагоняющем на нее тоску и сонливость. Танец становился танцем именно благодаря энергичности, дерзости и безумию. Парни, взбалтывая шампанское, пеной выпускали его в толпу. За подобную выходку в Эйлинкеле всех участников осудили и отправили бы в темницу, а здесь все визжали от безудержного веселья.

Будто поддавшись гипнозу, Линкея забыла обо всем, пока спиной не столкнулась с Рейнольдом. Обернувшись, они на мгновение замерли. Линкея чуть улыбнулась и снова отвернулась. Но не успела она вернуться к своему компаньону, как руки Рейнольда обвили ее талию и развернули ее к себе.

В его карих глазах полыхал огонь. Линкея разбиралась в мужчинах. Она чувствовала его неукротимое желание, а мысль о том, что Рейнольд довольно долго воздерживался, туманила ее рассудок.

Брошенная мулатка насупилась.

«Еще одно глупое создание, — про себя рассмеялась Линкея. — Дурочка полагала, что

сумеет околдовать его легкодоступностью. Нет, милая. В отношениях с мужчинами надо быть кошкой, охотящейся на мышь, а не мышью-суицидницей, бросившейся в пасть кота».

Вплотную приблизившись к Рейнольду, она позволила ему крепче обнять ее и, глядя ему прямо в глаза, задвигалась в такт музыки. Он обжигал ее лицо своим сбившимся горячим дыханием, а его тело становилось все напряженней. Линкея заводила его, и это придавало ей уверенности.

Они отправились домой первыми. Провожая их к мотоциклу, бармен спросил:

— Почему так рано?

— Я обещал родителям Мик привезти ее до рассвета, — ответил Рейнольд, идя позади Линкеи. — Кстати, верни эту бейсболку. Правда, я не помню, у кого ее одолжил, — засмеялся он.

— Смотри, не попадись патрульным.

— Я выпил совсем немного. Мятная жвачка спасет.

Линкея заметила, что парни остановились, но сама пошла дальше. Взяв с мотоцикла шлем, она повернулась влоборота и расслышала вопрос бармена:

— Так кто она? У нее есть бойфренд? Или...

— Есть, — ответил Рейнольд. — Так что закатай губу. — Он пожал ему руку. — Спасибо, дружище. Было круто.

— Тебе позвонить в следующий раз?

Рейнольд выдержал недолгую паузу и ответил:

— Думаю, да.

Попрощавшись с другом, он подошел к Линкее и неуверенно спросил:

— Тебе понравилось?

— А разве не видно? — улыбнулась она, надевая шлем.

Помедлив, Рейнольд неоднозначно хмыкнул и, тоже надев шлем, сел на мотоцикл.

В Уотерлу они вернулись без происшествий. Рейнольд притормозил около дома Микаэлы и засмеялся, увидев, что в окнах миссис Смит зажегся свет:

— Наверное, ее курица проснулась.

Линкея вернула Рейнольду шлем.

— Спасибо. Мне правда понравилось.

Он сошел с мотоцикла и, отложив шлемы, внимательно посмотрел на Линкею.

— Ответь честно, это какая-то шутка? Ты ненавидела мои увлечения. Называла их дурацкими, а моих друзей деградированными. А сегодня тебе вдруг понравилось? И это после вчерашнего.

— Людям свойственно ошибаться, менять мнение, взрослеть, — произнесла она. — Это и делает каждого из нас уникальным. Но я помню, это ничего не меняет. Так что друзья.

Линкея знала, что Рейнольда изнутри прожигало желание взять свои слова обратно, а он боролся с ним из чувства задетого мужского достоинства.

— Спокойной ночи, Рейнольд, — улыбнулась она и, войдя во двор, направилась к дому.

Она намеренно шла не спеша, позволяя Рейнольду как можно дольше смотреть ей вслед. А на террасе Линкея обернулась и на прощание помахала ему рукой. Но даже задержавшись в холле, не услышала рева его мотоцикла.

— Несчастный. — Она покачала головой, в полумраке идя к лестнице.

Поднявшись на второй этаж, Линкея остановилась возле приоткрытой двери родительской комнаты. Тобиас спал, а Лилит, освещаемая светом ночника, сидела на кровати и перебирала коробку с письмами. Сначала Линкея хотела пройти мимо, но потом все же осмелилась заглянуть.

— Я вернулась, — шепотом сказала она.

Лилит подняла лицо и широко улыбнулась:

— Как все прошло?

— Отлично, — в ответ улыбнулась Линкея.

— Вы помирились?

Она пожала плечами и осторожно призналась:

— Я выпила немного спиртного. Два коктейля.

— Ладно. — Опешив от ее слов, Лилит кивнула. — Могла бы не говорить.

Да, Линкея могла бы об этом не говорить, но она всю жизнь мечтала о маме, с которой делилась бы всеми своими секретами. И ее огорчало, что Микаэла выстроила между собой и матерью такую непробиваемую стену.

— Завтра у меня выходной, — сказала Линкея. — Может, проведем его вместе?

— Мы? — удивилась Лилит, отставляя коробку. Она поднялась, запахнула халат и подошла к Линкее. — Ты еще пьяна?

— Нет. Просто соскучилась.

— О, милая! — Растрогавшись, она прижала ее к себе. — Я тоже соскучилась. И я рада бы провести с тобой завтрашний день, но я уже договорилась о встрече с детективом. Извини. — Лилит отстранилась и посмотрела ей в глаза. — Давай условимся, что в твой следующий выходной я отложу все свои дела. А завтра тебе составит компанию бабушка.

— Хорошо, — натянуто согласилась Линкея.

— Иди спать. Мне тоже нужно ложиться. Завтра у меня тяжелый день. Опять все с начала. Я так устала от этого хождения по кругу, но не могу остановиться. Лучше я умру с мыслью, что всю жизнь пыталась их найти, чем с мыслью, что ничего не сделала.

Ее слова ни о чем не говорили Линкее, но она не рискнула расспрашивать. Ведь для Лилит она — Микаэла, а та наверняка была в курсе странностей своей семейки.

— Ладно. — Линкея еще раз прижалась к Лилит и нехотя отпустила ее. — Спокойной ночи.

— И тебе, Мик.

«Да не Мик я!»

Войдя в комнату Микаэлы, Линкея нашла в комодке майку и шортики, взяла полотенце и отправилась в ванную. Помня, как утром бабушка открывала воду, она разобралась с краном и приняла душ. Но едва вернулась в комнату и залезла в постель, как на весь дом затрещали мобильник Микаэлы. Натянув одеяло до самого подбородка, Линкея смотрела на дверь и не знала, что делать. Телефон не умолкал, разбудив бабушку, которая и принесла его ей.

— Ты собираешься отвечать или нет? — заворчала она, сонно потирая глаза и протягивая ей телефон. — Да что с тобой? Это же Рейнольд! — Бабушка сама приняла вызов и сунула мобильник прямо к уху Линкеи.

— Привет, — взволнованно произнес Рейнольд на другой стороне. — Еще раз.

Линкея прижала телефон и улыбнулась:

— Привет.

Бабушка, сев рядом, прошептала:

— Поставь на громкую связь. Мне же интересно.

— Ты только что легла, — продолжил Рейнольд. — Я видел, как ты погасила свет.

— Ты до сих пор здесь? — Она была шокирована его терпением.

— Ага.

Линкея подскочила с кровати и метнулась к окну. Подняв створку, она села на

подоконник и посмотрела на стоявшего возле мотоцикла Рейнольда.

— Я не доживу до завтра, если не поговорю с тобой сейчас, — сказал он.

Линкея оглядела себя. В Эйлинкеле такой вид считался постыдным, но здесь она вполне могла позволить себе ходить так при родных и близких. Линкея посмотрела вниз. Комната Микаэлы находилась прямо над крышей крыльца-террасы. Улыбнувшись, она без промедления перекинула ноги через подоконник и спрыгнула. Бабушка высунулась из окна с причитанием:

— С ума сошла?! Куда раздетая?! Холодно!

Взяв с кресла плед, она подала его Линкее.

— Спасибо, — улыбнулась та и обратилась к Рейнольду: — Ну, иди сюда. Поговорим.

Убрав свой мобильник в карман куртки, он быстро пересек двор и поднялся к Линкее. Она расстелила плед, села и похлопала ладонью возле себя. Рейнольд виновато посмотрел на высунувшуюся из окна бабушку и сел.

— Извините, что побеспокоил.

— Да брось. — Она махнула рукой. — Только говорите громче, чтобы я слышала. А то боюсь, если я так же спрыгну, в крыше появится дыра.

Линкея и Рейнольд засмеялись. Конечно, бабушка пошутила. Она не стала подслушивать.

— О чем ты хотел поговорить? — спросила Линкея, когда та ушла.

— Ты другая, — сказал Рейнольд, глядя на нее. — Будто тебя подменили.

«Советник сейчас лишился бы сознания», — подумала она, вспомнив наказ Альтмара не привлекать к себе внимание.

— Тебе не нравится?

— Нет-нет, наоборот! Ты словно вылезла из панциря.

— О, Рейнольд! — вздохнула бабушка, опять выглянув из окна. — Красивее прозвучало бы, назови ты ее бабочкой, появившейся из куколки. — Она протянула им термос и кружку. — Держите чай. К рассвету холодает.

— Как мило, — улыбнулась Линкея. — Спасибо.

— Ну все, я пошла. Не шумите тут.

Рейнольд улыбнулся и посмотрел на двор.

— Я все задаюсь вопросом, зачем ты поехала со мной?

— Ты сам пригласил. Забыл? — Линкея отложила термос и кружку и поежилась. В маечке действительно становилось прохладно.

Заметив это, Рейнольд снял с себя куртку и заботливо накинул ее на девичьи плечи.

— Надо же, — улыбнулся он, взглядом пройдясь по ее оголенным ногам, — даже шрама не осталось. — Он кончиком пальца коснулся лодыжки Линкеи.

«Какого еще шрама?!» — мысленно запаниковала она.

Не дав ей возможности ответить, Рейнольд прильнул к ней и поцеловал в губы. Линкея не сопротивлялась, но его робость ее смутила.

«Настойчивее надо быть! Ты же мужчина!»

Она залезла к нему на колени и ответила на поцелуй.

— Что, не оттолкнешь? — прошептал Рейнольд ей в губы.

— А хочешь? — в ответ с улыбкой прошептала она.

Он обвил ее тонкую талию руками и продолжил поцелуй. У Линкеи снова закружилась голова. Она была готова поспорить, что Рейнольд целовался гораздо лучше Йена.

— Мик, — тяжело задышав, произнес он и посмотрел ей в глаза. — Давай еще раз попробуем?

Линкея усмехнулась:

— А если не получится, ты во всем обвинишь меня.

— Получится. Я уверен. В этот раз получится! Ты даже целуешься иначе. С чувством. С желанием. Забудем вчерашний вечер как недоразумение. Я не хочу терять такую тебя.

— Какую — такую? — вкрадчиво спросила она, пальцами глядя его волосы на затылке.

— Живую. Яркую. Горячую.

Линкея задумалась. Рейнольд приглянулся ей. Она с удовольствием провела бы с ним ближайший месяц, но что потом? Вернется Микаэла и вновь разобьет ему сердце. Линкее стало искренне жаль этого парня. Он заслуживал любви, а не предательства. Однако ненасытная принцесса не устояла перед его сексуальностью и сдалась.

— Я согласна, — улыбнулась Линкея и еще раз поцеловала Рейнольда. Теперь дольше, медленней, страстней.

Задыхаясь от возбуждения, он с трудом отпустил ее и произнес:

— Нам лучше остановиться. У меня уже проблема.

Линкея хихикнула, прекрасно чувствуя эту упругую «проблему».

— Я обещал Эктору помочь с одной тачкой. Клиент подгоняет. Обещаю, что приеду, как только освобожусь. Зато у тебя будет время выспаться.

— Мы снова куда-то поедem? — полюбопытствовала она.

— Да. Мисси просила сводить ее на аттракционы. Может, к нам присоединится Джаспер. Возьмем Айка. Пусть дети отдохнут, заодно и мы покатаемcя на каруселях.

«Кто такие Мисси и Джаспер? Что такое карусели?» — спрашивала саму себя Линкея, а в ответ лишь положительно кивала.

Рейнольд еще раз поцеловал ее, а потом помог ей подняться в комнату. Подав Линкее плед и термос с кружкой, он пожелал ей спокойной ночи и, развернувшись, чтобы спуститься с крыши.

— Рейнольд, постой! — Линкея сняла с себя его куртку и высунулась с ней из окна. — Надень. Замерзнешь.

— Мне сейчас не мешало бы охладиться, — засмеялся он, беря куртку.

Она улыбнулась и, сев на подоконник, долго наблюдала за тем, как Рейнольд выходит со двора, садится на мотоцикл и уезжает. Начинало светать, когда стих рев его мотоцикла. Линкея грустно посмотрела вниз и уловила едва заметное движение в стороне. Это соседка, выйдя во дворик с индейкой в обнимку, таращилась на дорогу. Со шпионской осторожностью оглядевшись, она подошла к заборчику и выпустила птицу в соседский двор.

— Давай, девочка, щипай цветочки, — тихо приговаривала она. — Кушай вдоволь, радость моя.

— Да-а-а, барышня, — протяжно вздохнула Линкея, — вам бы полечиться.

Спрыгнув с подоконника, она опустила фрамугу и залезла под одеяло. От ее майки все еще пахло мужским парфюмом и сигаретным дымом, отчего Линкея по-прежнему чувствовала Рейнольда рядом с собой. Мечтательно закрыв глаза, она улыбнулась и вскоре уснула.

Ценцария, Эйлинкель

— Лен вернулся? — Этот вопрос слетел с языка Микаэлы, как только Йен появился на пороге ее комнаты.

Лины, откланявшись, поспешили удалиться, а Йен дошел до открытых дверей террасы, где стояла Микаэла, и с сожалением ответил:

— Нет.

Она огорченно вздохнула и подошла к краю. Положив руки на перила, Микаэла взглянула на кипящий работой двор. Она проснулась с мыслью пообщаться с Леном, рассказать ему о том, что она не Линкея, и убедиться в недобросовестности Альтмара. А теперь Микаэлой овладело нехорошее предчувствие причастности придворного мага к исчезновению старшего племянника его величества короля Стефануса, но она не знала, как вывести Альтмара на чистую воду.

Йен встал рядом, и Микаэла, непроизвольно взглянув на него, подумала, что он здравомыслящий парень и надежный друг, которому можно довериться. Но она не могла предугадать его реакцию на ее признание. Йен во всем придерживался порядка. Узнав о подмене Линкеи и Микаэлы, он наверняка доложит об этом королю, чтобы отложить свадьбу принцессы до ее возвращения. Королевская семья не станет вдаваться в подробности объяснения переноса знаменательной даты перед приглашенными персонами, ведь все останется в силе. А Микаэле не придется играть роль невесты, ей лишь потребуется прожить здесь оставшиеся двадцать восемь дней.

Улыбнувшись этим плюсам, Микаэла вздохнула и заговорила:

— Йен...

В этот момент ее внимание привлекло какое-то движение над стеной, и она отвела взгляд от Йена. Разрезая воздух мощными крыльями, над двором закружил самый настоящий пегас!

— Господи Иисусе, — прошептала Микаэла, округлив глаза и окаменев в неподвижности.

Белоснежный крылатый конь с крепкими ногами, серебристой гривой и длинным хвостом весьма мягко и изящно для своей плотной комплекции приземлился во дворе замка и сложил сияющие крылья, прижав их к широким бокам. Это животное было вдвое крупнее обычного коня, но естественно, вызвало у Микаэлы шок вовсе не внушительной мышечной массой.

— Он... он... летающий, — с запинкой произнесла она.

— Ты словно пегасов никогда не видела, — засмеялся Йен.

Над стеной вспорхнуло еще три крылатых коня. Глядя, как они кружат над двором, Микаэла не сдержала возгласа восхищения:

— Вау!

Наконец взглянув на всадников, она обратила пристальное внимание на того, что был в черно-красном плаще, расшитом золотыми нитями, — того, кто первым прибыл в замок. Спрыгнув с пегаса, он погладил его гриву и заговорил с подбежавшими к нему инлугами.

Ворота распахнулись, и во двор чередой стали въезжать конные повозки и кареты. Микаэла заметила вышедшего к гостям короля. Остановившись на нижней ступени, он

пожал локоть важному гостю в черно-красном плаще, и тот чуть приподнял лицо. Их с Микаэлой взгляды пересеклись, и он тут же отвернулся.

— Ты видел?! — возмутилась она, толкнув Йена локтем в бок. — Видел, как вон тот в карнавальном костюме посмотрел на меня?! Как на прокаженную!

Улыбнувшись, Йен с шутливым укором взглянул на Микаэлу:

— Принц Аланнарвальд? Ты и его не узнала? Не проснулась еще?

«Так вот ты какой — принц с трудновыговариваемым именем! — щелкнуло в ее голове. — Надменный нахал, считающий, что ему все позволено!»

Перегнувшись через перила, Микаэла едва не выпала с террасы, следя, как принц Аланнарвальд входит в замок.

— Разодетое чучело, — пробубнила она, выпрямившись. — Конечно, я его не узнала. У него плащ наряднее моего платья. Я вообще сначала решила, что это королева.

Йен засмеялся, а Микаэла снова с детским восторгом засмотрелась на крылатых коней, пока король Стефанус встречал королевскую семью Халагрохильда.

Она всегда верила, что мифы и легенды возникли не с пустого места. А что, если древние греки не выдумали этого любимца муз; что, если кто-то из них побывал в Ценцарии и воочию видел пегасов! Если какой-то чокнутый авантюрист в балахоне, называющий себя придворным магом Эйлинкеля, сумел открыть межмировой портал, то почему бы не допустить, что древние истинные потомственные ведьмаки и алхимики тоже его открывали?!

Инлуги в сопровождении подданных короля Яруэля повели пегасов в стойла, а Йен подставил Микаэле свой локоть.

— Идем. Надо поздороваться перед завтраком.

Идея признаться ему в подмене спала, как пелена с глаз. Приняв руку Йена, Микаэла улыбнулась, и они отправились в приемный зал, где был накрыт торжественный стол по случаю приезда дорогих гостей. Всюду сновали инлуги, лины и повара. Король Стефанус стоял в окружении короля Яруэля, королевы Эллиады и их детей — принца и двух молоденьких принцесс.

— А вот и она! — улыбнулся король, когда Микаэла в сопровождении Йена вошла в зал.

Все взоры устремились в ее сторону, и единственное, о чем она тогда подумала: «Не поскользнуться бы в этих хрустальных туфельках!» Ее ноги горели огнем в неудобной обуви Линкеи, у которой размер ноги, судя по всему, был меньше, чем у Микаэлы. Один день она вытерпела, но второй давался труднее.

— Красавица! — Глаза королевы Эллиады заблестели то ли от слез радости, то ли от слез сожаления.

Ухоженная, довольно высокая, стройная женщина с русыми волосами, собранными в аккуратную прическу, пожалуй, наградила своей привлекательностью всех троих детей. От отца им достались разве что светлые глаза. Эллиада была воплощением женственности, примечательной с первого взгляда. От нее веяло теплом, материнством и мудростью, а этого ансамбля без доброты, как правило, не бывает.

Король Яруэль, напротив, не обладал выразительностью: немного выше своей супруги, с очевидным лишним весом, обвисшими щеками и глубокими морщинами, изрезавшими его лицо. От прозорливого глаза Микаэлы не ускользнула и очевидная большая разница в их возрасте.

— Здравствуйте! — поприветствовала их Микаэла. — Как добрались?

В зале повисла тишина. На мгновение даже замерли слуги. Король Стефанус, поперхнувшись, кашлянул и поторопился замять конфуз:

— Линкея очень волновалась на протяжении последних дней.

— Алан тоже. Правда, Алан? — с улыбкой обратилась к нему королева Эллиада. Сделав шаг в сторону, она дала Микаэле возможность разглядеть принца.

Йен, поклонившись королю Яруэлю, вежливо произнес:

— Мы рады приветствовать вас в Эйлинкеле.

Он по-джентльменски поцеловал руку королеве Эллиаде, кивком поздоровался с юными принцессами и принцем. Микаэла поняла, что тоже должна сделать какой-нибудь реверанс, вот только холодный взгляд Аланнарвальда отбивал у нее любое желание.

— Прежде чем мы сядем за стол, разрешите вручить вам подарок, — заявил король Стефанус, сглаживая шероховатости первой встречи.

Одна из лин поднесла Микаэле корзину с ее бальзамом.

— Ох, что это? — ахнула королева Эллиада.

— Линкея собственноручно приготовила потрясающий бальзам для полоскания рта.

— Д-да, — борясь с волнением, подтвердила Микаэла и, сделав шаг вперед, подала корзину королеве. — На основе мяты и... — Она заискивающе посмотрела на улыбающегося Йена, но не дождалась его поддержки. — В общем, берите. От меня. От принцессы Линкели из Эйлинкейля... Кхм... Простите, от принцессы Линкейли из Эйлинкейля... Ой...

Она пробежалась растерянным взглядом по лицам гостей. Одна бровь Аланнарвальда чуть приподнялась — издевательски, злорадно, торжествующе.

«Надеюсь, этот бальзам продерет тебя до самой задницы!» — в душе пожелала ему Микаэла, опять встав возле Йена и впившись в его локоть обеими руками.

— Не вижу вашего старшего племянника, ваше величество, — подметил Аланнарвальд.

Услышав его голос, Микаэла нашла его достаточно мужественным, хорошо поставленным и приятным для слуха. Вот только незадача — принц лицемерил.

— Лен отлучился по неотложным делам, — вполне правдоподобно соврал король Стефанус. — Прошу к столу! — Он жестом руки сопроводил свое приглашение.

Лины помогли гостям сесть и принялись их обслуживать. Микаэле досталось место напротив Аланнарвальда, а едва она привстала, чтобы пересесть, как получила негласное замечание короля. Ему было достаточно угрожающе взглянуть на нее, как ей пришлось усадить себя обратно. Тяжело вздохнув и мысленно помолившись не подавиться во время завтрака, она придвинулась к столу.

Сняв плащ, Аланнарвальд отдал его инлугам. На нем остался темно-бордовый камзол с множеством пуговиц, надетый поверх рубахи с длинным рукавом и воротником. Эта рубаха была такой же белоснежной, как и его зубы, обнажившиеся в легкой полуулыбке. А улыбнулся принц лине, предложившей ему закуску.

Микаэла окинула его задумчивым взглядом и пришла к неожиданному выводу, что именно такой муж нужен Линкее. Он быстро собьет спесь с ее ветреной натуры. Да и внешне они вполне гармонировали как пара.

— Как вкусно пахнет! — улыбнулась королева Эллиада, закупоривая один флакончик. — Отнесите корзину в наши покои, — велела она линам. — Это твое новое увлечение, Линкея? Ты больше не занимаешься охотой?

— Охотой? — переспросила Микаэла до того, как начала есть.

— Занимается, — вмешался Йен. — И по-прежнему лучше всех стреляет. Даже среди

шерлугов ей нет равных.

— Уверен, у нее просто еще не было достойного соперника, — произнес Аланнарвальд, беря приборы.

— Алан, — сделала ему замечание королева-мать.

— Что? Может быть, когда-то она и была лучшей, но я тоже все эти годы тренировался.

— Примешь еще один вызов? — лукаво обратился король Стефанус к Микаэлу.

«Э-э-э, полегче, королевские морды! Какой вызов?!» — запаниковала она так, что в горле моментально пересохло.

— Хорошая идея! — поддержал его Йен. — Линкея азартна. Обставила нашего придворного мага.

«Великого ума и сноровки требует умение заварить траву кипятком!» — мысленно фыркнула Микаэла, а вслух как можно тверже спросила:

— А из чего нужно стрелять? Из рогатки?

Короли и королева засмеялись. В зал вошел Альтмар и, поклонившись, сказал:

— Добро пожаловать в Эйлинкель, ваше величество король Яруэль, ваше величество королева Эллиада.

— Ты вовремя, Альтмар. Мы как раз рассказывали нашим гостям об успехах Линкеи, — сообщил ему король Стефанус. — Что скажешь, получится у нее победить принца Аланнарвальда в стрельбе из лука?

Маг побледнел, и его рот медленно открылся. Казалось, он напугался сильнее Микаэлы.

— Из лука? — усмехнулась она, не намереваясь радовать Альтмара своими промахами. — Всего-то! У меня десять из десяти попаданий!

— Да неужели? — лениво жуя, спросил Аланнарвальд.

— Не верите, ваше высочество? — Микаэла покрутила в руке столовый нож. — Как вас там? Алан вроде покороче, да? За ужином вы будете рассказывать всем о своем поражении и моей победе.

«Заткнись, дура!» — ругала она саму себя, но не могла остановиться. Альтмар словно был катализатором ее смелости.

— Моя принцесса, — осипшим голосом прохрипел маг.

— Что?! — буквально рявкнула Микаэла, властно взглянув на него.

— Ничего, — пискнул он. — Ваш бальзам восхитителен.

— Благодарю. — Она кивнула, фальшиво улыбнувшись. — Приглашаю вас на состязание по стрельбе. Надеюсь, вы порадуете нас своим присутствием на зрительской площадке, советник.

— О, это будет интересно, — предчувствуя яркое мероприятие, предсказал Йен.

Микаэла еще раз взглянула на озадачившегося Аланнарвальда и, поблагодарив лину за положенный ей салат, принялась есть.

Тревожась из-за неосознанно принятого вызова, она ограничилась этим самым салатом, соком и пирогом с сугрой, который ей не удалось попробовать вчера.

Гости после завтрака разошлись по своим покоям, чтобы помыться, отдохнуть и переодеться, а Микаэла вышла во двор, рассчитывая успокоиться на свежем воздухе. Теребя ткань платья, она расхаживала из стороны в сторону, привлекая к себе внимание прислуги. Лины, инлуги и шерлуги поочередно интересовались, нужно ли что-нибудь ее высочеству. Устав отрицательно мотать головой и обманывать их, говоря, что все прекрасно, она вдруг выдала:

— Да, от пинты вискаря я бы не отказалась!

Слуги недоуменно переглянулись. Микаэла отмахнулась от них и отправилась в сад, где ее точно никто не должен побеспокоить. Цветы едва набрали бутоны, а трава местами еще крючковалась, вылезая из влажной почвы. Сев на качели, установленные среди плодовых деревьев, Микаэла качнулась и рукой повисла на одном канате.

— Откажитесь от состязания, ваше высочество. — Шипящий голос Альтмара прополз морозом по ее позвоночнику. Маг обошел Микаэлу и встал перед ней. — Проиграете же.

— Раньше надо было думать, когда ты менял нас с Линкеей местами, — огрызнулась она.

Альтмар с опаской огляделся. Его боязнь разоблачения все сильнее забавляла Микаэлу.

— Это не шутки, — грозно прошептал он. — Принцесса метко стреляет.

— Так наколдуй мне меткости!

— Это не так просто.

— У тебя все не просто. — Микаэла закатила глаза. — Ты только косячишь по щелчку пальцев.

— Скажите, что вам некогда.

— Потому что я не хочу стрелялок, а хочу качелек?

Альтмар начал злиться:

— Вызовите швей, чтобы они перешили какие-нибудь камни на платье к завтрашнему балу. Подготовка к столь важному событию — веская причина отменить или хотя бы отложить это глупое соревнование.

— Я и не знала, что к балу приготовлено какое-то особенное платье. Наверняка еще пышнее и тяжелее повседневных. Вашим женщинам надо памятники при жизни воздвигать. — Задрав ногу, она с мольбой взглянула на Альтмара: — Снимите, пожалуйста, туфли. Они мне малы.

Нахмурившись, маг все-таки переступил через гордость и стянул с ноги Микаэлы туфлю, а потом проделал то же самое со второй.

— Ка-а-айф... — улыбнулась она, закрыв глаза от удовольствия. — Помассируете?

Альтмар поперхнулся воздухом.

— Хотя нет. — Микаэла поморщилась. — У вас ледяные пальцы. Ими только лимонад в жару остужать.

Коснувшись босыми ногами молодой травы, она снова качнулась.

— А почему в Эйлинкеле нет пегасов?

— Это то, что сейчас интересует вас больше всего? — поразился маг.

— В нашем мире нет пегасов, — ответила Микаэла. — Так что да — меня это интересует.

— Пегасы крайне тяжеловесные животные. В перелетах им важна частая передышка с приземлением. Они не птицы, чтобы опускаться на ветви деревьев. Испокон веков их вид не водился в здешних землях, потому что ему трудно выживать в густых лесах. Другое дело Халагрохильд — долины полей и равнин.

— Классно. Пегас покруче байка. Хотелось бы мне, вернувшись в Уотерлу, рассказать Джоанне, что я видела и летала на настоящем пегасе, — замечталась Микаэла.

— Быть наездником пегаса не так-то просто...

— У тебя заело, что ли? Куда не плюнь, все не просто! Только от Лена было легко избавиться, да? Признайся уже, что имеешь отношение к его исчезновению. Отправил его в Уотерлу вместе с Линкеей, так? Или они сбежали по собственной инициативе? Принц-то весьма строг, не позволит жене наставлять ему рога.

Глаза Альтмара вспыхнули, а его мантия заколыхалась, словно он зашарил под ней рукой.

— Боюсь представить, что ты там делаешь, — с подозрением насторожившись, пробубнила Микаэла.

Маг вынул из-под мантии флакончик и, протянув его, сказал:

— Достаточно пары капель этой микстуры, и у вас повысится потливость, ваше высочество. Все сочтут ее за недомогание, легкую простуду. А к ночи организм восстановится. Выпейте ее, и принц Аланнарвальд лично отменит состязание. Воспитание не позволит ему соревноваться с больной дамой.

Микаэла поджала губы, кивнула и, сойдя с качелей, двинулась на Альтмара.

— Слушай меня внимательно, ходячая энциклопедия по зоологии Ценцарии, и запоминай. Если твоя внутренняя память заполнена, а внешний носитель ты забыл в своей коптильне, то советую записать в блокнотик то, что я тебе сейчас скажу.

Маг попятился, а Микаэла все наступала и наступала, сверля его далеко не дружелюбным взглядом.

— С тебя такой же кукловод, как с меня марионетка. — Она выхватила у него флакончик. — Меня ломали, и не раз. Не сломали. Ты можешь кряхтеть, пыхтеть, силиться, хоть головой об стену биться, но ты не подчинишь меня. Поэтому возьми это дивное зелье, добавь пару его капель себе в чай и пропотей уже как следует. Может, с потом не только зараза, но и весь хлам из башки выйдет.

Возникший в саду Йен разинул рот, увидев, как Альтмар спиной приклеился к стволу дерева, а Микаэла совала ему в нос флакончик с микстурой. Осторожно взяв его обратно, маг кашлянул и ответил:

— Извините, ваше высочество.

Заметив Йена, Микаэла понизила голос.

— А про Лена ты так ничего и не сказал, — коварно улыбнувшись, она придиричиво оглядела Альтмара. — Узнаю, что ты причастен к его исчезновению... — тут Микаэла прикусила язык, опомнившись, что разговаривает с каким-никаким, но магом! — Пусть это останется интригой.

Он спрятал флакончик под мантией и, покосившись на Микаэлу, процедил:

— Надеюсь, наш уговор о свадьбе в силе.

— Йе-ен! — весело воскликнула она, отойдя от Альтмара. — Представляешь, советник тоже сделал вполне пригодный бальзам, лишь слегка перестарался с одним ингредиентом. Вот, поделилась с ним секретом.

— А-а-а, — протянул Йен, изображая доверие. — Вас просит его величество для обсуждения некоторых деталей предстоящих мероприятий.

— Как жаль, что вы не поддержите меня на состязании, — наигранно погрузилась Микаэла. — Но служба важнее, верно?

— Да, ваше высочество, верно, — напряженно ответил Альтмар.

— Вы ведь очень любите Эйлинкель? На все готовы пойти ради его благополучия?

— Да, ваше высочество, — сопя от злости, повторил маг.

— Даже в отставку, если это потребуют обстоятельства?

На лице Альтмара заиграли желваки, он посмотрел на Йена и молча кивнул.

— Простите, ваше высочество. С вашего позволения я пойду.

— Ага, шагайте, — улыбнулась Микаэла и проводила его оценивающим взглядом.

Как только Альтмар покинул сад, Йен усмехнулся:

— Почему ты босая?

— Попробуй прогуляться в этих туфлях, поймешь. — Микаэла опять села на качели.

Йен обошел ее и, встав позади, слегка качнул.

— Решила, где пройдет состязание? Отправитесь на охоту или постреляете по мишеням?

— А что ты предложишь?

— Не советую охотиться без Лена. Он разозлится. Без гончих охота — не охота. А брать их без его позволения чревато ссорой. Я распорядился, чтобы шерлуги подготовили арену. Согласна?

— Угу. Пусть сразу и боксерские перчатки приготовят. Я же всего лишь принцесса. Я просто обязана быть мужиком.

— Почему ты такая раздраженная? — улыбнулся Йен, покачивая ее. — Не прошло и трех дней, как ты вернулась с удачной охоты. Боишься, что Аланнарвальд стал стрелять лучше?

Микаэла почувствовала себя отъявленной мошенницей за то, что обманывала Йена. В нем она нашла такого младшего брата, какого всегда хотела видеть в Айке. Сама судьба наградила ее долгожданным подарком, а она слишком жестоко использовала Йена в личных целях, за что мучилась угрызениями совести.

— Спасибо, Йен, — произнесла Микаэла, остановив качели, и, встав, обернулась. — Не знаю, что бы я без тебя делала.

— Умирала бы от скуки в компании Лена, не способного элементарно улыбаться.

Протянув вперед руки, Микаэла подозвала Йена. Оказавшись в его объятиях, она ощутила не только осязаемую, но и невидимую поддержку. Йен был из тех, кто принимает родных и близких такими, какие они есть. А Микаэла всю свою сознательную жизнь мечтала о таком человеке рядом. С которым можно не только посмеяться и поплакать, но и просто помолчать, понимая друг друга без слов.

— Ладно, идем посмотрим на арену, — сказала она и, отстранившись от Йена, подобрала туфли.

Шерлуги соорудили десяток деревянных макетов животных на столбах и расставили их в хаотичном порядке на пустом поле за стеной замка. В стороне установили два стола — один для угощений, другой для оружия и снарядов, представленных в виде луков и стрел. Кроме шерлугов, рассредоточившихся по периметру, на поле вышли лины и инлуги, поэтому зрителей было больше, чем хотелось бы Микаэлу.

Сев на скамейку и взяв в рот виноградку, она взглянула на Йена и сказала:

— Давай я тут попасусь, а вы с принцем Аланом поиграете в «войнушки»?

Он посмотрел куда-то сквозь Микаэлу и, улыбнувшись, ответил:

— Не думаю, что твой оппонент потерпит замену соперника.

Она обернулась. К ним подошел принц Аланнарвальд. Оглядев Микаэлу, он чуть смутился:

— Вы будете состязаться в платье и без обуви, ваше высочество?

— А вы тоже будете состязаться в платье, ваше высочество? — парировала Микаэла, намекая на чрезмерную отделку камзола принца. — Если снимите сапоги, будем на равных.

Йен сделал вид, будто отвлекся на выбор напитка, а принц, вежливо улыбнувшись, сел рядом с Микаэлой и все-таки стянул с ног добротные кожаные сапоги.

— Это чтобы потом вы не говорили, что в вашем поражении виновата моя обувь, — сказал он и, встав, направился к столу с оружием.

Микаэла отняла у Йена поданный ему линой бокал и отпила половину сока, так и не взбодрившего ее. Поднявшись, она поправила юбки платья и, вздохнув, окинула Йена прощальным взглядом.

Он улыбнулся:

— Все хорошо. Ты наверняка зря нервничаешь.

— Да, ты прав. Мишени крупные. Так что пульнуть в них из лука — ерунда.

Засмеявшись, Йен допил сок, оставил бокал и, взяв Микаэлу за руку, потянул ее к Аланнарвальду. Тот уже выбирал себе лук и стрелы, проверяя и пробуя их чуть ли не на вкус.

— Значит, до десяти? — с лукавым прищуром спросил он, поглядывая на растерявшуюся Микаэлу.

Она взяла в руки первый попавшийся лук и услышала очередной вопрос принца:

— Композитный? Вы уверены, ваше высочество, что клей не потерял свою стойкость?

— Вы в землях охотников, ваше высочество, — вмешался Йен. — Здесь умеют не только обращаться, но и ухаживать за оружием. Линкея знает, что делает.

«Конечно! Я же еще тот блистательный Робин Гуд! — жалея себя, подумала Микаэла. — Сейчас как блесну, ослепните!»

Менять лук она не стала, поверив словам Йена. Впрочем, ей все равно не светила победа. Микаэла даже дротики в дартс метала мимо, а о стрельбе из лука можно было и вовсе не заикаться. Она выбирала оружие не по строению, а по размеру. Лук длиной в ее рост заблаговременно поставил бы крест на единственной сотой доле процента хотя бы на одно попадание.

Взяв колчан со стрелами, она поплелась вслед за Аланнарвальдом. Ему помогал один из шерлугов, а ей — Йен.

— Предоставляю вам право открыть состязание, — любезно сказал принц.

— Я буду гостеприимной, — ответила Микаэла. — Так что прошу вас.

— Это не по-мужски.

«А вызывать девушку на дуэль по-мужски!»

Она подала колчан Йену, вынула из него одну стрелу и обомлела от ее длины. Судорожно сглотнув, Микаэла осмотрелась. До ближайшего макета крупного оленя было ярдов шестнадцать-семнадцать. Успокоив себя мыслью, что стрела с легкостью пролетит это расстояние и вонзится хотя бы в область брюха, Микаэла подняла лук тетивой вперед. Приложив к ней стрелу, она поняла, что держит оружие неправильно. Уголок губ Аланнарвальда сдвинулся.

— Она у нас шутница, — произнес Йен, не давая принцу возможности посмеяться.

Микаэла хохотнула и повернула лук в правильное положение. Уперев хвостовик стрелы в тетиву, она начала натягивать ее, но не удержала лук, и он буквально отпрыгнул от нее.

— Вы всегда начинаете стрельбу с церемоний? — усмехнулся Аланнарвальд.

Шерлуг поднял лук и подал его Микаэле. Осознав, что для натягивания тетивы нужно немало силы, она поглубже вздохнула и попробовала еще раз. Кое-как дотянув до половины, Микаэла прицелилась и выстрелила. Стрела вонзилась в землю в каких-то двенадцати футах от нее.

— Десять из десяти? — уточнил Аланнарвальд, вставая рядом с Микаэлой.

Резко подняв лук, он выстрелил, совсем не глядя на мишень. Стрела пробила голову оленя.

— Линкея поддалась, — вступился за нее Йен.

Микаэла развернулась, схватила его за руку и оттащила в сторону.

— Йен, я не умею стрелять, — прошипела она. — На охоте стреляли шерлуги, а я лишь выдавала их добычу за свою, — сказала она первое, что пришло на ум.

— Я поверил бы тебе, если бы не бывал с тобой на охоте, — улыбнулся он. — Просто успокойся. Тебя сбивает чванство Аланнарвальда. Не зацкливайся на нем. Есть ты и мишень.

— Сдаетесь, ваше высочество? — любопытствовал принц.

— Черта с два! — рывкнула Микаэла, взяла вторую стрелу и вернулась на место.

Опять с трудом натянув тетиву до середины, она выстрелила, и в этот раз стрела вонзилась в землю еще ближе.

— Таким темпом десятую вы выпустите себе в ногу, ваше высочество, — съязвил Аланнарвальд и своим вторым выстрелом попал в макет кабана.

Стиснув зубы, Микаэла взяла третью стрелу. Натянуть тетиву удалось сильнее, но выстрел снова был впустую, а Аланнарвальд сбил макет зайца.

Когда Микаэла взяла четвертую стрелу, принц не удержался и, приблизившись к ней, положил свою ладонь на ее выпячивающийся в сторону локоть.

— Для начала нужно опустить лук к земле, — порекомендовал он. — Вот так. Теперь приложите зарубку хвостовика к гнезду тетивы. Указательный палец должен быть на стреле, а средний и безымянный под ней. Поднимите лук и держите его вертикально. Руки расположите параллельно земле. Расслабьтесь, ваше высочество, — улыбнулся Аланнарвальд, явно почувствовав, что Микаэла напряглась камнем. — Работайте мышцей плеча, а не руки.

Она уловила его головокружительный мужественный запах, смешанный с древесными и пряными оттенками натурального парфюма. В этом запахе она ощутила всю силу и характер

его владельца. Разволновавшись от прикосновений принца, Микаэла перестала дышать. Он шагнул назад, и она поспешила выстрелить, даже не прицеливаясь. Стрела пролетела намного дальше, но опять мимо.

— Уже лучше. Потренируемся еще? — спросил Аланнарвальд, тоже выстрелив и уничтожив макет утки.

У Микаэлы загорелись щеки. Опустив лицо, она улыбнулась и тихо ответила:

— Почему бы и нет?

Принц отдал свой лук шерлугу, взял у Йена пятую стрелу и подошел к Микаэле со спины. Накрыв ее собой, он приложил свои руки к ее рукам и произнес над самым ее ухом:

— Следите за моими движениями.

У Микаэлы затрепетало сердце. Ее еще никогда так не волновали мужчины! Дыша через раз, она пыталась сосредоточиться на наставлениях Аланнарвальда, но ничего не получалось. У нее мурашки бежали по телу от его тепла, дыхания, скользящего по ее виску, уху и щеке, от горячих рук, касающихся ее кожи.

Состязание перетекло в урок по стрельбе, завершившийся первым попаданием Микаэлы. Попала она не в мишень, а в дерево, но даже эта мелочь вызвала у нее победный визг.

— Ух ты! Йен, ты видел?! Я попала!

Йен и придворные шерлуги переглянулись, после чего он задумчиво покивал.

— Надо же, — охваченная эйфорией, продолжала радоваться Микаэла, глядя на стрелу, торчащую в стволе дерева. — Я попала... Попала...

— С вами опасно иметь дело, — улыбнулся Аланнарвальд, беря у подошедшей лины воду.

В тоне его голоса не было самодовольства, принц не тешил себя превосходством в умении метко стрелять. Напротив, он заискрил позитивом. Ведь на помощь он вызвался без злого умысла и ехидства.

— Поверьте, это еще цветочки, — ответила Микаэла, и они оба рассмеялись.

Йен, сочтя себя третьим лишним, бесшумно удалился, но его старания оставить кухню с ее навязанным женихом наедине были напрасными. Принц Аланнарвальд не задержался на поле. Попив воды и поблагодарив Микаэлу за приятный досуг, он надел сапоги и вернулся в замок.

Микаэла покинула поле чуть позже, а столкнувшись с Йеном в коридоре второго этажа замка, спросила:

— Почему ты ушел, ничего не сказав?

— Я решил, что вам нужно пообщаться, — улыбнулся он. — Извини, я спешу.

Отчасти обидевшись на него, Микаэла предположила, что Йен приревновал. Проскочив мимо нее, он спустился, даже не пообещав заглянуть к ней позже.

Умывшись и вымыв ноги, оставшийся день Микаэла провела за примеркой платья к предстоящему балу. Невероятно тяжелое и слишком кричащее за счет многообразия камней и узоров, оно сразу не понравилось Микаэле. Вызвав швей, она приказала облегчить и упростить его вид. А едва работа по перешивке завершилась, как настало время ужина. Довольно улыбнувшись, глядя на платье, Микаэла похвалила швей и, надев туфли посвободней, спустилась в столовую, где все ждали только ее.

— Извините, — на ходу бросила она и подошла к стулу по правую руку от короля.

Он взглядом дал ей понять, что для нее опять предназначается место напротив принца.

— Линкея, твой бальзам бесподобен! — похвалила ее королева Эллиада, когда Микаэла сажалась за стол.

— Рада, что он вам понравился, — улыбнулась она, избегая взгляда принца.

— А как прошло состязание? — с нетерпением поинтересовался король Яруэль.

— Замечательно, — ответил Аланнарвальд. — Жаль, что вы не видели моего фиаско.

Микаэла подняла лицо и, посмотрев на принца, замерла.

— Линкея действительно стреляет лучше меня, — продолжил он. — Не десять из десяти, конечно, как она изначально заявила, но девять попаданий — это рекорд по сравнению с одним моим. Причем моя стрела угодила в дерево, а не в мишень.

Король Стефанус улыбнулся:

— Я знал, что моя Линкея лучшая в стрельбе!

— Самая лучшая! — подтвердил Аланнарвальд, взглянув Микаэле в глаза. — Беру свои слова назад, ваше высочество. В меткости вам нет равных. Верно, Йен?

— Да, Линкея была на высоте, — с улыбкой поддержал его младший племянник короля.

— Благодарю, — вымолвила Микаэла. — Я уверена, что в чем-то вы точно превзойдете меня. Например, в управлении пегасом. Я слышала, что трудно стать их наездником. Так что полеты мне могут только сниться.

— Почему же? Мой пегас уже отдохнул. Мы могли бы полетать после ужина.

— Seriously? — выдохнула Микаэла. — А вы очень голодны? Я — нет!

— Линкея, — сделал ей замечание отец.

— Нет-нет, выше величество. Все в порядке, — ответил Аланнарвальд, вставая из-за стола. — Я не голоден. Поэтому с вашего позволения услужу ее высочеству принцессе Линкее.

— Ну хорошо. — Король Стефанус сдался.

— Только следи за расстоянием, Алан, — обеспокоилась королева-мать. — Здесь всюду леса. В темноте пегас может не найти место для передышки.

Он кивнул ей и снова посмотрел на Микаэлу. Буквально подпрыгнув со стула, она приподняла юбки платья и спешно обошла стол. С трудом сдерживая визг радости, положила ладонь на согнутую руку Аланнарвальда и направилась вместе с ним к дверям.

Королевские конюшни имели круглую форму — наиболее практичную для крупного конновладельца. В самом центре располагался наполненный водой бассейн, вокруг которого извивался двусторонний манеж для прогулок животных в ненастную погоду, а также для выгула больных лошадей. Стойла и денники, вмещающие в себе до сорока голов, в четырех углах перемежались отделениями для сбруй, седел, рабочего инвентаря и кормовыми амбарами. В конюшне было два парадных входа и один запасной, чаще используемый как служебный для придворных конюхов, инлугов и шерлугов.

Вчера, когда Микаэла впервые побывала здесь, она не сосредотачивалась на обстановке. Ее жутко пугала вероятность езды на абе Линкеи, и меньше всего хотелось оказаться разоблаченной. Теперь же Микаэла ничего не боялась, а в принце Аланнарвальде видела не только дружескую поддержку, как в Йене, но и мужскую надежность. Все-таки принц был старше, решительнее, терпеливее.

Войдя в освещаемые горящими факелами конюшни, Микаэла ощутила запах сена и лошадей — теплый и совсем не отталкивающий. Идя вслед за Аланнарвальдом к центральному деннику, где гостеприимно приютили пегасов Халагрохильда, она обратила внимание, что бассейн соединен с крышей водосточными трубами.

«Хитро», — подумалось Микаэле, и она поняла, что в этих конюшнях ей комфортней и интересней, чем в мастерской Рейнольда, представляющей собой беспорядочный склад жестянок, наводящий ее на вечный вопрос, как Рейнольд и его брат Эктор разбираются в этом бардаке?!

— Я принесу упряжь, ваше высочество. — Сопровождающий Аланнарвальда и Микаэлу главный конюх сделал поклон и свернул влево.

— Как вам мой красавец, ваше высочество? — улыбнулся принц, подойдя к деннику с возвышающимся над перегородкой пегасом.

— Они светятся! — поразила Микаэла, увидев, что грива всех пегасов мерцает.

— В темноте еще ярче. Сами скоро убедитесь. — Аланнарвальд зачерпнул из стоящего рядом ведра горсть сугры и протянул пегасу.

— Как его зовут? — поинтересовалась Микаэла, с улыбкой наблюдая за тем, как принц кормит крылатого коня, до сегодняшнего дня являвшегося для нее не более, чем мифическим персонажем.

— Афес.

— Он прекрасен.

Пегас, будто догадавшись, что речь о нем, закивал головой, а его большие голубые глаза, обрамленные густыми темно-синими ресницами, заблестели.

— Спасибо, ваше высочество, — сменила Микаэла тему, вновь посмотрев на Аланнарвальда. — Отец уверен, что я метко стреляю. Он расстроился бы, узнав, что...

— ...что вы обманывали его? — договорил принц. — Пустяки. Любой на моем месте поступил бы так же.

Подошедший к ним конюх помог Аланнарвальду вывести Афеса из стойла и снарядить упряжью.

— А седло? — уточнила Микаэла, когда его повели к выходу.

— У пегасов широкая спина и мощные крылья. Они не нуждаются в седлах, — ответил

принц.

От необычайного волнения у Микаэлы закололо подушечки пальцев. Покусывая нижнюю губу, она вышла во двор, где Аланнарвальд на мгновение замер и осмотрелся. Развернув пегаса головой в сторону пустой площадки, он взглянул на Микаэлу.

— Вы готовы, ваше высочество?

— Я? Не знаю. Но мне очень хочется полетать, — чистосердечно призналась она.

Аланнарвальд передал поводья конюху и протянул Микаэле руку. Поглубже вздохнув, она вложила свои пальцы в его горячую ладонь. Крылатый конь, согнув передние ноги, встал на колени и выпрямил одно крыло. Мерцающие серебром перья заискрились в полумраке наступающей ночи. Ахнув, Микаэла не успела опомниться, как была подхвачена крепкими мужскими руками и усажена на спину пегаса. Аланнарвальд аккуратно обхватил ее тонкие ноги над ступнями и показал зазор между широкими серебрящимися перьями:

— Опустите ноги сюда, ваше высочество. Не бойтесь, перья мягкие.

На ощупь они действительно оказались шелковистыми, как пух, и теплыми, как парное молоко.

Аланнарвальд поднялся на пегаса и уместился позади Микаэлы. В отличие от нее, он сел по-ковбойски, ногами врозь. Животное встало на все четыре ноги и расправило оба крыла. Микаэла пошатнулась, но ее спина плотно прижималась к твердой груди принца, что гарантировало ей безопасность. Аланнарвальд запустил свои руки вперед на уровне талии Микаэлы, и от смущения у нее участилось дыхание. Конюх подал принцу поводья, и Аланнарвальд любезно сказал прямо над самым ухом Микаэлы:

— Вы можете держаться за ремни или за мои руки, ваше высочество. Как вам будет угодно.

Она молча покивала, стесняясь даже пискнуть, и вцепилась в поводья. Пегас подпрыгнул, выгнулся и попятился назад.

— Не так резко, ваше высочество, — засмеялся принц. — Тише-тише, Афес.

— Извините, — пробормотала Микаэла, убрав руки от ремней.

Аланнарвальд слегка потянул на себя поводья, и пегас пошел вперед. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее и, наконец, подпрыгнув, взмахнул крыльями. От накатившего страха перед высотой и полетом Микаэла рефлекторно развернулась и уткнулась в грудь принца. Он опять засмеялся и сказал:

— Так вы пропустите самое интересное, ваше высочество.

Она нехотя отодвинулась от Аланнарвальда, но, не выпуская ткань его камзола из своих кулаков, подняла лицо. Принца освещало лишь сияние, исходящее от гривы и крыльев Афеса, однако его хватало, чтобы увидеть упоение в очаровательных мужских чертах. Глаза Аланнарвальда блестели воодушевлением, а легкая улыбка словно играючи касалась его губ.

В чувство Микаэлу привел встречный ветер — холодный и порывистый. Поежившись, она повернулась вперед и, ладонями скользнув по рукам принца, схватилась за его запястья.

Пегас набирал высоту, и дышать становилось все труднее, а ветер пронизывал до самых костей.

— Как же я не подумал, — опомнился Аланнарвальд и передал поводья Микаэле. — Придержите, ваше высочество. Только не тяните.

— Что? — испугалась она. — Я... Я...

Но принц уже насильно всунул ремни в ее руки и закопошился за ее спиной. Не прошло и минуты, как на плечи Микаэлы был накинута теплая камзол.

— А как же вы? — встревожилась она, когда принц забрал поводья назад.

— Не говорите глупостей, ваше высочество, — улыбнулся он. — Вы считаете, что я настолько плохо воспитан, что буду довольствоваться теплом в то время, когда рядом со мной замерзает дама? Тем более моя вина. Все произошло слишком быстро, и я не позаботился о вашем комфорте.

«Боже, — раскрасневшись от слов Аланнарвальда, подумала Микаэла, — я вытащила его на эту сумасбродную ночную прогулку, а он еще и извиняется! Как же он галантен! Ну почему такие мужчины достаются всяким линкеям?!»

— Я лишила вас ужина, — проговорила Микаэла. — Так что я тоже перед вами виновата.

— Пожалуй, нам придется простить друг друга, — ответил принц. — Позже. За чашкой чая у камина, когда вернемся. Что скажете?

— Это приглашение на ужин?

— Оно самое.

— Я просто не могу отказать после того, как вы показали мне это! — Микаэла восхищенно посмотрела вдаль — туда, где темные верхушки деревьев сливались со звездным небом, ковром распростершемся над ними.

— Днем красивее ландшафты, но только ночью видно, насколько ярко светятся пегасы, — произнес Аланнарвальд. — Афес родился слабым. Отец хотел избавиться от него. Не умертвить, конечно, а выпустить на свободу, считая, что в королевском дворе не должно быть хилых животных. Я запротестовал, пообещав сделать из него лучшего пегаса Халагрохильда.

— Вы сдержали обещание, — заметила Микаэла.

— Да. Сейчас, двенадцать лет спустя, Афес лучший пегас нашего королевства. Мы с ним очень привязаны друг к другу. Мне даже пришлось забирать его с собой на границу, когда я служил в рыцарских войсках.

«Блин, он еще и здешнюю армию прошел!» — с каждым новым откровением Микаэла все сильнее завидовала Линкее.

Аланнарвальд потянул вправо и повернул пегаса. Среди деревьев показались огни — кое-где одиночные, а где-то сгруппированные.

— Что это?! — ослепленная великолепием полета, спросила Микаэла.

— Не узнали родное королевство, ваше высочество? Это Эйлинкель.

— Я не каждый день вижу его с высоты птичьего полета, — оправдалась она.

Они сделали несколько кругов над городом, но в темноте Микаэла почти ничего не разглядела. Вдали тоже мелькали огни, указывающие на поселения — мелкие и побольше. Однако пегас начал тяжело дышать, и принц с заметной неохотой сообщил:

— Нам пора возвращаться. Скоро Афесу потребуется передышка.

— Хорошо, — грустно вздохнула Микаэла, не желая так скоро возвращаться. Будь ее воля, она остановила бы время.

Вернувшись в замок, Аланнарвальд спрыгнул с Афеса и помог спуститься Микаэле, вновь подхватив ее на руки. Поставив ее перед собой, принц улыбнулся:

— Вы довольны, ваше высочество?

— Еще бы! Несомненно! — радостно ответила она.

Он отошел от нее и, погладив сбивчиво дышащего пегаса по шее и морде, сказал:

— Ты молодец, Афес! Напоите его перед сном, — попросил он конюха, и тот, учтиво поклонившись, повел животное в конюшни.

К Микаэле подбежали лины. Одна принесла шубку Линкеи, а другая поинтересовалась, не нужно ли что-то ее и его высочеству. Микаэла распорядилась, чтобы в малой гостиной разожгли камин и приготовили чай с угощениями.

— Ваш жилет. — Микаэла хотела было снять с себя камзол, но Аланнарвальд задержал ее руку.

— Не нужно. Он вам идет.

— Надеюсь, это комплимент, — засмеялась Микаэла.

Вскоре они умылись и расположились на диване перед камином. Лины принесли чай, вазы со сладкой выпечкой и запеченными яблоками и несколько книг. Микаэла отпустила их и сама налила чай принцу. Подав ему чашку, она заметила, что Аланнарвальд внимательно наблюдает за ней, и озадачилась вопросом, как давно это началось.

— Вас словно подменили, — вдруг произнес он.

— Почему вам так кажется? — занервничала Микаэла.

— Вы изменились за те шесть лет, что мы не виделись.

— Шесть лет долгий срок. Я выросла, повзрослела. — Она налила себе чай и поспешила отпить глоток. — Вы тоже стали другим.

Аланнарвальд тоже сделал глоток и, оставив чашку на столик, спросил:

— А каким я был в ваших глазах?

«Да откуда же мне знать?! Я с тобой сегодня утром познакомилась!»

— Юный, неуверенный, замкнутый, — пролепетала она первое, что пришло в голову. — Может, почитаем? — Микаэла взяла одну книгу.

— А сейчас какой?

«Не будем ходить вокруг да около, скажем скромно — мужчина моей мечты!»

Микаэла окинула Аланнарвальда робким взглядом и, покраснев, не смогла вымолвить ни слова. Он улыбнулся. Вопреки чаю, смочившему горло, у Микаэлы пересохло во рту. Она глубоко вздохнула, но ощутив, как ее грудь сдавливает не корсетом, а тисками душевного возбуждения, встала и поспешила попрощаться с Аланнарвальдом:

— Извините, ваше высочество. Благодарю вас за невероятный вечер. Мои эмоции невозможно передать словами...

— Вы утомились? Тогда не буду вас задерживать. — Принц поднялся с дивана, шагнул навстречу Микаэле и, подняв руку, медленно стянул с ее плеч свой камзол. — Спокойной ночи, ваше высочество.

— И вам.

Аланнарвальд взял ее за руку и, поднеся ее к губам, нежно поцеловал.

— До завтра, — произнес он, отпуская ее пальцы и выпрямляясь.

«Твою ж бабушку! — мысленно выругалась Микаэла, ощутив сильное головокружение. — Не сдохнуть бы за эту ночь!»

Сглотнув, она развернулась и корявой походкой продефилировала к выходу. А выйдя за дверь, отошла в сторону и, прижавшись спиной к холодной стене, стала переводить дыхание. Сердце было готово выскочить из груди, а ноги дрожали, едва удерживая Микаэлу. Отдышавшись, она поспешила к лестнице, где столкнулась со спускающейся королевой Эллиадой.

— Вы вернулись, — улыбнулась та. — Как полетали?

— Потрясающе, — весело призналась Микаэла и, оббежав ее, рванула в комнату Линкеи.

Проводив ее добродушным взглядом, королева спустилась на первый этаж и вошла в малую гостиную. Увидев сына, ворошившего в камине дрова, она подошла к нему, шелестя юбками платья, и спросила:

— Что скажешь?

— Ничего, — буркнул он, не вставая и не отводя взгляда от огня. — Либо она фальшивит, выполняя наказ отца выглядеть приличной девушкой...

— Либо?

— Либо... — Аланнарвальд поднял лицо и взглянул на мать, — либо она и вправду изменилась.

— В лучшую или худшую сторону? — Не унималась Эллиада, радеющая за счастье любимого сына.

— Она необыкновенная, — улыбнулся он, отставляя кочергу и поднимаясь. — И у меня в голове не вяжется, почему о ней ходят скверные слухи?

— Может, твой отец прав: не стоит верить сплетням? — Эллиада взяла его за руки и приковала к себе его внимание. — Что тебе подсказывает твое сердце, Алан?

— Я запутался, — признался Аланнарвальд. — Еще на состязании меня поразило то, что она не пыталась превознести себя и унижить меня, как было раньше. А потом... Богини Ценцарии, я впервые в жизни не могу подобрать слов, чтобы объяснить буйство собственных мыслей и чувств. Я будто заново познакомился с ней. Она кажется такой хрупкой, искренней, невинной. Видели бы вы, мама, как забавно она смущается. Ее будоражит мой голос, мои прикосновения, она даже прячет глаза, когда я улыбаюсь. Я всячески поддавался ей, она ни разу не попыталась флиртовать со мной. Но и ни разу не намекнула на грубость. — Он подошел к дивану и, сев, улыбнулся: — Иногда она такая смешная. Интересно выражается. А когда распахивает глаза, я вижу в них, как она мысленно отвечает мне одно, а вслух произносит другое. Боится саму себя.

— То есть она прошла испытание? — любопытствовала королева, довольная настроением сына.

Аланнарвальд ненадолго призадумался, глядя на огонь в камине, и ответил:

— Осталось еще одно. Лен. Придержу его до бала.

— Уверен?

— Иначе никак. Вдруг все это — ее игра. Но когда она примет кольцо и публично даст свое согласие выйти за меня, я докажу ей, что не позволю вытирать об меня ноги.

— Будь с ней мягок, Алан. Я воспитывала мужчину, а не деспота.

— Вот именно. Вы воспитывали мужчину, а не тряпку. Извините, мама. Я хотел бы побыть один.

Королева Эллиада улыбнулась и, подойдя к дивану, склонилась над сыном. Поцеловав его в висок, она пожелала ему спокойной ночи и покинула комнату. Вернувшись на второй этаж, она увидела идущего по коридору Йена.

— Что-то случилось, ваше величество? — обеспокоился он.

— Нет, обычная бессонница. Иногда ночью я гуляю по замку, — ответила королева, почти не солгав: ее бессонница и ночные прогулки не были выдумкой.

— Надеюсь, вы уснете, — улыбнулся Йен, отвесив легкий поклон.

— У вас очень мягкие постели. Спасибо, — ответила она и пошла дальше.

Как только королева Эллиада скрылась за дверью их с королем Яруэлем покоев, Йен сменился в лице и подошел к комнате Линкеи. Постучавшись, он дождался появления Микаэлы на пороге. Она уже переоделась и собиралась ложиться, поэтому столь поздний визит Йена ее насторожил.

— Йен? — удивилась она, озираясь по сторонам.

Он уперся руками в дверные косяки и, нависнув над Микаэлой, грозно прошипел:

— Кто ты такая, и где Линкея и Лен?

Канада, Уотерлу

Линкею разбудил зверский голод. Громкое урчание в собственном животе спросонок она приняла за чье-то утробное рычание. Высунувшись из-под одеяла, она прислушалась, погладила себя по животу и с сожалением вспомнила, какой скудный завтрак ждет ее в семье Микаэлы. Убрав с лица растрепавшиеся волосы, Линкея позевала и вылезла из постели. Пройдясь по комнате и размявшись, она взяла полотенце и отправилась в ванную.

— Да, простите, я застряла в пробке, — оправдывалась перед кем-то по телефону Лилит, спеша вниз по лестнице. — Нет, я не могу отложить встречу!.. Да, все верно...

Линкея вскинула бровь, поглядев на плетущегося вслед за Лилит Тобиаса. Он неторопливо застегивал запонки на манжетах рубашки и даже насвистывал какую-то мелодию. Странное распределение обязанностей в этом мире никак не укладывалось в голове принцессы. В суете Лилит не досыпала и не уделяла должного внимания родным детям, в то время, как Тобиас вообще непонятно чем занимался.

— Доброе утро, Мик, — улыбнулся он, проходя мимо Линкеи.

— Доброе, — задумчиво ответила она и, проводив его озадаченным взглядом, пошла дальше.

Запершись в ванной, чтобы ее никто не тревожил, она наполнила ванну, намереваясь понежиться, но не успела залезть в воду, как дверь загрохотала стуками Айка:

— Мик, выметайся! Сколько можно там торчать?! Я хочу писать!

Разозлившись, Линкея обмоталась полотенцем, приоткрыла дверь и наклонившись к младшему брату Микаэлы, улыбнулась:

— Еще раз нагубишь мне и получишь затрещину. А пописать можешь в саду миссис Смит. Если она возмутится, скажешь, что я разрешила.

Захлопнув дверь, Линкея снова заперлась и, откинув полотенце, опустилась в ванну. Расслабляясь в теплой воде, которой здесь было вдоволь, она перепробовала содержимое едва ли не всех флаконов с шампунем, бальзамом, гелем, лосьоном, даже с пеной для бритья. Не обращая внимания на стуки и крики то Айка, то бабушки, Линкея неторопливо помылась, обтерлась и, обернув волосы полотенцем, вышла из ванной.

— У тебя совесть есть?! — заругалась бабушка, а Айка, держа ладонь на своем паху, рванул к унитазу, даже не закрыв за собой дверь.

— У меня есть не только совесть, но и право пользоваться этой купальной, — беззлобно улыбнулась Линкея и чмокнула бабушку в щеку, отчего та потеряла дар речи.

Обескураживать Линкея умела на уровне профессионала. Вернувшись в комнату, она хорошо пропитала волосы полотенцем, оделась в широкую футболку и шорты длиной почти до колен и собралась спуститься к завтраку, но ее задержал телефонный звонок. На мобильнике Микаэлы высветилось фото улыбающегося Рейнольда. Разволновавшись, Линкея взяла гаджет и завалилась на кровать. Вчера она заметила, как бабушка проводила пальцем по экрану, и проделала то же самое, после чего поднесла мобильник к уху.

— Доброе утро, кошечка, — произнес Рейнольд своим до головокружения хрипловатым голосом. — Как спалось?

Хихикнув, Линкея повалилась на бок, подперла голову свободной рукой и промурлыкала:

— Без тебя? Дай-ка подумать... Скучно, холодно и одиноко.

От услышанного Рейнольд на мгновение замолчал, после чего рассерженно зарычал и ответил:

— Не своди меня с ума! Мы с Эктором уже в мастерской. Надеюсь, быстро управимся. Мне договориться с Лилит об Айке, или ты сама ей скажешь?

Подумав о том, что Лилит слишком занята, Линкея решила не беспокоить ее.

— Я сама разберусь.

— Хорошо. Я позвоню тебе, как только освобожусь.

— Твоя дикая кошечка будет ждать и надеяться, что ты ее приручишь.

— Черт возьми! — тяжело задышав, выругался Рейнольд, явно не ожидающий подобных ответов. — Ты издеваешься надо мной?

— Я тебя стимулирую, — улыбнулась Линкея. — Мяу...

— Я укушу тебя. Клянусь.

— Звучит волнующе. Могу подсказать пару моих самых чувствительных зон...

— Замолчи, — шикнул Рейнольд. — Иначе я сейчас же прилечу к тебе, и Эктор уволит меня за прогул.

— Не шипи на свою кошечку, а то она может выпустить коготки и поцарапать, — засмеялась Линкея.

Отдаленно она услышала посторонний мужской голос, что-то крикнувший Рейнольду на испанском, на что тот ответил:

— Me voy![1] Не представляешь, как мне не хочется отключаться, — обратился он уже к Линкее, — но Эктор психует, что я бездельничаю.

— Хорошо, иди. Но помни, что мое сердце бьется с мыслями о тебе, — сказав это, она отняла мобильник от уха и дотронулась пальцем до красной «иконки» на сенсорном экране.

Полежав еще минуту на кровати, Линкея встала, взбила влажные волосы и спустилась в столовую. Тобиас опять читал свежий выпуск периодики, Айк нагло стаскивал со стола еду и бросал псу под стол, бабушка рисовала стрелки на глазах, любуясь в маленькое зеркальце, а Лилит все так же разговаривала по телефону, расхаживая вокруг стола и свободной рукой стараясь обслужить всех членов семейства.

— Я же все написала в заявлении! — повысила голос Лилит. — Да, представьте себе, оно на шести листах!.. — Она отняла телефон и, взглянув на бабушку, возмутилась: — Он смеется надо мной! Смеется, слышишь?! — И снова поднесла трубку к уху. — Верно, я не знаю, как она выглядит! Откуда у меня может быть ее фото?! — Помолчав, Лилит тяжело вздохнула и закатила глаза. — Хорошо. — Сбросив звонок, она покопалась в меню своего мобильного и обратилась к Линкее: — Мик, встань к стене, мне нужно сфотографировать тебя.

— Опять? — удивилась бабушка.

— Этот бюрократ требует свежий снимок, — ответила она, наводя камеру на ничего не понимающую Линкею.

— А он не допускает мысли, что она может выглядеть по-другому? — Бабушка покачала головой и, отложив зеркальце и карандаш, приступила к завтраку. — Они готовы заниматься, чем угодно, только не работой.

Вспышка ослепила Линкею. Она поморгала и нахмурилась.

— Мик, ты словно привидение увидела, — буркнула Лилит, взглянув на снимок. — Впрочем, ладно. Сойдет. Все, я побежала. — Схватив со шкафа сумку, папку с документами

и сигареты, она проскочила мимо Линкеи, и вскоре послышался хлопок двери.

Линкея уселась за стол, окинула его печальным взглядом и наполнила свою тарелку салатом и яичницей с пережаренным беконом. Взяв три бутерброда и налив полный стакан сока, она начала есть. Завтрак был пресный, невкусный, но Линкея решила довольствоваться тем, что есть, лишь бы не умереть с голоду.

— У кого какие планы? — поинтересовалась бабушка, когда Тобиас, позавтракав, попрощался с семейством и отправился на работу.

Доедая апельсиновый кекс и поглаживая пса за ухом, Линкея произнесла:

— Мы с Рейнольдом хотим отдохнуть. Он планирует взять с собой детей.

— Отличная идея, — улыбнулась бабушка, посмотрев на Айку. — Слушайся сестру, ясно?

— У меня заранее жар и лихорадка от их планов, — проворчал он, вилоккой ковыряясь в своей тарелке. — Рейнольд, Мик и дети... Ты уверена, что им можно доверять меня? Она потеряет меня перед самым носом.

— А ты не удирай от нее без предупреждения, — ответила бабушка. — Когда Рейнольд за вами заедет?

— Не знаю. — Линкея пожала плечами. — Он позвонит после работы.

— Значит, у нас есть время. Я планировала шопинг. Хочу прикупить обновок. Что скажешь? Составишь мне компанию? Заодно и тебе приобретем что-нибудь помоднее этой растянутой футболки из секонд-хенда. А еще мне надо заехать в салон. Я записана на маску от выпадения волос.

— Хорошо, — согласилась Линкея, не желающая ждать Рейнольда в четырех стенах тесного дома.

— Можно я посмотрю «Битлджус»[2]? — провыл Аик.

— Можно, — ответила бабушка, вставая из-за стола. — Только сначала приберись на кухне.

Она вызвала такси, на котором они с Линкеей отправились по магазинам. Несмотря на то, что вчера принцесса Эйлинкея каталась на мотороллере и мотоцикле, автомобиль вызвал у нее не меньший восторг. Плавно скользящая по дороге машина, намного превышающая скорость лошади, приятно волновала Линкею. Перебирая пальцами по кожаной обивке сиденья, она смотрела в окно и поражалась тому, в насколько технически развитый мир попала!

На первом этаже торгового центра, куда ее привезла бабушка, они взяли по порции мороженого и сели на диванчик около фонтана, окруженного зеленью.

Откусив большой кусочек холодного десерта, Линкея зажмурилась и поспешила прожевать и проглотить его.

— Зубы-то как ломит! — испуганно уставившись на мороженое, воскликнула она.

— А ты будто не знаешь, что оно ледяное, — усмехнулась бабушка, полизывая свое шоколадное эскимо. — Осторожней, подхватишь ангину.

Линкея, последовав ее примеру, стала медленно соскребать пластиковой ложечкой подтаявшие слои мороженого и только тогда почувствовала весь его фантастический вкус. Мир Микаэлы нравился ей все больше, потрясая чудесами без магии.

Разделавшись с десертом, бабушка повела Линкею вдоль отделов косметики и ювелирных и связных салонов. Торговый центр сверкал и переливался, в нем кипела разноцветная жизнь. В женском бутике, пока бабушка выбирала себе новую кофточку,

Линкея приглядела кое-что на свою фигурку, но так и не осмелилась примерить. А в отделе нижнего белья бабушка сама заметила, как внучка засмотрелась на роскошные кружевные комплекты. У Линкеи даже запылали щеки, когда она представила себя в таком откровенном белье.

— Понравилось? — улыбнулась бабушка.

— Разве это не постыдно? — спросила она, потому что в комодике Микаэлы ничего подобного не находила. У той были самые простые вещи блеклой расцветки или с цветочным узором, и еще ужасней — «в горох».

Бабушка засмеялась и подозвала продавца-консультанта:

— Подберите ей несколько самых эротичных комплектов.

— Сейчас, — вежливо улыбнулась девушка и, взяв Линкею за руку, потянула ее к примерочным.

Первое же белье, которое она надела, заставило ее покраснеть до кончиков ушей. Бабушка, заглянув в примерочную, шлепнула ее по попке и сказала:

— Класс! У Рейнольда сорвет крышу!

Линкея захихикала и, осознав, что действительно хотела бы предстать в таком виде именно перед Рейнольдом, а не перед Леном, продолжила примерку. Потратив целый час на выбор, она так и не смогла определиться, поэтому бабушка заплатила за целых пять комплектов. А выйдя из отдела, поглядела на Линкею и вздохнула:

— Что ж, раз уж ты внезапно решила начать все с чистого листа, надо и остальной гардероб сменить.

На шопинг они потратили еще два часа, которые пополнили шкаф Линкеи майкой с открытым плечом, шелковым платьем на тонких бретельках, короткими шортиками и босоножками на каблуках.

Перед возвращением домой бабушка сводила Линкею в пиццерию, где та с превеликим удовольствием уплела большую сырную пиццу и выпила три чашки капучино.

— Как в тебя столько влезает? — поразила бабушка, потягивая лимонад через соломинку.

— Она волшебная, — жуя, произнесла Линкея.

— Согласна. Здесь готовят вкуснее, чем Лилит. А все потому что мне следовало приучать ее к хозяйственности, вместо того чтобы потакать ее прихотям. Лучше бы она стояла у плиты, чем бегала на свидания, прыгая из окон. Как ты вчера, — уточнила бабушка. — Признаюсь, я была уверена, что ее ветреность достанется тебе по генам. Не зря же говорят, что яблоко от яблони недалеко падает. Но тебя, напротив, не расшевелить. Вся в отца — строгая и чересчур правильная.

Линкея на секунду замерла, но так и не осмелилась спросить у бабушки про Лилит, Тобиаса и их непонятный семейный конфликт.

— Странно, — улыбнулась та, посмотрев на Линкею. — Сейчас ты мне в точности напоминаешь юную Лилит. Бестолковая и одурманенная любовью. Правда в этот раз я уверена, что все получится. Потому что Рейнольд не...

В этот момент у Линкеи зазвонил мобильник. Она отложила кусок пиццы, наспех вытерла руки бумажной салфеткой и приняла звонок.

— Соскучилась? — спросил Рейнольд.

— А сам как думаешь? — улыбнулась она.

— Подождешь еще немного? Работы оказалось больше.

— Чем позже ты приедешь за мной, тем позднее вернешь меня домой, — ответила Линкея, опять приведя Рейнольда в шок.

— А ты у меня шалунья, — наконец произнес он.

— Кошечки по своей природе обладают крутым и изысканным нравом. Попробуй исправь меня.

— Нет! Такую тебя я исправлять не хочу!

— Тогда не задерживайся, чтобы твоей кошечке не пришлось искать другого котика, — почти шепотом добавила Линкея, стесняясь бабушки.

— Не смей так говорить. Я сгорю от ревности... Извини, мне надо бежать, пока Эктор не отнял у меня мобилу. Целую.

Отложив телефон, Линкея опять потянулась к пицце.

— Только не играй с ним, милая, — вдруг попросила бабушка, положив свою мягкую теплую ладонь на ее руку. — Если бы у Лилит в свое время было побольше мозгов, сейчас ей не пришлось бы страдать и посещать психолога. Но она, настырная, не слушала меня.

— Мужчины любят игры, — равнодушно констатировала Линкея.

— Мужчины любят умных женщин. Лилит слишком поздно поумнела, когда уже наломала дров. Не повторяй ее ошибок. Рейнольд хороший парень. Он заслуживает уважения и преданности. Сначала ты сторонилась его, потом порвала с ним, а теперь бросаешься в его объятия. В точности, как когда-то Лилит. Если не хочешь превратиться в нее, будь искренна с Рейнольдом.

Напрягшись, Линкея покивала:

— Ладно.

— Доедай, и поедем домой, — улыбнулась бабушка.

— А как же салон? — опомнилась принцесса.

— Я уже опоздала. Не волнуйся, все равно эти маски не спасают меня от медленного облысения. Я хожу туда, чтобы посплетничать.

[1] Me voy! (исп.) — Я иду!

[2] «Битлджус» (1988) — мистический фильм ужасов режиссера Тима Бертон.

Как только Линкея доела, они с бабушкой вернулись домой и обнаружили копавшуюся в их дворе индейку. Миссис Смит ковырялась в своих цветочных клумбах, делая вид, будто не замечает, что ее птица хозяйничает на чужом газоне. Бабушка подхватила Элеонору на руки и, перекинув ее через заборчик, буркнула:

— Этот ад никогда не кончится.

Носком туфли поправив комья газона, она направилась в сторону дома. Линкея пошла за ней, но на террасе остановилась и обернулась.

— Прекрасная погода, миссис Смит, не находите?! — крикнула она соседке, улыбнувшись.

Та выпрямилась и посмотрела на Линкею.

— Да, становится тепло, — согласилась она.

— Верно. Даже рассветы стали теплее. Но вы это и без меня знаете, правда?

— Не понимаю, о чем ты, Микаэла?

— Вы же тоже выходили на рассвете из дома. Я видела вас.

Глаза миссис Смит округлились от испуга. Она безмолвно пошлепала губами и кое-как кивнула.

— Хорошего дня, — на прощание пожелала ей Линкея и вошла в дом, где бабушка ругалась на Айку, так и не убравшегося на кухне, зато накрошившего попкорна на диване перед телевизором в гостиной. Линкея поднялась в комнату Микаэлы и, вытрусив содержимое бумажных пакетов, расцвела довольной улыбкой: у нее появились личные вещи!

Оглядевшись, она решила освободить для них один из ящиков комода и достала из него гору барахла. Аккуратно сложив в ящик белье, футболку и шорты, Линкея загорелась идеей освободить комнату Микаэлы от всего лишнего. Отыскав в кладовой два больших пластиковых ящика, Линкея быстро заполнила их ненужными безделушками и старыми вещами. Она даже хотела выволочь из комнаты компьютер, но в последний момент передумала, вспомнив, что такое же оборудование есть в клинике Дюран и оно играет важную роль в жизни местных жителей.

— Что это с тобой? — изумилась бабушка, встав в дверном проеме.

— Выкидываю мусор, — ответила Линкея, собирая с компьютерного стола разбросанные бумаги и записные книжки.

— Конспекты по зоологии вдруг стали мусором? Ты же еще не сдала экзамен для постоянного трудоустройства. А фотоальбомы... Они тоже стали не нужны? — Бабушка склонилась над ящиком и вытащила из него два фотоальбома.

— Наверное, выбросила по ошибке, — ответила Линкея и подошла к бабушке.

Та открыла первую страницу и засмеялась:

— Какая ты тут смешная. Тебе около месяца.

Линкея увидела пухлого голенького младенца на ворсистом покрывале и, улыбнувшись, взяла фотоальбомы. Ей стало интересно узнать, как росла и выросла Микаэла — ее двойник. Ведь у самой Линкеи ничего подобного из детства не сохранилось. Однако не успела она перелистнуть страницу, как вновь зазвонил мобильник. На этот раз ей пришло смс-сообщение от Рейнольда: «Выезжаем. Будем минут через пятнадцать. При себе иметь улыбку и приподнятое настроение!»

— Какие мы грозные, — засмеялась Линкея. — Скажи, пожалуйста, Айку, чтобы собирался. Я пока переоденусь.

Бабушка улыбнулась и, оставив ее, отправилась за внуком. Линкея закрыла дверь, взволнованно прикусила губу и все-таки осмелилась надеть красивое белье, новое короткое платье и босоножки. Ее волосы, волнистые от рождения, крупными кольцами легли на обнаженные плечи, и Линкея облегченно выдохнула от того, что в этом мире разрешалось ходить с небрежно распущенными волосами. Воспользовавшись найденными на туалетном столике духами с легким цветочным ароматом, Линкея взглянула на свое отражение в зеркале и выпорхнула из комнаты.

Айк ждал ее в холле. Увидев преобразившуюся сестру, он не сдержал восхищенного изумления:

— Уау!

— Рот прикрой. — Линкея игриво шлепнула его по подбородку. — Я занята.

К ним подбежал виляющий хвостом ретривер.

— Возьмете его с собой? — полубопытствовала бабушка.

— Конечно! — Линкея взяла у застывшего Айка поводок и прицепила его к ошейнику. — Идем.

Рейнольд не задержался ни на минуту. Едва Линкея и Айк вышли из дома, как к калитке подъехал старенький, но вполне пригодный минивэн темно-бордового цвета. Рейнольд выскочил из машины и, обойдя ее, обомлел от вида Линкеи. Опомившись, когда в его руку мордой ткнулся ретривер, он широко улыбнулся и произнес:

— Офигеть.

Айк, не дождавшись, пока ему откроют дверь, сам сделал это и влез в салон минивэна, а потом затащил за собой пса. Рейнольд закрыл дверь и снова взглянул на Линкею, видимо, убеждаясь, не наваждение ли это. Она поняла, что нужно все брать в свои руки и, подойдя к Рейнольду, обвила его шею руками.

— Боишься меня? — засмеялась она.

— Честно? До мурашек, — ответил он, обняв ее за талию и прижав к себе.

— Уверенней надо быть, — произнесла Линкея и, подтянувшись на носках, дразняще поцеловала его.

— Я пока не знаю, как реагировать на перемены в тебе, — признался Рейнольд, заглядывая в ее глаза. — Не хочу невзначай спровоцировать скандал.

— Иногда в отношениях нужна перчинка. — Линкея еще раз поцеловала его и отстранилась.

Рейнольд открыл для нее дверь и помог сесть на переднее пассажирское сиденье. Обойдя машину, он сел за руль и обернулся:

— Готовы?

Линкея разобралась с ремнем безопасности и тоже обернулась. Позади, помимо Айка и его собаки, сидели еще двое — маленькая светящаяся позитивом девочка и контрастно невеселый подросток с неудачно обесцвеченной копной пережженных волос.

— Привет, Мик! — завизжала Мисси. — Я рада, что вы с Рейнольдом помирились!

Джаспер протяжно вздохнул и, бросив на Линкею ничего не значащий взгляд, безучастно произнес:

— Привет, Мик.

— Не обращай на него внимания. — Рейнольд и завел машину. — Он не хотел идти.

Лурдес настояла, лишь бы вытащить его из-за компа, от которого у него уже кожа зеленеет. И так, сначала карусели или гамбургеры и кола?

— Мама запретила фаст-фуд, — напомнила Мисси.

— Мамы здесь нет, а дядя разрешает все, — выводя минивэн на дорогу, улыбнулся Рейнольд. — Ты же не расскажешь Лурдес, если я немного побалую детей этой дьявольской едой? — спросил он, поглядев на Линкею.

— Дьявольская еда? Звучит интригующе. Я и сама с удовольствием попробую ее.

— А как же вред здоровью? Там же соль, сахар, консерванты. Жуть! — Рейнольд передернул плечами и засмеялся.

— Если я не стану есть с вами, то буду выглядеть шпионкой. Хотя перспектива иметь в арсенале повод для шантажа довольно заманчива. — Линкея дотянулась до его руки и положив на нее свою ладонь, перекрестила пальцы.

— Ну что, Мисси, нет у тебя поддержки? — улыбнулся он, посмотрев на племянницу через зеркало заднего вида.

— Так нечестно, Мик! А как же женская солидарность? — Шутливо расстроилась девочка.

— Моя беда в том, что я равнодушна к твоему дяде, — ответила ей Линкея.

Взглянув на нее, Рейнольд поднял ее руку и, поцеловав, снова опустил.

— Значит, еда, а потом развлечения! — скомандовал он и сосредоточился на дороге.

Решив не потеть в душном ресторанчике, компания договорилась пообедать на свежем воздухе, заняв уличный столик летнего кафе. Крупный заказ из бургеров, твистеров, снэков и картошки-фри со всевозможными соусами принесли довольно быстро. От разнообразия блюд у Линкеи разбежались глаза, и она никак не могла определиться, с чего начать. Айк взял бургер, Мисси картошку, а Джаспер, откинувшись на спинку стула, языком перебирал соломинку из стакана с колой. Рейнольд подал племяннице ее любимый сырный соус, а себе придвинул острый.

— Все в порядке? — спросил он у Линкеи.

— Да, — улыбнулась она. — Пахнет вкусно.

— Попробуй фри, — порекомендовала ей Мисси, обмакивая одну картофельную соломку в соусе и таща в рот. — М-м-м...

— Как скажете, ваше милейшество. — Линкея потерла ладони и приступила к пробе.

Поначалу еда казалась ей странной, со специфическим привкусом, но распробовав все, она уже не могла остановиться. К тому же принцесса помнила, что в доме Микаэлы так сытно не накормят. А еще Линкея не забывала про ретривера Айка, угощая его то выковырянной из бургера котлетой, то кусочками курицы. Единственное, что вызвало у нее ужас, — это острый соус, уплетаемый Рейнольдом. От него у Линкеи перехватило дыхание и выступили слезы. Выплюнув так и не прожеванный кусочек картошки, она долго пила холодный лимонад, чтобы избавиться от горечи и жжения во рту.

— По-моему, я шожгла язык, — прошепелявила Линкея, переводя дыхание.

Мисси и Айк звонко рассмеялись, а у Джаспера впервые дрогнул уголок губ. Он начал оттаивать и даже немного поел.

Когда дети стали собираться в ожидании официанта со счетом, Рейнольд прильнул к Линкее и прошептал ей на ухо:

— Мы года два не видели, как улыбается Джаспер.

Она обратила пристальное внимание на парня, снова ушедшего в себя и свой айфон, и поняла, что его надо срочно спасать, а уж расшевелить принцесса Эйлинкея могла даже мертвого. Цель была задана, осталось найти подход.

— Твой соус ужасен, — ответила Линкея, повернувшись к Рейнольду. — Ты чуть не убил меня.

— Чего только не сделаешь ради одной единственной улыбки любимого племянника. — Он кончиком носа потерся о ее нос.

— Я тебе отомщу, — улыбнулась Линкея, обвив его шею руками. — Безжалостно, коварно и жестко.

— Но ты позволишь мне хотя бы выполнить обещание и сводить детей в парк?

— Это твое последнее желание? Хорошо, я буду благосклонна. Но на помилование не рассчитывай. Мой вердикт окончательный и обжалованию не подлежит.

— Угораздило же мне так удачно вляпаться, — улыбнулся Рейнольд и поцеловал ее.

Официант принес счет, после чего Рейнольд оставил на столике деньги и велел всем бежать в машину. А спустя полчаса они приехали в парк развлечений, где Мисси и Айк наперебой затребовали билеты на карусели, аквазorb, батут, детский поезд и комнату страха. Пока Рейнольд приобретал билеты, Линкея огляделась и заприметила тир. Там отдыхающие

стреляли из неизвестного ей оружия по мишеням и получали за меткость подарки в виде игрушек и сувениров. Возле тира в клетке сидел периодически кукарекающий петух, привлекающий внимание городских детей. Солнечный день вытащил на улицу весь Уотерлу, и парк напомнил Линкее гудящую королевскую ярмарку. Лица светились улыбками, всюду бегали веселые дети, гуляли влюбленные парочки, а старики играли в шахматы под тенью одиночных деревьев.

— Ну все, идемте, — позвал всех Рейнольд.

Отправив Айку и Мисси на плавание в аквазорбах, он поинтересовался, хочет ли чего-нибудь Джаспер. Тот нехотя оторвался от экрана гаджета, скучающе огляделся и, пожав плечами, буркнул:

— Я бы пострелял. Но ты не позволишь.

Он снова уткнулся в айфон, а Линкея, взбодрившись, заявила:

— Почему? Я тоже хочу пострелять.

— Ты? — удивился Джаспер.

— А что? У меня десять из десяти попаданий!

— Да ладно? — усмехнулся Рейнольд.

— Не веришь? — Линкея пальцем провела по дуге воротника его майки. — Поспорим?

— Ты продуешь. Джаспер круто стреляет. Он тебя сделает.

— Уверен?

Рейнольд взглянул на застывшего в ожидании решения племянника и, подумав, кивнул:

— Ладно. Но я тебя предупредил.

— Я тоже. И учти, моя победа должна быть вознаграждена.

Рейнольд засмеялся, видимо, уверенный, что она проиграет спор, но все-таки спросил:

— Что ты хочешь?

— Научиться водить машину, — ответила Линкея.

— И все? Договорились, — согласился он и, взяв ее за руку, повел к тире.

Оператор объяснил Линкее и Джасперу, как правильно стрелять из духового ружья и разрешил им выстрелить для наглядности. Джаспер сбил мишень, Линкея же не попала. Это развеселило Рейнольда, но совсем не расстроило принцессу Эйлинкею. Она не прицеливалась, лишь изучала оружие.

— На «камень, ножницы, бумага»? — поинтересовался Джаспер.

— Это что? — в недоумении спросила она.

— Считалка такая, — объяснил он и показал кулак. — Камень. А так ножницы. — Парень выставил указательный и средний пальцы. — Бумага. — Он раскрыл ладонь. — Неужели не знаешь? Окей, смотри. Бумага оборачивает камень, камень бьет ножницы, а ножницы режут бумагу. Выигрывает тот, чей предмет сильнее. Ясно?

— Хитро, — оценила Линкея и выставила перед собой кулак.

— Поехали, — улыбнулся Джаспер. — Камень, ножницы, бумага! — У него выпали «ножницы», а у Линкеи «бумага». — Есть! Смотри и учись, детка.

— Эй, — сделал ему замечание Рейнольд. — Следи за языком. Детка.

— Извини, — ответил Джаспер и, развернувшись к мишеням у дальней стены тира, взял у оператора ружье.

Выстрел за выстрелом, и он сбил шесть мишеней из десяти. Линкея демонстративно зевнула, когда он получил в подарок мелкую плюшевую игрушку, и сказала:

— Теперь ты смотри и учись.

Взяв ружье, она размяла плечи, расслабилась и, выдохнув, приняла боевую стойку. Дав себе минуту на изучение расположения мишеней, Линкея прицелилась и начала стрелять. Быстро, без колебаний и поразительно метко.

— Как?! — в голос изумились Рейнольд, Джаспер и даже оператор тира.

— Десять из десяти. — Она с улыбкой подмигнула и положила ружье на стойку.

— Я ошеломлен, — признался оператор. — Сколько работаю здесь, такого еще ни разу не было. Что ж, мисс, ваше право выбрать любой подарок. — Он жестом руки указал на гору игрушек.

Линкея прошла вокруг них, помотала головой, так ничего и не приглядев, и обратилась к оператору:

— Я хочу петуха!

Рейнольд и Джаспер переглянулись.

— Мисс, он не продается.

— А я не покупаю. Я выиграла. Вы сами сказали, что такого еще не было. Петух ваш?

— Мой. — Оператор сглотнул.

— Так в чем проблема? Мне что, обратиться в департамент по защите прав потребителей? — Она деловито скрестила руки на груди, мысленно похвалив себя за то, что запомнила перечитанные ею вчера брошюры в клинике Дюран.

— Мик, — Рейнольд взял ее за локоть и отвел в сторону, — зачем тебе петух?

— Запечь на обед, — ответила Линкея, искренне недоумевая, почему всех шокировала ее просьба.

— Что? — Он нахмурился.

— Обещаю, что поделюсь с тобой ножкой, — улыбнулась она и вернулась к тире. —

Если вы не отдадите мне петуха, я вам такой дебош устрою...

— Да отдай ты ей петуха! — вступился за нее старичок, сидящий на скамейке неподалеку. — Девочка его честно заслужила.

Покачав головой, оператор почувствовал на себе взгляды зрителей, засвидетельствовавших грандиозные десять попаданий Линкеи, и выдохнул:

— Забирайте. Он ваш.

Принцесса Эйлинкея подпрыгнула на месте и, захлопав в ладоши, бросилась в объятия подошедшего Рейнольда.

— Я выиграла петуха! — завизжала она под аплодисменты прохожих и зевак.

— Класс, — проворчал Рейнольд, выпуская ее из своих объятий и беря клетку. — Лилит будет вне себя от счастья.

— Вы рехнулись? — Джасперу стало неуютно под вниманием любопытной публики.

К ним подбежали освободившиеся Аик и Мисси. Девочка не меньше Линкеи обрадовалась петуху и, обняв клетку, была готова встряхнуть его из нее.

— Какой красивый! — восхитилась она, разглядывая яркие, пестрые перья перепуганной птицы. — А как мы его назовем? Давайте Бэтменом?

Ретривер гавкнул и завилял хвостом, одобряя выбор Линкеи, а возможно, и Мисси.

— Похоже, помешательство миссис Смит держать в доме фермерскую птицу заразно, — тяжело вздохнул Аик. — Что ты собираешься делать с ним?

— Жаркое. Или гриль, — неопределенно ответила Линкея, вновь вынудив всех открыть рты.

— Ты хочешь убить его? — От новости у Мисси осип голос. — Отрубить ему голову,

общипать, выпотрошить, разрезать, замариновать и запечь?

— О, Мисси! — Рейнольд поморщился. — Откуда такие глубокие познания в приготовлении птицы?

— А ты когда-нибудь видел окорока в перьях или грудку с головой? Логика! — Девочка подняла вверх указательный палец.

Джаспер сунул ей выигранную игрушку и, взглянув на Линкею, улыбнулся:

— Признаю свое поражение. Это было эффектно.

— Ты тоже неплох. Тренируйся, и все получится, — ответила она, повиснув на плече Рейнольда.

— Надеюсь, в парке больше нет аттракционов с животными в качестве призов, — произнес он. — А то минивэн Эктора не резиновый. Овца, осел и теленок туда не поместятся. Даже если это будет самый маленький теленочек, — уточнил он, поглядев на Линкею, и добавил, переводя взгляд на Мисси: — И даже если всех их будут звать Бэтменами.

Мисси засмеялась, опять тряся клетку и доводя петуха до исступленной дрожи.

— Отнеси его в машину. — Рейнольд подал клетку Джасперу.

— Ну нет. — Тот шагнул назад. — У меня репутация. Вдруг кто-то из школы увидит.

— Лучше бы ты так наших братков уважал, как своих школьных бездельников. — Он насильно всучил племяннику клетку и, взяв Линкею за руку, потянул ее к каруселям. — Покатаемся?

Они провели в парке несколько часов, наградивших принцессу Линкею небольшим загаром, позитивным настроением и нежеланием прощаться с Рейнольдом, не сводящим с нее ни взгляда, ни объектива камеры своего мобильного. Он снимал едва ли не каждый ее шаг, стараясь запечатлеть все — легкую походку, волнуемые ветром белокурые локоны, лучезарную улыбку, блеск ярко-голубых глаз, соблазнительные плечи и ноги. А когда заметил фотоавтомат, то развлекся с ней неформальным селфи. Они смеялись, корчили рожицы, целовались или просто смотрели друг на друга, пока у кабинки не выросла очередь из других желающих.

Они покинули парк перед его закрытием — бодрые, счастливые и довольные. Рейнольд пригласил Линкею и Айку в гости, и конечно, они не отказались, тем более Джаспер завлек принцессу Эйлинкею своими познаниями и достижениями в компьютерных играх. В этом она не могла с ним соревноваться, но увлеклась идеей узнать о них побольше.

В отличие от Рейнольда, его старший брат Эктор обладал средним ростом, более смуглой кожей и выпирающим брюшком. И все же Линкея сочла его симпатичным мужчиной с притягательной улыбкой и хрипловатым, как у Рейнольда, голосом. Лурдес — стройная и красивая мексиканка со слегка осветленными волосами — хоть и улыбнулась Линкее, взглядом дала понять, что не очень рада ее видеть. Однако она сменилась в лице, услышав смех сына, а потом и увидев его самого — веселого и шутившего с Мисси и Айком.

— Джаспер? — изумилась она.

— Привет, мам! — улыбнулся он, проходя мимо Лурдес. — Мы с Мик поиграем у меня?

— Д-да, без проблем, — растерянно ответила она.

В доме этой семьи Линкее было гораздо уютней. Здесь чувствовались мир и любовь. Дом обладал душой! Конечно, это зависело от взаимоотношений членов семьи, от хозяйского духа и безустанной работы над укреплением тех самых взаимоотношений. А в доме Микаэлы ощущался холод — не могильный, разумеется, а образный. Но одно Линкея поняла точно — в той семье далеко не все в порядке, и вероятно, уже очень-очень давно.

Пока Лурдес гостеприимно готовила праздничный ужин, Линкея пыталась научиться управлять джойстиком.

— Стрелять легче, — злалась из-за неспособности покорить компьютерную технику, буркнула принцесса.

— Сдаешься? — вкрадчиво полюбопытствовал Джаспер.

— Я никогда не сдаюсь, — ответила она, продолжая нажимать на кнопки.

Вошедший в комнату Рейнольд щелкнул выключателем, и зажегшийся свет развеял режущую глаз крошечную тьму, обожаемую Джаспером.

— Блин! — фыркнул парень, зажмурившись.

— Не хочу в темноте наткнуться на тасманского дьявола, — подшутил в свое оправдание Рейнольд.

— К счастью, Мисси его еще не завела.

— Заканчивайте. Лурдес зовет всех к столу.

Линкея, покрутив джойстик в руках, отдала его Джасперу и сказала:

— Мне понравилась игра. И я хотела бы освоить ее. Примешь меня в ученицы? Обещаю быть прилежной.

— Ты серьезно? — удивился парень. — Я только за! Если Рейнольд и мама не будут против.

Рейнольд, скрестив руки на груди, окинул Линкею задумчивым взглядом и произнес:

— У меня есть повод для ревности?

— Пока нет, — хихикнула она. — Повтори этот вопрос через пару лет, когда Джаспер повзрослеет и возмужает.

Сказав это, принцесса невольно признала, что у нее нет этой пары лет в Уотерлу. У нее осталось меньше месяца до возвращения в Ценцарию, где ей придется стать женой

ненавистного Аланнарвальда, продолжать ругаться с до невозможности ревнивым и вспыльчивым Леном, учиться уму-разуму у Йена, который иногда бывает чересчур нудным и правильным. Погрустнев, она опустила лицо, не в силах смотреть в глаза обманутому Рейнольду, вихрем ворвавшимся в ее жизнь и перевернувшему все с ног на голову. Сама того не заметив, Линкея осознала, что совсем не хочет возвращаться в Эйлинкель: не хочет королевских балов, богатства, власти, прислуги. Будь ее воля, она навсегда осталась бы в Уотерлу. И Рейнольд стал веской причиной этого сумасбродного желания. Он был воплощением лучших черт Лена и Йена, что автоматически делало его мужчиной мечты Линкеи.

— Ты что скисла? — Джаспер легонько толкнул ее в плечо.

Она улыбнулась и, подняв лицо, ответила:

— Мне хорошо с вами.

— Ты не представляешь, как нам хорошо с тобой! — добавил он.

Линкея поднялась с пола, на котором они сидели перед большим монитором, и повернулась к Рейнольду. Он смотрел на нее, как замороженный.

— Идем? — Она взяла его за руку и потянула к двери.

За ужином в кругу семьи Рейнольда царил идиллия и понимание друг друга с полуслова. Эктор рассказывал забавные истории из детства и их добрачного романа с Лурдес. Порой она подхватывала его повествование и продолжала более оживленно, в силу своей женской романтичности. Рейнольд и Эктор говорили с особой теплотой о родителях, которых планировали перевезти в Уотерлу, и уже готовили документы, чтобы оформить для них визу. И Линкея довольно быстро догадалась, что Микаэла никогда не вникала в жизнь этой семьи и не собиралась становиться ее частичкой.

Когда дети приступили к десерту, а Рейнольд и Эктор вышли покурить, Джаспер спросил у Лурдес, можно ли им с Мик иногда играть в компьютерные игры.

— Ты же знаешь, как я отношусь к этой зависимости, — как можно строже ответила она. — Но, — Лурдес улыбнулась, — если ты подтянешь успеваемость в школе, я могу сделать исключение.

Глаза парня вспыхнули азартом:

— Подтяну!

— Как только принесешь первый хотя бы средний бал, я позволю вам играть по выходным, — согласилась она.

— О чем вы тут секретничаете? — поинтересовался вернувшийся за стол Рейнольд. Сев возле Линкеи, он взял ее руку в свою.

— Делимся идеями, какую вечеринку устроить на твой двадцать пятый день рождения, — ответила Лурдес.

— За полгода готовитесь. Молодцы, — засмеялся Рейнольд.

«Надо же, — подумала Линкея, глядя на него. — Он младше Лена, но целеустремленней и уж точно умнее!» И тут в ее памяти всплыло наставление бабушки Микаэлы не играть с Рейнольдом.

— Почему в моей машине петух?! — возмутился вошедший в столовую Эктор.

— Это наш, — отозвалась Линкея.

— Нет, он твой, — уточнил Аик, наворачивая бисквит.

— Зачем вам петух? Соревнуетесь с миссис Смит? — засмеялся глава семьи, садясь возле жены.

Мимо Линкеи пронесся шипящий кот, а следом за ним протащился енот с тряпкой в зубах.

— Кто бы говорил, — промолвила она.

Джаспер прыснул смехом, кивая в поддержку Линкеи.

У Рейнольда зазвонил мобильник. Вытащив его из кармана джинсов, он прочитал сообщение и с печальным вздохом сказал:

— Лилит беспокоится. Пишет, что Айку пора домой.

— Жаль, — произнесла Лурдес. — Они с Мисси так хорошо играли. Обещайте, что будете приезжать к нам почаще.

— Я бы с радостью, — ответила Линкея, в глубине души понимая весь риск этого обещания.

Попрощавшись с родными Рейнольда и поблагодарив их за приятно проведенный вечер, она усадила Айку и его ретривера в машину и заняла переднее сиденье.

— Почему ты сникла? — обеспокоился Рейнольд, сев за руль. — Из-за Лурдес? Уверен, сейчас она говорит Эктору, как было бы замечательно, если бы мы поженились, — улыбнулся он, даже не предполагая, как остры его слова. — Она отошла и больше не злится на тебя. Лурдес ненавидит лицемерие. Она не стала бы приглашать вас только из уважения.

— Дело в не в этом, — ответила Линкея, пристегиваясь ремнем безопасности. — Я просто вспомнила, что завтра мне на работу, — солгала она, не осмеливаясь признаться в подмене.

— Кажется, я знаю, как поднять тебе настроение, — намекнул Рейнольд, заводя машину. — Я тебе должен. Забыла?

— Точно, — с улыбкой покивала она. — Ты проиграл спор.

— Какой спор? — спросил Аик.

— Твоя сестра хочет научиться водить машину, — ответил ему Рейнольд, выводя минивэн на дорогу.

— Что?! — мальчик врос в сиденье. — Сжальтесь надо мной! Я ведь еще так молод!

— Что скажешь, если мы завезем Айку домой, а сами покатаемся за городом до заката?

— Безумная идея, но мне нравится, — согласилась Линкея.

— Мне трудно отказать, да? — Рейнольд засиял.

— Не трудно, а невозможно. — Она снова положила свою ладонь на его горячую руку и перекрестила пальцы, чувствуя, что с каждым новым мгновением все сильнее и сильнее влюбляется в Рейнольда, и эти чувства, взрываясь в ней вспышками, делают ее счастливой, как никогда.

До заката оставалось часа полтора, когда Айк, одной рукой держа собачий поводок, а в другой — клетку с петухом, поплелся к дому, а Линкея и Рейнольд рванули за город, где принцессе предстояло впервые в жизни сесть за руль автомобиля. Многовато уроков и приключений для одного дня, вот только она не забывала, что отведенных в Уотерлу дней у нее не так много, как желаний и планов.

Звучащая из динамиков музыка, теплый ветер, треплющий волосы Линкеи через припущенное стекло, скорость, одурманивающий запах и взгляд Рейнольда гипнотизировали взбалмошную принцессу Эйлинкея. Она больше не думала о Лене, но и не таила на него обиду, скорее — отпустила его, наконец разобравшись в своих чувствах и поняв, что он не так значителен для нее, как ей казалось. Прекрасный любовник, надежный защитник и ничего более. Он чаще раздражал, чем умилял. Рядом с ним Линкея чувствовала себя напряженно, опасаясь внезапной смены его настроения и очередной ссоры. Отпустила она и Йена — унылого буквоеда и дотошного приверженца строгих правил. Слабость Линкеи к кузенам — неминуемая чаша проживания и взросления с ними под одной крышей — рассеялась туманом в рассветных лучах озарения. Рейнольд — тот, кто взволновал ее так, как никто и никогда. Теперь все ее мысли были посвящены ему единственному.

Он остановил минивэн на обочине шоссе подальше от Уотерлу и, заглушив, улыбнулся Линкее:

— Не передумала?

— Ты же не хочешь, чтобы я передумала, — ответила она.

— С чего ты взяла?

— Глаза никогда не врут. А у тебя на лице написана мольба: «Пожалуйста, скажи, что все в силе!»

Рейнольд засмеялся и открыл дверь.

— Пересаживайся.

Он вышел и пока обходил машину, Линкея перебралась за руль. Оказавшись в водительском кресле, она едва сдержала восторженный писк.

— Учти, — с учительской важностью сказал Рейнольд, — это не учебная машина. Поэтому не вздумай игнорировать мои замечания, особенно касающиеся скорости. — Он выключил музыку и привлек внимание Линкеи.

Накрыв своей ладонью ее тонкую руку, он подтянул ее к ключу зажигания и принялся объяснять, как правильно заводить автомобиль и трогаться с места. Сначала Линкея почти не слышала наставлений Рейнольда, потому что от счастья у нее заложило уши, но постепенно она пришла в себя, и вскоре у нее стало получаться. Разумеется, машину дергало, болтало, и она ревела, словно крича от ужаса и надеясь, что скоро этот кошмар закончится.

Рейнольд не позволял Линкее разгоняться и не убирал своей руки с руля, сосредоточенно следя за дорогой и периодически выравнивая траекторию. Когда ей удалось набрать максимально разрешенную требовательным учителем скорость, Линкея спросила, можно ли ей покричать. Рейнольд засмеялся, но согласно кивнул, и принцесса завизжала, выпуская из себя бешеный поток эйфории.

Они припарковались где-то посреди поля на накатанной дороге, когда на Уотерлу опустилась ночь.

— Все, тормози, — скомандовал Рейнольд. — Выключи фары.

— Зачем? Мы разве не едем домой? — спросила Линкея, выполняя его просьбу.

— Хочу посмотреть на звезды, — улыбнулся он и вышел из минивэна.

Принцесса Эйлинкея смутилась, но тоже вышла. На улице заметно похолодало, в поле звонко и мурчаще пели цикады, устраивая настоящие хоровые концерты, а небо усеялось мириадами ярких мелких светил.

— Ты что, никогда не видел звезд? — хихикнула Линкея, приблизившись к Рейнольду.

Подняв лицо к небу, он с ностальгической сентиментальностью проговорил:

— В детстве я часто смотрел на звезды. Световое загрязнение Уотерлу лишило меня этого. А тебе разве не нравится ночное небо? Ведь оно потрясающее. — Рейнольд взглянул на Линкею.

В его больших темных глазах заискрилось отражение звезд, а на тускло освещаемом лице застыла неотразимая полуулыбка. Линкею окатило горячим потоком нежности и страсти. Шагнув назад, она скользнула по Рейнольду томным взглядом и произнесла:

— Нет. Здесь ты потрясающий.

Открыв дверь со стороны пассажирского сиденья, она села и, в попытках перевести дыхание, откинула голову на спинку. Рейнольд вернулся в минивэн чуть позже. Сев, он положил руки на руль и вцепился в него всеми пальцами. Минуту они оба сидели без движения, задыхаясь от неистового желания. Потом Линкея наклонилась, сняла босоножки и с грацией кошки перелезла на заднее сиденье. Рейнольд же боялся поднять голову и упрямо пялился на клаксон.

— Здесь и сейчас? — охрипшим голосом пробормотал он.

— Чем это место и время хуже остальных? — шепотом вымолвила Линкея.

Он нервно потер лицо, глубоко вздохнул и перелез к ней. Едва Рейнольд сел, как Линкея резво вскарабкалась к нему на колени и настойчивым поцелуем впиалась в его губы. В мгновение он стал горячее на все десять тысяч градусов, отчего у Линкеи перехватило дыхание. Его руки коснулись ее оголившихся бедер, и она позволила гладить и прижимать себя к твердому мужскому телу.

— погоди, — прерывисто дыша, прошептал Рейнольд ей в губы. — Ты уверена?

— Ты замолчишь или нет?

Линкея прижалась лбом к его голове и рукой залезла под его майку. Пальцами пройдясь по рельефам упругого живота, она снова поцеловала Рейнольда — еще жгуче и чувственней.

Действуя инстинктивно, он задрал ее платье и, быстро сняв его, дал себе секунду, чтобы посмотреть на красивое полуобнаженное тело в прилегающих к нему кружевах соблазнительного белья.

— Ты божественна, — произнес Рейнольд, крепче обняв Линкею и пальцами одной руки запутавшись в ее волосах.

Повалив ее на сиденье, он уже не мог погасить в себе огонь ответного желания. И от его ненасытности у Линкея туманилось в глазах. Опыренная, она трепетала под ним, жаждая любви. А когда терпение превратилось в невыносимую муку, Линкея стянула с Рейнольда майку и, кусая его губы, дрожащими от переизбытка непреодолимого вожделения руками принялась расстегивать ремень его джинсов.

Разделяя эту пламенную весеннюю ночь, в любовном безумии теряющую очертания, но наполняющуюся красками и счастьем, они сливались воедино дыханием, стонами, телами. Сладостный шепот Рейнольда, его плавные движения, обжигающие поцелуи и ласки

доводили Линкею до самозабвенного экстаза, вынуждающего ее стискивать зубы, чтобы не закричать. А после самого незабываемого в ее жизни секса она долго не могла вернуть себе способность управлять собственным телом.

Покурив, Рейнольд вернулся в машину и сел рядом с Линкеей. На нем были только наспех надетые джинсы с расстегнутой пуговицей и болтающимся ремнем, и этот вид вызывал у принцессы Эйлинкеля сытую улыбку.

Рейнольд явно был в замешательстве, но не знал, с чего начать разговор, поэтому Линкея заговорила первой.

— Тебя это беспокоит, да? — спросила она, догадываясь, о чем он задумался.

— Что? Нет! — опомнился он и взял ее руку в свою. — Мы живем в двадцать первом веке, а тебе не шестнадцать. — Рейнольд взглянул ей в глаза и все-таки спросил: — Но почему ты так долго морочила мне голову?

— Глупая была. Не знала, что теряю. — Линкея опять взобралась к нему на колени. — Зато теперь не остановишь. Ты отдохнул? Или еще надо время? Я девушка ненасытная, когда речь заходит о том, от чего я без ума.

— То есть...

— Да-а-а, — заулыбалась она. — Без ума от тебя.

Рейнольд заключил Линкею в свои крепкие объятия и снова захватил ее в пленительные сети страсти.

Ценцария, Эйлинкель

Подозрительность и ожидание подвоха застыли на лице Йена непроницаемой маской. У Микаэлы не вышло рассказать о себе в двух словах, и младшему племяннику короля Эйлинкеля пришлось слушать ее битый час, если не два. Микаэла потеряла ход времени в тот момент, когда назвала Йену свое настоящее имя и начала излагать историю своего рождения, семьи, взросления и нынешней жизни. Позже, когда она перешла к повествованию об их с Линкеей подмене, Йен уже метал глазами молнии.

Поднеся ему кружку воды, Микаэла грустно улыбнулась:

— Скажи хоть что-нибудь.

Ей составило большого труда во всем признаться. Она могла заявить Йену, что у него не в порядке с головой, и отшить его, но Микаэла решила покончить с ложью. Ей был необходим друг, которому можно довериться в борьбе за благополучие королевств и соблюдение Всемирного Соглашения о Мире и Достатке Ценцарии.

Холодно отодвинув от себя кружку, Йен неприязненно произнес:

— Ты лжешь.

Закатив глаза и тяжело вздохнув, Микаэла насильно сунула ему воду и развернулась. Комната тускло освещалась огнями редких факелов, горящих во дворе, что создавало мистическую атмосферу и делало рассказ Микаэлы неправдоподобным и даже причудливым. От утомительного разговора ей стало душно, и она подошла к террасе. Приоткрыв двери, Микаэла впустила в комнату прохладный ночной воздух.

— Я не верю в то, что ты говоришь об Альтмаре, — все так же враждебно добавил Йен, не вставая с диванчика. — На нем держится благополучие Эйлинкеля. Без Альтмара король не добился бы того, что мы имеем. Все развалилось бы еще в тот год, когда умер мой отец. В то время, как все королевство пребывало в трауре, хороня родных, Альтмар, вопреки тому, что лишился любимой жены, взял себя в руки и не позволил законам утратить силу. Он не дал жителям усомниться в могуществе короля Стефануса и развалиться Эйлинкелю. А ты смеешь говорить, что он аферист! — повысив голос, он встал. — Может, аферистка ты — та, что под видом принцессы проникла в замок и собралась замуж за принца Халагрохильда?!

— Я думала, ты умнее. — Микаэла покачала головой и, отойдя от дверей, села на край кровати. — Я здесь из кожи вон лезу, чтобы не ввергнуть Эйлинкель в войну, а в благодарность ты сравнял меня с проходимцами. Спасибо, — буркнула она, исподлобья покосившись на Йена. — К твоему сведению, я тоже не тащусь от того, что торчу здесь. У меня там мама, бабушка, брат, подруга, работа, в конце концов, которой я, вероятнее всего, уже лишилась из-за вашей белоручки Линкеи! Стыдоба, даже помыться без помощи прислуги не может! Хорошо, что накануне подмены я порвала с Рейнольдом. А то ваша жрица любви уже наверняка прыгнула бы к нему в койку. Не девушка, а мозоль!

— Приведи в доказательство своих слов хотя бы один весомый аргумент, — тихо, но строго потребовал Йен.

Микаэла напряглась, думая, как еще убедить его, что она не враг, и ухватила за хвост самую нелепую мысль:

— Помнишь, вчера за завтраком, когда я впервые познакомилась с вами, я сказала, что влюблена в Нолана?

— И что?

— Это Альтмар наговорил мне ерунды про неземную любовь Линкеи и Нолана. Видимо, он был уверен, что я такая же тупоголовая курица, как ваша принцесса. Вот только я не верю первым встречным. Я стала проверять все слова Альтмара. Ты сам ходил со мной к его подвалу. Там он признался, что наврал мне о Нолане, но сочинил очередную сказку про то, как Линкея собиралась отказать Алану из-за Лена... Мы с тобой отправились на его поиски, потому что только Лен мог развеять мои сомнения! И лишь тогда, в лесном домике, я узнала от тебя про Соглашение о Мире и Достатке Ценцарии! Неужели ты думаешь, что я планирую всю жизнь прожить под именем принцессы Линкеи? С ее-то подпорченной репутацией! Не обижайся, Йен, но она мне никуда не уперлась!

— Хочешь сказать, что выполнишь свой долг и со спокойной совестью вернешься в Атерлу? — Йен нахмурился.

— Уотерлу, — поправила его Микаэла. Конечно, нет! За какие-то два дня она поняла, что совсем не хочет возвращаться. Однако все было слишком запутано. С одной стороны, ей ничто не мешало остаться в Ценцарии, с другой — в Уотерлу у Микаэлы семья. — Какой долг? Меня затащили сюда насильно! Я никому ничего не должна!

— И все же тебя волнует наше благополучие. Ты сама так сказала.

Микаэла улыбнулась и потупила взор в пол:

— Я много раз представляла, как это будет. Но такого точно не ожидала. Да, Йен, если по моей вине кто-то пострадает, я не прощу себя. Именно поэтому я ищу Лена! И у меня недоброе предчувствие, что Альтмар замешан в его исчезновении.

Йен отставил кружку и, ногтем почесывая бровь, прошелся по комнате.

— Если все так, как говоришь ты, то почему ты сразу не рассказала обо всем королю?

— Хотя бы на секунду поставь себя на мое место и задай этот вопрос. Я двадцать лет жила, считая наш мир единственным во вселенной. А тут бац, и на мою голову обрушивается магическая Ценцария с псами на энергетических лучах вместо обычных цепей, ледяным замком с кастрюлей в качестве толчка и летающими однокопытными!

— Псами на лучах? — насторожился Йен.

— В подвале Альтмара сидит какая-то злая собака.

— Ах, да! Вчера он говорил, что Лен попросил его усмирить новую гончую. Все равно это неправильно! Официально невестой Аланнарвальда является Линкея!

— Еще нет, — вымолвила Микаэла. — Помолвка состоится завтра.

— Помолвка? — смутился Йен.

— В нашем мире перед свадьбой устраивается помолвка. Почти аналогичный с вашим обряд объединения пары. На этом торжественном мероприятии молодые люди публично сообщают о своем намерении пожениться.

— Аланнарвальд будет делать предложение Линкее!

— Я понимаю. — Микаэла совсем сникла. — А еще я знаю, что она терпеть его не может, и всю их супружескую жизнь они будут друг от друга нос воротить. Их объединят обязанности и рутина королевской жизни, но не любовь.

— Так говоришь, словно тебя это задевает, — подметил Йен, остановившись и вперив в нее внимательный взгляд.

— Очень мучительно быть вместе с нелюбимым человеком. Это высасывает жизнь.

— А ты вышла бы за Аланнарвальда ради гарантии благополучия Эйлинкея?

У Микаэлы заплыли щеки, и она порадовалась тому, что в полумраке Йен этого не

видел.

— В назначенный день я вернусь в Уотерлу, — сказала она. — Это неизбежно, потому что я не могу вот так внезапно бросить маму. Но если бы король согласился принять меня, я с радостью поселилась бы в Ценцарии.

Глубоко вздохнув, Йен опять сел на диван.

— Ты права. Все слишком запутано.

Микаэла окинула его робким взглядом и поинтересовалась:

— Как ты догадался?

— Следовало сделать соответствующие выводы раньше, исходя из твоего странного поведения. Я был недальновиден. Мне потребовалось больше признаков отличия. Ты не поддавалась на состязании по стрельбе и искренне радовалась попаданию в дерево. В дерево! Линкея выдрала бы на себе волосы за такой промах. А еще у тебя шрам на ноге.

— Да. Полгода назад меня укусила собака.

Йен, замолчав, задумался, и стало ясно: он начал отходить и смягчаться.

— Утром мы все расскажем королю Стефанусу, — принял он безоговорочное решение. — На кону будущее двух королевств. Нельзя строить его на лжи.

— Ладно. — Микаэла покивала, находя в словах Йена зерно здравомыслия и главный для себя плюс — о ней узнает принц Аланнарвальд! Ей хотелось иметь преимущество над Линкеей.

— Ты же сказала мне правду?

— От начала и до конца. Альтмар обзавидуется.

— Вот завтра и выясним, насколько ты была честна в своей исповеди.

— Мне больше нечего скрывать, — тверже подтвердила Микаэла. — Детектор лжи в виде твоего сурового допроса я прошла.

— Извини. Мне сложно сейчас быть спокойным и объективно оценивать сложившуюся ситуацию, — ответил Йен, встав и направившись к двери. — Наверное, станет проще после разговора с королем. Возможно, я пожалею о своем недоверии и грубости. Как, ты сказала, тебя зовут? Микаэла?

— Можно просто — Мик.

— Спокойной ночи, Мик.

Йен вышел, а она надула губки и проворчала:

— Да-а-а, не на такой «теплый» прием я рассчитывала. Хорошо эта подстилка Линкея обработала своих братцев-акробатцев. Качественно. Какие же мужчины все-таки безмозглые.

Закрыв двери террасы, Микаэла залезла под одеяло и попыталась выбросить из головы пустые переживания. Ей было нечего бояться. Она даже обрадовалась тому, что Йен догадался о подмене, иначе обман, выедающий ее изнутри, мог обрасти комом противоречий и интриг. Единственный, кто по-прежнему тревожил Микаэлу, — это Альтмар. Она не знала, как доказать его корыстные цели. Очевидно же, что сам маг свою вину опровергнет.

«Зато он не помешает помолвке и свадьбе, — подумала Микаэла. — Свадьбе Алана и Линкеи». От этой мысли ей стало горько. Принц Халагрохильда слишком метко стрелял, и одна из его стрел попала прямо в сердце Микаэлы.

Йен пришел в комнату Линкеи вскоре после первых криков петухов. Микаэла успела привести себя в порядок и морально подготовиться к серьезному разговору с королем. Но Йен не спешил тащить ее к своему монаршему дядюшке. Сосредоточенно посмотрев на Микаэлу, он вдруг улыбнулся и произнес:

— Не сбежала? Значит, правду сказала.

— Ты что, проверял меня?

— А теперь ты поставь себя на мое место и подумай, как поступила бы ты? — В его светлых глазах заискрилось лукавство.

— Негодник, — улыбнулась Микаэлы. — Ты негодник! — Стащив с кровати подушку, она замахнулась и кинулась на Йена. — Стой, паршивец! Ты мне всю душу вытряс!

Засмеявшись, Йен стал прыгать по комнате, избегая ударов подушкой.

— Погоди, погоди, Мик! — Он поймал Микаэлу за руку и задержал. — Мы расскажем королю. Но не сейчас. В замок прибывают гости. Все готовятся к балу. Сыграй роль Линкеи еще один раз, чтобы миновать нежелательных пересудов. А завтра мы поговорим с королем Стефанусом и их величеством королем Яруэлем и королевой Эллиадой. Пусть они решают, как быть дальше.

— И с Аланом, что немаловажно, — уточнила Микаэла.

— Да ты прямо светишься, когда речь заходит о нем, — хитро подметил Йен.

Она опустила лицо и, отвернувшись, бросила подушку на кровать. От волнения у Микаэлы участилось сердцебиение.

— Я помню, чей он жених, — вымолвила она и, вздохнув, опять повернулась к Йену. — Ну что, идем завтракать?

— Ночью я почти не сомкнул глаз: изучал подпункты положений и законов Соглашения о Мире и Достатке Ценцарии. И-и-и... — Йен вынул из внутреннего кармана камзола свиток. — Тебе будет интересно то, что я обнаружил. Не имеет значения, на какой принцессе Эйлинкеля женится принц Халагрохильда. Главное — объединить земли. Если король Стефанус объявит тебя законной принцессой нашего королевства, то Аланнарвальд вправе изменить выбор невесты.

Микаэла озарилась улыбкой, но быстро погрузилась в грусть:

— Я его толком не знаю. Да и потом, наверняка это следует сделать до помолвки.

— Это можно сделать даже накануне свадьбы. Подумай, Мик. — Йен подал ей свиток. — Из тебя выйдет отличная королева. Тебе лишь нужно определиться, в каком мире ты хочешь жить.

— Вот это выбор, — проговорила она, глядя на рулончик грубого пожелтевшего полотна.

— И сделать его можешь только ты, будучи необремененной обязанностями перед Эйлинкелем.

— К счастью, у меня есть время подумать, — улыбнулась Микаэла и, отложив свиток на кровать, отправилась с Йеном в приемный зал, где был накрыт длинный стол.

Здесь собрались все те, кто уже прибыли на бал — короли и королевы разных держав, их дети, братья и сестры, кузены и кузины, племянники и внуки, даже любовницы и незаконнорожденные отпрыски. Йен вкратце представил Микаэле тех, кого знал, пока их не

заприметили. Потом ей пришлось приветствовать каждого гостя и уделять ему хотя бы минуту своего драгоценного внимания.

— Я не верю, что все они искренне рады этой свадьбе, — прошептала она Йену на ухо, когда их на мгновение оставили в покое.

— Они искренне рады, что очередные королевства скрепляются родственными узами. От этого зависит политическая стабильность во всей Ценцарии.

— Ваше высочество, — отвлек ее до мурашек знакомый голос. Принц Аланнарвальд, представ перед Микаэлой собственной персоной, взял ее за руку и почтительно поцеловал.

— Прошу прощения, — произнес Йен, пятясь назад. — Мне нужно отойти.

Микаэла, вмиг потеряв дар речи, немигающе посмотрела в яркие глаза принца.

— Как спалось? — полюбопытствовал он.

— Э-э-эм... Крепко. — Микаэла наконец отмерла. — Чуткий сон не для меня.

— А мне так и не удалось уснуть.

— Извините, — виновато сказала она. — Наверное, вы сильно продрогли во время полета и не смогли согреться.

— Нет, — улыбнулся Аланнарвальд. — Я не смог остыть. После вашего ухода.

У Микаэлы отстегнулись ноги. Все вокруг завертелось волчком, и она трижды мысленно прокляла принца за то, что он лишает ее рассудка.

— Боюсь, после нашей свадьбы вы окончательно отнимите у меня покой и сон, — добавил он, подставляя ей свой локоть.

Она нервно и неестественно хохотнула и ляпнула первое, что слетело с ее языка:

— Да, храплю я здоровски.

Аланнарвальд засмеялся и спросил:

— Как вам это удается?

— Что?

— Раскрепощать людей, скрашивать мрачность и разряжать напряженную атмосферу.

— Не знаю. — Она пожала плечами, идя вместе с ним к столу. — Может, я не из этого мира.

Со всех сторон слышался шепот и воздыхания: «Какая красивая пара», и Микаэла зарделась от смущения. Она была уверена, что села за стол красной, как помидор. А во время завтрака ей кусок в рот не лез от пристального внимания принца и его игривой улыбки, появляющейся тогда, когда Микаэла позволяла себе робко взглянуть на него. Она кое-как дождалась, пока все наедятся и начнут расходиться, и поспешила к выходу, но все же была остановлена Аланнарвальдом.

— Могу я пригласить вас на прогулку по саду, ваше высочество? — спросил он.

— Я бы с удовольствием, — призналась она. — Но мне пора на плетение. Моя прическа отнимет у меня добрую половину дня.

— Очень жаль, — опечалился принц. — Хорошо, что в будущем у нас будет достаточно времени для совместных прогулок.

«Ага! — с обидой подумала Микаэла. — С Линкеей!»

— Тогда увидимся на балу, — улыбнулся Аланнарвальд. — Я буду в платье, — засмеялся он.

Она оценила его шутку, вспомнив, как на вчерашнем состязании назвала его камзол платьем, и тоже засмеялась. Принц снова поцеловал ее руку, и Микаэла помчалась дальше. На выходе из зала она не удержалась и обернулась. Аланнарвальд не отвлекся на общение с

гостями, а стоял на своем месте и зачарованно смотрел ей вслед. Еще раз улыбнувшись ему, Микаэла направилась в покои Линкеи.

Укладка волос в замысловатую прическу обошлась Микаэле в массу болезненных ощущений. Пряди тщательно вычесывали, вытягивали, вплетали так, что у нее глаза вылезали из орбит. И хотя конечный результат пришелся Микаэле по душе, впредь она решила не экспериментировать с прическами затейливых форм.

Затем она подверглась обтиранию душистыми водами, натиранию эфирными маслами, припудриванию и нанесению ценцарской косметики на лицо. Поначалу содержимое склянок не произвело положительного впечатления, но позже Микаэла по достоинству оценила безукоризненность макияжа. Собственное отражение в бронзовом зеркале вынудило ее оставить все печали и заботы и помечтать о предстоящем бале.

«Ну хоть на гейшу не похожа!»

Прежде чем облачиться в платье, Микаэла выпила чаю в окружении лин и поспрашивала их об этикете. Наивные служанки, польщенные тем, что сама принцесса Линкея внезапно снизошла, чтобы узнать их совета, не заметили хитрости, а одна лина даже продемонстрировала правильный реверанс.

Проводя в комнате Линкеи этот долгий день, Микаэла то и дело поглядывала на свиток Йена и тяжело вздыхала. Она не знала, признает ли король Стефанус ее второй принцессой Эйлинкея, как отреагирует мама на ее выбор, а главное — что решит Аланнарвальд? Принц ей нравился. Конечно, она не потеряла из-за него голову, но он заставлял ее сердце замирать. А вдруг это обычная влюбленность, которая пройдет так же внезапно, как возникла? Микаэла не могла выйти замуж за незнакомца! Урока по стрельбе из лука, ночного полета на пегасе и короткой беседы у камина слишком мало, чтобы узнать человека. На Рейнольда у нее ушло шесть месяцев.

«Кого я обманываю! — подумала она, делая глоток травяного чая и поверх чашки смотря на свиток. — В будущем с Рейнольдом я засомневалась в первые дни нашего знакомства. А до него вообще ни с кем не встречалась. Майк с его неуклюжим медляком и слюнявым поцелуем на дискотеке в выпускной вечер не в счет. Его вообще давно пора забыть!»

Микаэле повезло, что ей не пришлось встречать прибывающих гостей и любезничать с ними. Этим занимались король, Йен и Альгмар. Она лишь периодически выходила на террасу, тепля в себе надежду увидеть единорога, грифона или какого-нибудь, пусть даже самого щупленького птеродактиля. К ее разочарованию, никакие животные-гибриды в замок больше не являлись, и к счастью, кикиморы, лешие и водяные тоже.

День клонился к вечеру. Небо обратилось в багряное зарево, похожее на пылающий костер. С юга подул теплый ветер, и лина, одевающая Микаэлу, с улыбкой сказала:

— Лето прогоняет весну. Сама богиня Солнца благословляет ваш с принцем Халагрохильда союз.

Микаэла улыбнулась служанке в знак благодарности за лестные слова, но мысленно раздосадовалась, что она по-прежнему играет роль Линкеи.

Тугой корсет платья подчеркнул аппетитную грудь и тонкую талию Микаэлы, а широкие лямки из полупрозрачного шелка нежно легли на ее изящные плечи. Зону декольте украсило тяжелое сверкающее ожерелье, а в прическу добавилась диадема. Пышные юбки заструились волнами, когда Микаэла закружилась, чтобы проверить, насколько прочно на

ней сидит платье. Засмеявшись от счастья, она увидела неподдельный восторг в лицах лин.

— Вы неотразимы, моя принцесса, — улыбнулась одна из служанок, поднося Микаэлу расшитые драгоценными камнями туфли.

— Спасибо, — ответила она.

Обувь все же слегка омрачила ощущение ее полной уверенности. Теперь Микаэла не сомневалась в их с Линкеей разнице размера ноги. Во имя будущего Эйлинкея, а возможно, и своего собственного, она решила потерпеть. К тому же ее окрыляла мысль о скорой встрече с Аланнарвальдом.

В дверь постучались, когда лины наносили последний штрих — прицепляли шлейф к платью. Микаэла позволила войти, и в комнату заглянул Альтмар. Увидев мага, она закатила глаза и пробурчала:

— За коим черти тебя приволокли?

— Ваше высочество. — Альтмар учтиво поклонился.

Микаэла обратилась к линам:

— Девочки, выйдите, пожалуйста. Нам с советником необходимо кое-что обсудить.

Служанки с поклоном удалились и прикрыли за собой дверь. Маг проводил их внимательным взглядом и, пройдя на середину комнаты, произнес:

— Хорошо выглядите, ваше высочество.

— Ближе к делу, — попросила Микаэла.

— Лен вернулся.

Она воодушевилась и шагнула к Альтмару.

— Где он?!

— Тсс... — Он приложил палец к губам. — Он не хочет, чтобы его видели. Лен почти трое суток провел в лесу. Голодный, грязный, уставший. Ему не до приема.

— Я хочу увидеться с ним.

— Увидитесь. — Маг обещающе кивнул. — Позже. Вам пора в зал. Все уже собрались.

— Тогда зачем ты пришел? — насторожилась Микаэла.

— Сообщить о Лене. — Альтмар непонимающе развел руками. — Ведь вы желали с ним пообщаться. К слову, мой визит также касается вопроса об отказе принцу Аланнарвальду. Вы же помните наш уговор? Линкея и Лен на вас рассчитывают.

Микаэла пытливо всмотрелась в темные глаза мага. Нутро подсказывало ей, что он лжет. Альтмар изнывал от желания подчинить Микаэлу. Она не поддавалась, а на носу бал. Он все просчитал и пустил в ход козырь — Лена.

— Да, советник, — коварно улыбнулась она. — Я все прекрасно помню.

По его лицу скользнул лучик облегчения. Микаэла была готова поклясться, что от прыжков радости Альтмара удержало только ее присутствие.

— Проводите меня в зал? — спросила она, протянув вперед руку.

— О, да, конечно! — Маг поклонился и, подставив ей локоть, повел ее к собравшимся гостям.

Микаэла надеялась увидеть мерцающий огнями и золотом зал, но наткнулась на плотную толпу элитных особ в дорогих платьях и костюмах. Едва она появилась на пороге арочного дверного проема, как все умолкли и отвлеклись друг от друга. Десятки приветственных взглядов сфокусировались на Микаэле. Альтмар медленно отошел в сторону, а она, глубоко вздохнув, нервно улыбнулась и шагнула вперед. Гости расступились, как воды Красного моря, когда в них вошел Моисей, а их одобрителный шепот напомнил

Микаэле журчание ручейка. Идя вперед, она время от времени кивала улыбающимся гостям и выискивала среди них знакомые лица. Наконец Микаэла увидела Йена, но не рискнула подойти к нему, тем более секундой позже ее взору предстал принц Аланнарвальд. Позади него на тронах восседали король Стефанус, король Яруэль и королева Эллиада, но Микаэла больше никого не замечала. Ведомая манящей улыбкой принца, она приблизилась к нему и сделала реверанс. Аланнарвальд поклонился в ответ, а потом чуть подался вперед и произнес:

— Боялся, что вы передумали, ваше высочество.

— А я еще ни о чем и не думала. Разве был повод? — улыбнулась она.

— Принц Халагрохильда Аланнарвальд и принцесса Эйлинкея Линкея! — звонко объявил церемониймейстер ради последовавших за этим бурных аплодисментов.

Аланнарвальд и Микаэла несколько раз поклонились залу и повернулись к королям.

— Ваше величество король Стефанус, — начал принц, заложив руки за спину, — позвольте попросить у вас руки вашей дочери, единственной наследницы престола Эйлинкея, принцессы Линкеи.

От смеси противоречивых чувств Микаэлу замутило. Потупив взор в пол, она прослушала речь короля и очнулась, когда Аланнарвальд обратился непосредственно к ней. Торжественно держа перед собой подушечку в красном бархате, придворный инлуг поднес ее к молодой паре, и Микаэла увидела фамильный перстень королевы Эллиады.

Аланнарвальд взял украшение, по-джентельменски встал на одно колено и, глядя Микаэле в глаза, заговорил:

— Ваше высочество принцесса Линкея, согласны ли вы стать моей верной спутницей по жизни и надежной помощницей в правлении наследия наших праотцов — королевств Халагрохильда и Эйлинкея — ради сохранения мира и достатка Ценцарии?

Его глаза излучали восхищение, а взгляд был полон хмельного ликования, отчего Микаэла окончательно запуталась. Насколько сильно принц любил свою державу, раз осмелился жениться на нелюбимой? Или все изменилось после их знакомства? Кого он видел в Микаэле?

Разволновавшись, она растерянным взглядом прошлась по лицам притихших гостей и, увидев Альтмара, встрепенулась. Маг, соединив ладони на уровне груди, перебирал подушечками пальцев и предвкушал смелый отказ Микаэлы.

Она вновь посмотрела на Аланнарвальда и, улыбнувшись, кивнула.

— Да, — шепотом ответила она и громче добавила: — Согласна.

Принц расцвел победной улыбкой и, надев перстень на палец Микаэлы, поцеловал ее руку. Как только он встал и они повернулись к гостям, зал опять взорвался аплодисментами и возгласами поздравлений. Музыканты открыли бал плавной, размеренной мелодией, и Аланнарвальд потянул Микаэлу в центр зала. Она заметила, как помрачневший от ужаса и злости Альтмар попятился назад, слился с толпой и вскоре исчез, но не стала придавать этому большое значение. У нее все еще оставалось преимущество над ним, о котором он не знал.

Не успела Микаэла опомниться, как подбежавшие к ней лины отцепили шлейф платья, чтобы он не мешал танцевать, а Аланнарвальд положил свою ладонь на ее талию. Он встал слишком близко, отчего Микаэле стало тяжело дышать.

— Это ненадолго, — улыбнулся он и закружил ее в вальсе.

Постепенно она расслабилась, отвлеклась от нехороших мыслей и полностью отдалась

во власть гипнотической мелодии и лучезарного взгляда Аланнарвальда. Улыбка не сходила с его лица, и Микаэла почувствовала себя не просто принцессой, а настоящей королевой. Это было сродни свежему глотку воздуха после изнуряющей духоты. Микаэла словно очнулась и наконец поняла, что три дня в Ценцарии для нее намного ярче и милее двадцати лет в родном мире.

«Не вернусь, — думала она, не сводя глаз с очаровательного лица принца. — Ни за что не вернусь!»

Когда музыка стихла, гости очередной раз одарили молодых овациями, и те смогли отдохнуть от пристального внимания.

— К столу? — спросил Аланнарвальд.

— Нет, я бы подышала, — ответила Микаэла.

— Хорошо. — Принц огляделся и, взяв ее за руку, повел ее к узкой служебной двери.

Им удалось скрыться из вида и выскользнуть в сад, где Микаэла села на качели и издала глухой стон.

— Что-то не так? — обеспокоился Аланнарвальд.

— Туфли. Они мне малы, — призналась она.

Принц улыбнулся и, сев на корточки, осторожно снял с ее ног тесную обувь.

— О, спасибо. — Микаэла покраснела от смущения, но вряд ли Аланнарвальд это заметил из-за тусклости ночного освещения.

— Прекрасный вечер, — произнес он, выпрямившись. — Скоро лето. Как у вас с охотой в летние месяцы?

— Удачно, — коротко ответила она, понятия не имея, как тут с охотой в любое время года.

— А я слышал, вы с Леном отдаете предпочтение поздней весне и ранней осени. Видимо, иногда к слухам нужно относиться скептически, согласны?

— Угу, согласна. — Напрягшись, Микаэла кивнула, понимая, к чему клонит принц.

— Но и они не берутся с пустого места, не так ли?

— Так вот в чем дело. — Она встала и, собравшись с духом, подняла лицо. — Вы безупречный актер, ваше высочество. Я почти поверила. — Эти слова отразились болью, которую Микаэла всячески старалась заглушить.

— Вам тоже позавидуют актрисы любого придворного театра, — холодно ответил Аланнарвальд. — Сколько же в вас упрямства и терпения, раз вы сумели временно подавить в себе легкомыслие и невежество. Другой на моем месте поверил бы в вашу наигранную невинность и чистоту. Но не будем лукавить. Мы оба знаем, что вы олицетворяете.

И хотя принц обращался к Линкее, Микаэла не выдержала и, замахнувшись, наградила его пощечиной. Аланнарвальд замолчал, повел челюстью и пронзительно взглянул на Микаэлу. Стиснув от обиды зубы, она так ничего и не ответила. Мгновенье она смотрела на принца и, сорвавшись с места, побежала во двор.

Ее задушил горький ком, застрявший в горле, а глаза защипало от подступивших слез. Мысленно ругая себя за святую простоту, Микаэла босыми ногами бежала по холодной каменной плитке куда глаза глядят, пока не оказалась перед флигелем, ведущим в подвал Альтмара. Сам маг, свесив голову, сидел на ступенях небольшого крыльца. Микаэла остановилась в нескольких шагах от него и попятилась назад.

— Что же ты наделала? — вымолвил Альтмар, поднимаясь на ноги и материализовывая в ладони энергетический шар. — Мы же договорились, — сквозь зубы процедил он, взглянув

на Микаэлу.

— Покажите мне Лена, — потребовала она, все еще настороженно пятясь, — и я аннулирую согласие!

— Лена? — с пугающей маниакальностью засмеялся Альтмар и двинулся вперед. — Он всегда был здесь. В моем подвале. Ты видела его.

Микаэлой овладел дикий ужас. Осмотревшись, она увидела, что во дворе и на сторожевых башнях нет ни единого шерлуга, будто вмиг все куда-то запропастились. Закричав, она могла дозваться Аланнарвальда, но не была уверена, что принц по-прежнему в саду.

— Придется посадить тебя рядом с ним, — осклабился маг, увеличивая размер шара.

— Что? — охрипшим голосом переспросила Микаэла. — О, Боже... Тот пес...

Осознав, что этот психически нездоровый человек вот-вот превратит ее в собаку, Микаэла развернулась и побежала со всех ног. Спиной почувствовав, как к ней стремительно приближается стрела неведомой силы, она инстинктивно обернулась и выставила перед собой ладонь. Задержав энергетический шар в дюйме от себя, Микаэла остолбенела, пораженная странным рефлексом. Бессознательно сжав ладонь в кулак, она увидела, как рассыпался на искры и погас энергетический шар, а Альтмар побледнел пуще прежнего.

— К-как? — выговорил он, неспособный пошевелиться.

Микаэла расслабила задрожавшую руку и испуганно уставилась на ладонь.

— Откуда?! — взревел маг, кинувшись на нее. — ОТКУДА У ТЕБЯ СИЛА МИРЫ?!

Резко подняв обе руки, Микаэла, не отдавая себе отчета, материализовала энергетический шар ярко-синего цвета и запустила его в Альтмара. Того отбросило на несколько футов и припечатало к земле. Скорчившись, маг завыл от боли, но скорее от душевной, чем от физической.

— Полный абзац, — прошептала Микаэла, рассеянно глядя на свои руки. — Ты... как? — спросила она, вытянув шею, чтобы разглядеть Альтмара.

Но тот зарыдал, точно ребенок.

Микаэла судорожно сглотнула и, поежившись от неясного всплеска неизвестной ей ранее внутренней энергии, обратила внимание на неохраемые ворота. Дорожа каждой секундой, любая из которых могла обернуться очередным для нее ударом, Микаэла помчалась вон со двора — подальше от Альтмара, Йена, Аланнарвальда и всех королевских интриг, подальше от самой себя.

«Сила Миры», — пульсировало в ее голове с каждым новым шагом.

«Именно Мира была самой могущественной магией Ценцарии, а Альтмар не владел и десятой долей ее силы. Все последующие годы после ее смерти он стремился стать ей ровней, копаясь в ее письменах и колдовских книгах», — всего два дня назад поведал Микаэле Йен. Тогда же он рассказал, что к концу жизни у Миры не было силы, потому что она передала ее кому-то другому задолго до своей смерти.

«Но как?» — Этот вопрос обескуражил не только Альтмара, но и саму Микаэлу.

— Он ошибся, — сбивчиво дыша, успокаивала она себя. — Ошибся... Ошибся...

«Мира не могла передать мне силу! Что за глупости?! Почему она проснулась только сейчас?!» Не оборачиваясь, Микаэла забежала в лес и ускорила, оставляя позади высокие стены замка с его тайнами и фарисейством. Она не заикливалась на сырой траве, острых ветках и скользком мхе, колющими и саднящими кожу ее босых ног. Она просто бежала, пока не запнулась о корягу и не упала лицом в землю.

— О-хо-хо! — раздался неприятный слуху мужской голос. — Так-так-так, посмотрим-ка, кто у нас тут?! — Кто-то грубо схватил ее за руку и силком поднял на ноги.

Микаэла помотала головой и увидела, как со всех сторон ее обступают грязные оборванцы с факелами и кинжалами.

— Так это же принцесса его величества короля Стефануса! — выкрикнул плешивый старик с кривыми, редкими и потемневшими зубами.

— Точно-точно, она! — подтвердил другой.

— Да, она! Линкея! Та сучка, которая всем улыбается, но дает только избранным!

Кучка разбойников загалдела, и Микаэлу схватили за волосы. Не веря в происходящее, она попыталась вновь материализовать энергетический шар, сбивший с ног Альтмара, но у нее ничего не получилось.

— Что ж, принцесса Линкея, — прошипел над ее ухом, судя по всему, главарь этой бандитской шайки. — Пошалим? — он обдал ее лицо зловонным дыханием и потащил Микаэлу к клетке из толстых прутьев.

Забрыкавшись, она вцепилась в руку торлуга и расцарапала ее. Тот приставил к ее шее заточенное лезвие острого кинжала и рыкнул:

— Будешь дергаться, отымею прямо здесь и выпотрошу!

Толкнув Микаэлу в клетку, он запер узкую дверцу и скомандовал:

— В лагерь ее!

Не в состоянии даже выпрямиться во весь рост, Микаэла опустилась на колени и в отчаянии выругалась:

— Зашибись!

Клетка представляла собой неровный куб со стенками из частых прутьев, соединенных между собой бечевкой. На вид она казалась хлипкой, однако выдержала вес Микаэлы, когда ее подняли четверо торлугов. Скрип напугал неудавшуюся принцессу Эйлинкеля. Она посмотрела вниз и побоялась, что вывалится вместе с дном, но плешивый, будто прочитав ее мысли, засмеялся:

— Не страшитесь, ваше высочество. Рано еще. Рано.

Чтобы удержать равновесие в покачивающейся из стороны в сторону клетке, Микаэла обеими руками вцепилась в прутья. От ответа на угрозу старика она воздержалась. Да и что она могла сказать? «Ты за это заплатишь!» Подобное звучит эффектно только в кино. В реальной жизни такая фраза не несет ровным счетом ничего, кроме повода поржать.

Вскоре от запаха немых мужских тел, гнилой прошлогодней листвы, плесени и дыма от коптящих факелов у Микаэлы засвербело в носу. Торлуги травили непристойные шуточки, пили хмельное из фляжек, вынимали грызунов из расставленных ловушек и запихивали их в мешки.

Какой бы прекрасной ни была страна, всегда найдутся те, кто пойдет против правил. Никто не мешал этим мужчинам честно работать, жить в городах родного королевства и обзаводиться нормальными семьями. И все же они сделали свой выбор — стали разбойниками. Вместо того, чтобы беспокоиться о себе, Микаэла размышляла о том, почему каждый из этих людей пошел по скользкой дорожке. Здесь были молодые и старые, высокие и коротышки, худые и полные — абсолютно разные мужчины, отрекшиеся от законов Эйлинкеля.

Прочистив горло, Микаэла осмелилась задать вопрос:

— Вы же понимаете, что ждет вас за мое пленение? Наверное, вы уверены, что ради моего спасения король выполнит ваши требования. Но что будет потом?

— У вас прелестный ротик, ваше высочество, — сплюнул главарь. — Позже им поработаете. Не напрягайте мышцы без толку.

— У нас нет требований, — по-шакальи хихикнул старик. — Вы наш трофей, ваше высочество, еще не поняли?

«Трофей!» — Перед глазами Микаэлы пронеслись пугающие картинки с чучелами зверей, их шкурами и головами в комнатах изысканных домов, с ожерельями из зубов и скелетами на веревочках.

— У нас напряженно с женщинами, — уточнил идущий рядом с клеткой парнишка. — Вы станете жемчужиной лагеря...

— Гарема! — рассвирепев, заорала Микаэла. — Отпустите меня немедленно! Вы захватили не ту! Я не принцесса!

«Куда же делась твоя смелость, королевна?! Жрать молочных поросят и плясать с принцами на балах ты принцесса, а как жареным запахло — все, голову в песок!»

— Не принцесса, говорите? — ухмыльнулся главарь и жестом руки остановил мужчин, тащащих клетку. — Предположим, платье и украшения вы украли. А лицо? Саморосло?

Торлуги затрубили издевательским хохотом.

— Вам же сказали, мы не собираемся вас продавать. У нас иные планы. — Главарь окинул Микаэлу похотливым взглядом, и ее понесли дальше.

— Вы пожалеете, если хоть пальцем тронете меня! — не унималась Микаэла, начав корить себя за то, что сбежала из замка, вместо того чтобы обратиться за помощью к близкому другу — Йену.

— А вы пожалеете, если не замолчите, ваше высочество, — ответил ей главарь. — Или вы желаете, чтобы я запихал в ваш рот...

— Заткнись! — зарычала она.

— ...кляп? — договорил он.

Микаэла стиснула зубы и, зажмурившись, стукнулась лбом о прутья. Даже Альтмар выигрывал на фоне этих негодяев. Ценцария показала ей свою обратную сторону — неприглядную и порочную. Микаэла с тоской вспомнила Айка и его ретривера. Она все отдала бы, чтобы прямо сейчас телепортироваться в Уотерлу и до конца своих дней мириться с задиристым братцем и его псиной.

— Далеко ваш лагерь? — едва слышно спросила она.

— К утру дойдем, — ответил ей плешивый.

— Там есть другие женщины?

— И дети. Вы же знаете, ваше высочество. Зачем спрашиваете?

— Память отшибло.

— У королевских персон такое случается, — с горечью ухмыльнулся старик. — Народ взбунтовался: потребовал перестать содержать арестантов в темницах за счет королевской казны. А король Стефанус прослыл добрячком. Вот и пошел на поводу у жителей Эйлинкеля. Стал отправлять осужденных в восточные леса, кишацие дикими хищниками. Разве вы не знали о такой мере наказания, как изгнание?

— Эй, пень! — сделал ему замечание главарь. — Залепи расщелину, пока последние зубы в сугровых кустах не посеял! И завяжите принцессе монокли! Не на что ей тут глядеть.

Клетку опустили на землю грубо, без малейшего намека на пощаду. Не дав Микаэле ни минуты, ее вытянули через узкую дверцу. Зацепившаяся за торчащий в одном пруте сучок юбка сбила ее с ног. Микаэла снова упала, но ее быстро подняли на колени. Пока варвары решали, какой тряпкой завязать ей глаза, главарь обошел ее по кругу и, подцепив кончиком кинжала ожерелье, разорвал его. Старик поднял испорченное украшение с земли и незамедлительно сунул его в мешок. Главарь тем временем сорвал с головы Микаэлы диадему, испортив при этом прическу, и сосредоточенно посмотрел на перстень на ее пальце.

— Не отдам, — фыркнула она, пряча руку за спину.

Микаэла была зла на принца Аланнарвальда, но не могла позволить торлугам отнять у нее фамильное украшение королевы Эллиады.

Главарь опустился перед ней на корточки, когтями поскреб щетинистую щеку и оскалился:

— Тиб!

Микаэла старалась не думать об острие его кинжала, сверкающего в свете огней факелов.

— Тиб! — грознее повторил главарь.

Из толпы торлугов вышел высокий молодой человек. Он заметно отличался от остальных — выглядел чище, солиднее, спокойнее.

— Забери у нее перстень!

Тиб нервно покивал и, виновато потупив взор под ноги, двинулся на Микаэлу. Она

поползла назад.

— Смелее, Тиб! Я не собираюсь возиться с ней до утра, — подгонял его главарь.

Парень, не поднимая лица, кинулся на Микаэлу, силой перевернул ее на живот и, заломив руку, снял перстень. Брыкаясь, визжа и извиваясь, Микаэла ничего не добила. Тиб отдал украшение главарю, и тот, повертев его в руке, надел перстень на свой мизинец.

— Красивая вещица, — улыбнулся он во весь рот. — Кончайте с ней. Надо идти дальше.

Плешивый наконец определился, чем завязать Микаэле глаза. Выбрав для этой цели старый, поеденный молью платок, он подошел к ней и протянул руку, чтобы помочь подняться. Микаэла окинула главаря негодующим взглядом и, отказавшись от помощи старика, сама встала на ноги.

— Отойти от нее, торлуг! — будто гром прогремел смелый приказ Йена.

Микаэла обернулась. В нескольких футах от нее верхом на коне восседал младший племянник короля. Позади него из ночного мрака один за другим выходили шерлуги, вооруженные мечами, луками и копьями. Торлуги зашипели и зазвенели клинками. Они торопливо сомкнулись плотным кольцом, закрыв собой Микаэлу, и вознамерились атаковать.

«Класс! — закатив глаза, подумала она. — Теперь из-за меня еще и прольется кровь!»

— Нет! — вскрикнула Микаэла, озираясь по сторонам. — Я не стою того, чтобы из-за меня драться насмерть! Очнитесь!

Ее никто не слышал. Торлуги не двигались с места, а шерлуги медленно обступали их со всех сторон.

— Да вы психи, — задрожав от ужаса, пробормотала она.

В какой-то момент все стихло, а потом резкий порыв ветра затушил огонь почти всех факелов. Площадку осветило серебристое сияние зависшего над верхушками деревьев пегаса. Едва Микаэла подняла лицо, как к ней спрыгнул сам принц Аланнарвальд. Точным взмахом меча он избавился от веревки, опоясывающей его грудь, и взглянул на Микаэлу. Не успела она сказать ему что-нибудь обидное и колючее, как торлуги завопили:

— В бой!!!

— Надеюсь, в морской, — пролепетала Микаэла за мгновение до разразившегося оглушительного лязга.

— Держитесь за мной, ваше высочество. — Аланнарвальд схватил ее за руку и затащил за свою спину.

Растерявшись в мешанине, Микаэла попыталась сосредоточиться на ком-то одном, но все завертелось в хаосе. Крики шерлугов, рыки торлугов, ржание абов и стоны раненых давили на ее барабанные перепонки отголосками смерти, а запах крови, вскоре ударивший в нос, доказал, в какой опасной заварушке она оказалась. Микаэла пятилась назад, пока не уперлась спиной в мощный ствол дерева. Все это время сопровождающий ее Аланнарвальд отбивался от любого нападающего. Он ловко орудовал мечом, с проворством отражая сыплющиеся удары.

У торлугов не было шлемов и доспехов, зато они обладали маниакальной агрессией и дерзостью, снова и снова бросаясь на королевский конвой.

Йен тоже не прохлаждался в стороне, а смело сражался за спасение Микаэлы, пока она все крепче жалась к дереву, словно силясь выдавить в стволе трафарет своей фигуры.

Некоторые раненые торлуги кинулись врассыпную в первую минуту боя, но большинство продолжало атаковать. Они напоминали Микаэле стаю разъяренных волков,

воюющих за добычу в голодное время.

Загнанная в тупик, она блуждающе таращилась на поле боя, где дерущиеся смешались в сплошную свалку. Микаэла была уверена, что в этом бардаке свой запросто мог ранить своего, по чистой случайности.

Торлуги в бою не соблюдали ни правил, ни чести, ни рамок приличия. Они бессердечно вонзали клинки в грудь, бока и шеи абов, рубили по их ногам, чтобы животные падали и скидывали шерлугов, которых разбойники кровожадно добивали всем, что попадалось под руку — кинжалом, камнем, бревном.

«Ножевые. Колото-резаные, — в панике соображала Микаэла. — Сотрясение мозга. Пролом черепа. Свернутая шея... Кошмар! О чем я думаю?! Все из-за меня...»

Она подняла руки и, повернув ладони друг к другу, сконцентрировалась на материализации энергетического шара.

— Чем вы заняты, ваше высочество? — опешил Аланнарвальд, получивший недолгую фору.

«Хренью», — подумала Микаэла и подняла лицо.

За спиной принца вырос главарь шайки торлугов.

— Обернитесь! — крикнула она.

Аланнарвальд шустро избежал удара, уклонившись от нападения, но противник не сдался и продолжил нападать. Отводя его от Микаэлы, принц не атаковал, а лишь оборонялся, ослабляя тем самым бдительность врага.

— Залезай! — скомандовал подскочивший к Микаэле Йен на коне. — Я отвезу тебя в замок!

— А как же Алан?! — встревожилась она, смотря, как принц уводит неприятеля во тьму.

— Что ж, мы будем о нем помнить, — вздохнул Йен.

— Что?! — Микаэла обомлела.

— Шучу, — улыбнулся он, протягивая ей руку. — Поспеши!

— Ты спятил?! Нашел время шутить!

Йен наклонился и ответил:

— Мик, это норма для мужчин Ценцарии. Тем более для королевской стражи. Считаю, мы выпускаем пар.

— Чтобы выпустить пар, люди бегают по уграм, а не калечат друг друга! — выпалив это, Микаэла задрала платье повыше и помчалась туда, куда только что ушел Аланнарвальд.

Йен преградил путь пустившемуся за ней торлугу, несколькими взмахами меча отбил от него и погнался следом за Микаэлой. Стали затихать звуки борьбы и затухать последние факелы. Афес взволнованно летал над деревьями, очевидно, выискивая своего хозяина, но свечение его гривы и крыльев рассеивалось промеж ветвей и создавало играющие тени, которые можно было с легкостью спутать с силуэтами.

Микаэла обнаружила принца в рукопашном бою с главарем банды. Они барахтались на земле, безжалостно колошматя друг друга. Она вдруг вспомнила Джоанну, редкостную счастливницу быть свидетельницей потасовок. Только у той никогда не возникало желания вмешаться, чтобы разнять драчунов, или вызвать полицию. Она любила снимать зрелище на камеру своего мобильного, а потом в красках комментировать его, рассылая видео через мессенджеры всем знакомым.

— Йен, сделай что-нибудь! — умоляюще попросила Микаэла, заметив превосходство

торлуга.

Меч Аланнарвальда валялся в стороне, и принц голыми руками сопротивлялся вооруженному кинжалом противнику.

Едва Йен спрыгнул с аба, как Аланнарвальд взвыл от боли. Торлугу удалось вонзить лезвие под его ключицу и надавить так, что то вошло по самую рукоять. В Микаэле будто что-то взорвалось. Она в мгновение ока одной рукой материализовала небольшой энергетический шар и запустила его в главаря разбойнической группировки. Тот отлетел на несколько футов и, ударившись головой о ствол дерева, повалился навзничь.

— Как ты это сделала? — Йен замер на месте и уставился на потерявшего сознание торлуга.

— Долго объяснять, — бросила ему Микаэла и метнулась к скорчившемуся принцу.

Вокруг торчащего из его плоти кинжала увеличивалось багряное пятно. Кровь быстро пропитала одежду и растекалась по рубашке и камзолу, пришедшим в негодность.

Пегас, видимо, не найдя хозяина, полетел дальше. Микаэла подняла лицо, посмотрела вслед исчезающему лучику света и обратилась к Йену:

— Есть фонарик?.. Э-э-эммм... Вернее, факел или лампа?

— Сейчас, — ответил он и побежал к поляне, где тоже прекратилось побоище.

— Не шевелитесь, ваше высочество, — попросила Микаэла Аланнарвальда, стонущего сквозь стиснутые зубы.

Нельзя сказать, что ее обида на него вмиг испарилась, но его смелый поступок растопил внезапно образовавшийся в ее сердце лед. Йен притащил к ним того самого Тиба, особенно запомнившегося Микаэле. Парень держал перед собой зажженный факел, и в его свете были заметны ссадины и кровоподтеки на лице молодого торлуга.

— Свяжи ему руки! — скомандовал Йен, толкая Тиба к главарю их шайки.

Тот воткнул факел в землю, взял у Йена веревку и послушно поплелся выполнять приказ.

— Нет, постой! — остановила его Микаэла. — Сначала верни перстень.

Тиб молча кивнул и, встав перед своим главарем на колени, принялся стягивать украшение с его раздувшегося пальца.

— Не снимается, — пропыхтел он.

Йен сверкнул мечом и, подойдя к нему, хмыкнул:

— Может, руку отрубить?

— Йен! — застрожилась Микаэла.

— Ты права, это не поможет. Надо отрубить палец.

— Йен!

Он огорченно вздохнул, срубил с куста ветку и, убрав меч в ножны на поясе, оборвал листья. Перетерев их в ладонях, он выдавил немного скользкого сока и смазал им палец торлуга. Перстень соскользнул, и Йен вернул его Микаэле.

— Есть погибшие? — дрогнувшим голосом спросила она.

— Давай позаботимся об Аланнарвальде, — сменил он тему и, сев рядом, вытащил платок из внутреннего кармана своего камзола. — Держи. Я выну кинжал, а ты приложишь платок к ране.

— Хорошо. — Микаэла судорожно покивала, совсем забыв, что по правилам категорически не рекомендуется рывком вынимать из плоти инородное тело: раненый может умереть от обильного кровотечения.

Они все сделали быстро, но доставили принцу еще больше мучений.

— Мамма миа, сколько крови! Йен, платка мало... Отрежь кусок от моей верхней юбки.

— Уверена? — удивился он.

— Давай! Кровь нужно остановить! Платье все равно пришло в негодность!

Йен выполнил ее просьбу. Надавливая на рану, Микаэла осмотрелась и сказала:

— До лесного домика ближе, чем до замка. Там есть лечебные травы, можно согреться и отдохнуть. У нас мало времени, а королеве Эллиаде не нужно видеть сына в таком состоянии.

— Я понял.

— Нет, Йен! Берите торлугов и ведите их в замок. Ты должен успокоить всех. Я возьму двух шерлугов для охраны.

— Ты справишься в одиночку? — обеспокоился Йен.

— Постараюсь, — ответила Микаэла. — Только ты сможешь убедить всех, что с нами все в порядке. Буду ждать тебя на рассвете. Договорились?

— Ладно.

Йен кивнул и поднялся на ноги. Взяв своего коня под уздцы, он свистнул копошащемуся Тибу.

— Йен! — задержала его Микаэла, опомнившись. — Я не преувеличивала насчет Альтмара. Он держит Лена в своем подвале...

Аланнарвальд вновь застонал.

— Позже поговорим, — сказал ей Йен и повел аба к поляне.

Через считанные минуты двое шерлугов подняли раненого принца на коня, помогли Микаэле сесть верхом и повели их по узкой тропе к лесному домику.

По пути им приходилось останавливаться, чтобы проверить наспех наложенную, тугую повязку у Аланнарвальда. Принц хоть и был в сознании, но в седле самостоятельно сидеть не мог, поэтому его поддерживал сидящей позади шерлуг. Микаэла волновалась, что Аланнарвальд истечет кровью, и лихорадочно перебирала в памяти заученные статьи и параграфы из медицинских энциклопедий о способах оказания первой помощи при кровотечении. К счастью, состояние Аланнарвальда не ухудшалось, и Микаэла не прибегла к ветеринарной практике на принце.

Когда они добрались до домика, шерлуги затащили Аланнарвальда внутрь, уложили его на диван, принесли хворост и воду и разожгли камин. Потом Микаэла выставила их в дозор, опасаясь слежки и нападения сбежавших торлугов.

Она вскипятила воду, извлекла из шкафа плетеную корзину с кое-какими лечебными принадлежностями и травами и опустилась на колени перед диваном. Этот заветный короб она заприметила в тот день, когда затеяла в хижине уборку, и сочла Линкею хоть в чем-то сообразительной. Возможно, принцесса с Леном и другими охотниками не раз останавливались здесь, чтобы обработать мелкие раны. Рискованное увлечение вынудило ее запастись даже иглами и шелковыми нитями.

— Позвольте взглянуть, ваше высочество, — сказала она Аланнарвальду, аккуратно снимая повязку. — Кровотечение прекратилось. Похоже, крупные сосуды не задеты.

Постанывая сквозь стиснутые зубы, принц приподнялся и помог Микаэле стянуть со своего плеча камзол, рубашку и нижнюю сорочку.

— Я обработаю рану и наложу швы.

— Вы когда-нибудь это делали? — недоверчиво спросил Аланнарвальд, вновь ложась на диван.

«Да, я ассистировала Андрэ при зашивании пореза у кошки!»

— Делала, — немногословно ответила Микаэла, избегая взгляда принца и ведя себя максимально деловито.

Она приготовила обеззараживающий раствор и, смачивая в нем чистую тряпку, принялась тщательно промывать рану. В камине тихо потрескивали дрова, с улицы доносился стрекот ночных насекомых и тяжелое дыхание абов.

— У меня ничего нет для анестезии, — сообщила Микаэла, обрабатывая иглу и нить в новом растворе. — Придется потерпеть.

Аланнарвальд скосил взгляд на рану и, зажмурившись, откинул голову назад. Вздохнув поглубже, Микаэла постаралась унять дрожь в пальцах и концом иглы коснулась воспаленной кожи принца. Замерев от трусости, она невольно опустила взгляд и прошлась им по оголившимся рельефам мужской груди и живота. Аланнарвальд сжал кулак, отчего на его крепкой руке заиграли мышцы, привлекая податливое внимание неопытной в любовных делах Микаэлы.

— Уже все? — поинтересовался принц, приведя ее в чувство.

— П-простите, — опомнилась она. — Я наложу швы быстро и аккуратно. Главное — не дергайтесь. Хорошо?

Успокоившись, Микаэла принялась зашивать рану. Эта процедура доставила Аланнарвальду немало мучительных ощущений, но он стойко вытерпел, не застонав и не

пошевелившись. Микаэла еще раз обработала поверхность и наложила свежую повязку.

— Останется шрам, — выдохнула она, собирая все обратно в корзину.

— Спасибо, — тихо ответил Аланнарвальд.

— Вы спасли меня. Я отплатила. Теперь никто никому ничего не должен. — Микаэла встала и, подойдя к столу, вымыла руки в чистой воде. Собрав все ненужное в мешок, она закинула его поверх догорающих дров и подтолкнула кочергой. Затем налила травяного чая в кружку и поднесла ее принцу. — Осторожно. Горячо.

Он благодарно кивнул, сделал небольшой глоток и отставил кружку на пол. Микаэла расстелила перед камином мягкую шкуру некогда убитого вероятно Линкеей зверя и, сеv, облегченно выдохнула. Оглядев свои грязные босые ноги, порванное платье и свисающие перед лицом разлохматившиеся волосы, она усмехнулась:

— Я ужасно выгляжу.

— Осмелюсь заметить, что я сейчас тоже своим внешним видом мало напоминаю принца, — вяло улыбнулся Аланнарвальд.

— Вы ранены. А я похожа на безумную ведьму.

— Да-а-а, веселый выдался бал.

Микаэла взглянула на него через плечо и перевела взгляд на огонь.

— Я пожалела чувства вашей матушки, — призналась она, но не стала вдаваться в подробности того, что сама прошла через подобное.

Когда Микаэлу укусила собака, Лилит чуть с ума не сошла, пока той накладывали швы. Из-за ее потрясения досталось даже Рейнольду. Лилит взбрело в голову, что он хозяин напавшей на Микаэлу собаки. А еще тогда она предвзято относилась к латиноамериканцам, и ей потребовалось время, чтобы смириться с Рейнольдом, а позже и вовсе полюбить его.

— Из-за меня погибли люди. — Микаэла погрустнела.

— Они погибли не из-за вас. Произошедшему поспособствовало много факторов, — произнес Аланнарвальд. — Я видел, что вы сделали. Давно проявился ваш дар?

Микаэла закинула в камин еще дров и тихо ответила:

— Нет. Я его даже контролировать не умею.

— Могу научить.

Это заявление пронзило Микаэлу электрическим разрядом. Она медленно обернулась и увидела, как Аланнарвальд материализовал на ладони небольшой огненный шар. Поднявшись на ноющие от усталости ноги, Микаэла доплелась до дивана и присела на свободный край. Она не могла подобрать слов, чтобы выразить свой шок, и просто напряженно смотрела на искрящийся сгусток энергии.

Аланнарвальд повернул ладонь к Микаэле, словно маня ее к себе. Неведомый ей ранее инстинкт заставил ее тоже поднять руку, в которой сию секунду материализовался энергетический шар ярко-синего цвета.

— Огонь и вода, — пояснил принц.

Их с Микаэлой ладони будто магнитом притянуло друг к другу, и когда их пальцы переплелись, из раны Аланнарвальда вырвался ослепительно-белый луч, который потух так же молниеносно, как возник. Микаэла отдернула руку, растерянно глядя то на принца, то на свою ладонь. Аланнарвальд осторожно отодвинул одежды. Под его ключицей осталась едва заметная белая полоска — шрам от ранения. Принц дунул на шелковые нити, магией вытолкнутые из своей плоти, и улыбнулся:

— Поразительно.

— Оупеть, — поддержала его Микаэла, отсаживаясь подальше. — Зря только время потратила на вышивку гладью. Давно вы страдаете этим недугом?

Аланнарвальд коротко просмеялся. Магия излечила его рану, но фантомная боль все же дала о себе знать. Поморщившись, он лег поудобнее.

— У моих родителей большая разница в возрасте, — сказал он после недолгой паузы. — Вы это заметили, я уверен. Отец был вдовцом, когда вступал в брак с моей матерью. Первая жена так и не родила ему наследника. Все думали, что дело в ней. А когда и вторая супруга не могла зачать, отец понял, что бесплоден именно он. Мира была широко известной магией в Ценцарии. Она вызвалась помочь. Отдала половину своей силы отцу, тем самым излечив его. Но у всего есть своя плата. Она предупредила, что дар магии передастся его первенцу. То есть мне. Я родился таким.

— А ваши сестры?

— Я забрал все, — чуть улыбнулся принц. — Я практиковал магию с детства. Скажу по секрету, Афес добился своего статуса не совсем честно. Родители не против того, чтобы я использовал дар во благо, но я все равно стараюсь ничем не отличаться от остальных. Перед своей смертью Мира написала два письма: одно — для моего отца, другое — для вашего. Что было в посланиях, известно только им. Но именно после их прочтения нашим отцам взбрело в голову поженить нас. Кажется, теперь я догадываюсь, о чем писала Мира.

— О чем? — настороженно спросила Микаэла, надеясь, что их с Аланнарвальдом мысли рознятся.

— Об объединении своей силы, — ответил он и, внимательно посмотрев на нее, внезапно добавил: — Разве есть другие варианты... Микаэла?

Канада, Уотерлу

Звездное одеяло медленно сползло к небосклону, позволив ночной дымке раствориться в чистоте и свежести утренней прохлады. Тонко заголосили проснувшиеся птицы, и родился новый день.

Потянувшись, Линкея открыла глаза, поморгала и улыбнулась. Ее голова лежала на горячей обнаженной груди тихо посапывающего Рейнольда. Сильнее прижавшись к крепкому мужскому телу, принцесса Эйлинкея дала себе еще минуту, чтобы насладиться интимным моментом. Вспоминая проведенную с Рейнольдом ночь во всех красках, Линкея чувствовала себя счастливой как никогда раньше. Этот любовник оказался не только ненасытен, но и горазд на эксперименты, а фантазия у него хоть отбавляй.

Игриво пробежавшись пальцами по рельефам его живота и груди, Линкея положила ладонь на мягкие черные волоски и приподняла голову. Глубоко вздохнув, Рейнольд проснулся и, потеряв глаза, взглянул на Линкею.

— Привет, кошечка, — с сонной хрипотцой прошептал он, улыбнувшись. — Давно ты за мной наблюдаешь?

— С нашей первой встречи, — ответила она, кончиком пальца водя вокруг мужского соска.

— Не надо, — засмеялся Рейнольд. — Щекотно.

Линкея склонилась и поцеловала его. Толком не поспав, она все равно была полна сил и бодрости. Рейнольд ответил на поцелуй. Обняв Линкею, он подмял ее под себя и стал губами и языком ласкать ее шею. Зазвонивший на его мобильнике будильник отвлек их от любовной утехы.

— Caramba![1] — выругался Рейнольд, перелезая на водительское место. Отыскав гаджет под сиденьем, он отключил его и вернулся к Линкее. Тяжело вздохнув, Рейнольд безрадостно произнес: — Пора возвращаться в Уотерлу. Эктор не простит мне прогул. Впрочем, как и Дюран — тебе.

— Все равно мне не нравится эта работа, — ответила принцесса, натягивая на себя помятое платье.

— Неужели? Совсем недавно ты злилась из-за того, что я отвлекаю тебя от подготовки к экзаменам.

— Андрэ бабник. — Линкея влезла в платье и занялась расчесыванием волос пальцами. — Когда он предложит мне повышение или премиальные через постель — вопрос времени.

Рейнольд, не ожидавший подобной прямолинейности, взволнованно сглотнул и, нахмурившись, спросил:

— Что?

— Он пялился на мою попу, — спокойно ответила Линкея. — И он спит с Джоанной.

— Что? — еще удивленной повторил Рейнольд.

Она переползла на переднее сиденье и начала обуваться.

— Это же очевидно. Она смеется при нем по поводу и без. Расстроилась из-за отъезда Элис, потому что знает, что Андрэ будет требовать от нее близости на завтрак, обед и ужин, пока его супруга не вернется.

Рейнольд застегнул ширинку джинсов и ремень, надел майку и, обувшись, сел за руль. Опустив стекло, он нервно закурил. Выпуская струи дыма на улицу, он размышлял над услышанным и, очевидно, пытался подобрать слова.

— Ты же знаешь, Джоанна сирота, — наконец проговорил Рейнольд. — У нее нет должного образования. Она снимает комнату. Молодой девушке очень тяжело выживать в одиночку. Если Андрэ — выход из ее трудного положения, то не нам ее судить.

— Хорошо, — улыбнулась Линкея, накручивая белокурый локон на палец. — Тогда я тоже с ним пересплю, чтобы не сдавать экзамен.

подавившись сигаретным дымом, Рейнольд закашлялся.

— Он привлекательный мужчина и наверняка искусный любовник, — продолжила она, намеренно распаяя Рейнольда.

— Сегодня же уволишься! — грозно сказал он, откашлявшись и заведя минивэн.

Линкея хихикнула:

— Неужто ты видишь в Андрэ конкурента?

Рейнольд выбросил в окно недокуренную сигарету и тронул машину с места.

— Мне не нравится твоя интонация, и я не хочу, закручивая гайки, думать о том, как этот подлец глазами раздевает тебя.

— Ревнуешь? — промурлыкала Линкея, дотянувшись до волос Рейнольда. — Не бесись. Он не в моем вкусе.

— Как-то не особо обнадеживающе, — проворчал он. — То есть будь он достойным соперником, ты честно бы в этом призналась?

Линкея убедилась, что Рейнольд не из тех мужчин, которые готовы делить свою женщину с кем бы то ни было. Если Лен и Йен к этому вопросу подходили лояльно, то Рейнольд был весьма категоричен: моя и точка!

— Я дорогá тебе? — прямо спросила она.

— Конечно! — выпалил он, выводя машину на шоссе. — Все, не хочу продолжать этот жуткий треп!

— Ты говорил, что я изменилась. Какая я нравлюсь тебе больше?

Рейнольд засмеялся и, покачав головой, ответил:

— Я не хочу обидеть тебя, Мик. Особенно после сегодняшней ночи.

— Я не обижусь, — мягко настаивала Линкея.

Для искреннего ответа Рейнольду понадобился глубокий вдох.

— Та Мик, что бросила мне вызов. Та, что заставила меня стоять у ее дома и ждать, пока в окне ее комнаты погаснет свет, и вынуждает скучать меня через минуту после нашего расставания. Та, что расшевелила Джаспера. И та, что... подарила мне самую обалденную ночь в моей жизни. — Он взглянул на замершую Линкею. — Ты просила правду. Мне неинтересны мелодрамы, я не люблю театр, мне неуютно в ресторанах, и я ненавижу образцовый порядок.

Измученно поморгав, она улыбнулась. Рейнольд говорил о ней. Не о Микаэле, а именно о ней — о Линкее! Это не могло не радовать.

— Следи за дорогой, — произнесла она, переводя взгляд в окно.

Глядя на мелькающие пейзажи полей и пролесков, Линкея с подкраившейся грустью размышляла о том, в какую историю влипла. В Эйлинкеле, куда ей требовалось вскоре вернуться, у нее остались Лен и Йен и ждал нежеланный брак с ненавистным Аланнарвальдом. Жизнь, обреченная на беспросветную безысходность. А здесь у Линкеи

появился мужчина, околдовавший ее уже в момент их знакомства. И этот мужчина только что признался ей в своих самых теплых чувствах.

Просьба бабушки Микаэлы не играть с Рейнольдом все чаще всплывала в памяти, вызывая неприятное жжение в груди.

Уотерлу еще просыпался, поэтому пробок на дорогах пока не было, и минивэн быстро проскочил по обычно самым загруженным улицам. Рейнольд припарковался у дома Микаэлы и посмотрел на Линкею. Маняще улыбнувшись, она вкрадчиво спросила:

— Будешь сидеть здесь?

— Да... Я... не готов встречаться с Лилит.

— Боишься ее? Она доверяет тебе.

— Думаешь?

— Знаю! Разве она хоть раз побеспокоила нас за всю ночь? — Линкея открыла дверь и вынырнула на улицу.

Рейнольд тоже вышел из машины, но повис локтем на двери и нерешительно сказал:

— Наверное, она утомилась, и ей было не до нас. У нее хватает хлопот с поисками...

— Идем! — Линкея оббежала минивэн и, взяв Рейнольда за руку, потянула во двор. — Доброе утро, миссис Смит! — поприветствовала она копошащуюся в своем саду соседку. — Зря беретесь за лейку. Будет дождь.

Женщина выпрямилась и недоверчиво покосилась на влюбленную парочку.

— С чего ты взяла, что будет дождь? — удивился Рейнольд. — Синоптики прогнозировали облачность без осадков.

— Пахнет дождем. Не чувствуешь? — Линкея пожала плечами и вбежала по ступенькам на террасу.

Семейство Микаэлы завтракало, когда она ввела в дом гостя. Лилит, выйдя из столовой, засветилась счастливой улыбкой.

— Я начала волноваться, — призналась она. — Собиралась звонить. Завтракать будете?

— О, нет-нет, — отказался Рейнольд, вероятно, знакомый с кулинарными шедеврами Лилит. — Мы торопимся. У нас с Эктором большой заказ. Да и Мик опаздывает. Она переоденется, и мы поедем.

— Я рада, что вы вместе, — не выдержав, сказала она.

Линкея и Рейнольд переглянулись, улыбнулись и направились на второй этаж.

— Посидишь тут, пока я умоюсь? — Линкея ввела Рейнольда в комнату Микаэлы и, подойдя к креслу, взяла с его спинки полотенце и халат.

Он, разинув рот при виде коробок с собранными вещами, молча кивнул.

Принцесса Эйлинкея потратила на утренний туалет несколько минут, решив не принимать душ и уж тем более ванну. Возвратившись в комнату, она застала Рейнольда сидящим на кровати. Он разглядывал фотографии из альбомов, накануне оставленных здесь Линкеей, и улыбался.

— Ты что, решила избавиться от старья? — поинтересовался он, откладывая фотоальбомы. — Их тоже выкинешь?

— Здесь скопилось много лишнего, — ответила Линкея, продефилировав к комоду и вынув из него свежий комплект белья и шорты с футболкой, купленные вчера бабушкой. Скинув с себя халат и оставшись в чем мать родила, она без капли смущения принялась одеваться в присутствии Рейнольда.

— Ты издеваешься? — вмиг тяжело задышав, произнес он.

Линкея надела белье, подкралась к нему и, коленями упершись в мягкую постель, села на Рейнольда. Обвив его шею руками, она зарылась пальцами в волосах на его затылке и прошептала:

— Начистоту, мне нравятся рискованные мужчины. Те, что знают, чего хотят, и добиваются этого. Те, что чтят семью и традиции, но не приносят себя в жертву ради них. И меня тошнит от порядка. Я на дух не переношу день, похожий на предыдущий. Жизнь должна быть разной. Я люблю глупить, ошибаться, бросаться в омут с головой, не задумываясь о последствиях. Но именно так я чувствую себя живой. От правил и рутины я увядаю. Вот, теперь и ты знаешь, какая я.

Рейнольд на полминуты окаменел, а потом, глядя Линкее в глаза, произнес:

— Выходи за меня.

[1] Caramba! (исп.) — Черт возьми!

Линкея рассмеялась, ненароком вспомнив Аланнарвальда. Она сбежала из-под одного венца не для того, чтобы оказаться под другим. Каким бы поразительным мужчиной ни был Рейнольд, Линкея не была готова идти за него. Впрочем, о какой свадьбе вообще может идти речь, если однажды Альтмар вернет ее в Эйлинкель?

Она как можно деликатнее сменила тему разговора:

— Мы опаздываем.

Поцеловав Рейнольда, Линкея соскочила на пол и поспешно надела шорты и футболку, причем сделала это с напускной увлеченностью, давая понять, что сейчас не самое подходящее время обсуждать будущее, и улыбнулась:

— Я готова!

Рейнольд, обескураженный ее поведением, многозначительно хмыкнул, кашлянул и, встав, напрягся:

— Ты пойдешь в этом?

— Тебе не нравится? — искренне удивилась она.

— Мне? Нет, мне все нравится. Я не хочу, чтобы это нравилось Андрэ!

Линкея хохотнула и, взяв Рейнольда за руку, потащила его из комнаты. По пути до минивэна он не прекращая ворчал, злясь и ревнуя возлюбленную едва ли не к Элеоноре миссис Смит. Сев в машину, он все еще бурчал об ее увольнении, но Линкея быстро взбодрила его, повернув его лицо к себе.

— Рейнольд, ты не уверен в себе? Или думаешь, что я поведушь на деньги Дюран? После того, что между нами произошло? — Она погладила его по колючей щеке. — Глупенький. Если так пойдет дальше, то ни одна богиня Ценцарии не разлучит нас.

— Кто? — недоуменно переспросил он, и Линкея прикусила язык, осознав, что сболтнула лишнее.

— Это из мифологии, — оправдалась она и, отстранившись, пристегнулась ремнем безопасности.

— Я католик, — ответил Рейнольд, заводя минивэн. — Просто я волнуюсь. Полгода я надеялся и верил, что мы сблизимся и все наладится. Это случилось, но через трудности. Я боюсь, как бы этот замок не рухнул.

Линкея поглубже вздохнула и уставилась в окно. Все неизбежно рухнет, когда они с Микаэлой вернутся на свои места. И пока это не случилось, Линкее следовало определиться с выбором и решить, как быть, если она надумает остаться здесь и во всем признаться Рейнольду.

Он довез ее до клиники и вышел, чтобы проводить до двери. Обнимая Линкею на прощание, он прошептал:

— Я люблю тебя, Мик.

Она кое-как выдавила улыбку, проглотив имя Микаэлы, и поцеловала Рейнольда.

— Увидимся вечером?

— Это не обсуждается, — наконец улыбнулся он. — Я заеду за тобой в восемь.

— Как строго!

Нехотя оторвавшись от него, Линкея вошла в клинику и еще минуту стояла у двери, наблюдая за тем, как уезжает минивэн.

Джоанна, выставляющая на витрину собачьи консервы, лукаво улыбнулась:

— Ты фонишь счастьем.

Линкея отошла от двери. Напарница Микаэлы ей не нравилась, но выбора собеседников в клинике не было. Подойдя к кассовой зоне, она облокотилась о прилавок и с безразличием спросила:

— Андрэ пришел?

— Ага. И очень удивился, узнав, что тебя еще нет. — Джоанна поставила последнюю банку, убрала пустую коробку под витрину и выпрямилась перед Линкеей. — Ну, рассказывай! — Заговорщицки подмигнула она. — Вы провели ночь вместе, да? — Ее глаза буквально горели огоньками неприкрытой радости. — Да, я так и знала! И кто это совсем недавно киснул, говоря, что вы с Рейнольдом не пара? Кто это уверял, что в постель только после свадьбы? — Она слегка толкнула Линкею кулачком в плечо.

Ту возмутил этот далеко не царственный жест, но она сдержалась, чтобы не нахамить Джоанне. Она задумалась над чрезмерным целомудрием Микаэлы. Линкею жутко мутило от мании воздержания, делающей людей раздраженными и недовольными жизнью. Она давно обрела уверенность, что именно выработка гормонов счастья позволяет видеть прекрасное в любой ситуации, а самый легкий способ, который еще и приносит море удовольствия, — секс.

— Хочешь, дам несколько советов по благоустройству общей спальни? — Джоанна перегнулась через бокс и понизила голос. — Это по фэн-шую. Во-первых... — В магазин вошли покупатели — троица детей с небольшой пластиковой переноской, и ей пришлось замолчать. — Потом поговорим.

Линкея пожалала плечами и отправилась в служебное помещение. Она не нуждалась в советах Джоанны и надеялась, что та забудет о них и отлипнет. Не успела Линкея надеть фартук, как Джоанна окликнула ее.

— Мик, отнеси дегу к Андрэ, — попросила она.

Линкея поглядела на лежащую на кассовом боксе белку. Зверек едва дышал, его глаза были закрыты, и он совсем не шевелился.

— А ее вылечат? — уточнила девочка, что постарше, а самая маленькая шмыгнула носом и утерла слезы.

— Не знаю, — грустно вздохнула Джоанна. — Вы сломали ей ребра.

— Мы делали ей массаж сердца, — заплакала малютка. — Хотели спасти.

Линкея схватила Джоанну за руку и отвела ее в сторону.

— Белка вот-вот сдохнет, — сказала она вполголоса.

— Знаю. Но дети полагаются на чудо. Отнеси ее к Андрэ. Он ее усыпит.

— И что потом?

— Принесешь обратно трупик и скажешь, что вы сделали все возможное. А я тем временем расхвалю им наших красавцев. Зато продадим дегу, пока они у нас не передохли от старости. Может, в расстройстве эти бедолаги купят двух или трех, восполняя утрату.

Открыв рот, Линкея сделала шаг назад. Она привыкла к охоте на зверей из-за шкур и пропитания, но не признавала их неволи и истребления ради развлечений. Местные жители внушали собственным детям норму имения домашнего питомца, но не думали о последствиях. В неволе звери живут меньше, как бы хорошо о них ни заботились. И дети раз за разом сталкиваются с горькой потерей.

— Это зверство, — произнесла Линкея.

— Мик, да что с тобой? Это жизнь! И наша с тобой зарплата!

Джоанна вернулась к детям, с показной осторожностью взяла умирающую белку на руки и поднесла к Линкее. Та еще раз взглянула на плачущую девочку с безмолвной мольбой в глазах и слабо ей улыбнулась. Взяв зверька, она направилась к лестнице. Зародив в сердце ребенка надежду на исцеление несчастной белочки, Линкея не могла позволить себе растоптать эту невинную веру в чудо. Скрывшись в глубине зала, она свернула и зашагала живому уголку. Дегу к тому времени скончалась у нее на руках. Линкея проверила, что это самец, нашла максимально похожего среди имеющихся в магазине и подменила их. Выждав пару минут и нарисовав на лице ликующую улыбку, она вернулась к детям и торжественно объявила:

— Вот ваша кроха!

— Как? Уже? — не веря своим глазам, поразились самая старшая девочка.

— Уау! — восхитилась малышка и, взяв у Линкеи зверька, прижала его к себе.

Той оставалось рассчитывать, что он не дикий и не укусит ребенка. К счастью, подобного инцидента не произошло. Осчастливленные дети наперебой поблагодарили Линкею, спросили, сколько должны, но та, опередив Джоанну, вознамерившуюся взять с них полную стоимость дегу, отмахнулась от денег:

— Пустяки! Ему понадобился лишь дополнительный массаж. Это бесплатно.

Дети, не заметив подмены и посадив зверька в переноску, покинули магазин.

— Что ты творишь? — Джоанна всплеснула руками, когда они с Линкеей остались вдвоем.

— Скажем Андрэ, что одна из белочек умерла от старости. Они же не первой свежести. Твои слова.

— А камеры тебе ни о чем не говорят?! — Джоанна пальцем указала на камеру видеонаблюдения в углу под потолком.

Линкея понятия не имела, что это такое. Обратив внимание на мигающую красную лампочку, она хотела было полюбопытствовать об их предназначении, но ее опередил спустившийся в магазин Андрэ.

— Микаэла! — угрожающе обратился он к Линкее. — Будь добра, поднимись в мой кабинет!

Джоанна покачала головой и, опустившись на стул, проследила за уходом шефа.

— Он вышвырнет тебя, — прошептала она. — О чем ты только думала?

— О страдающем ребенке, — ответила Линкея и, развернувшись, поплелась за Андрэ.

Второй этаж располагал четырьмя комнатами — процедурной и операционной палатой, служебным помещением и, собственно, рабочим кабинетом Дюран, обустроенным письменным столом и офисным креслом, кожаным диваном, кулером, двумя шкафами со стеклянными дверцами, комнатными растениями и картинами.

Андрэ закрыл крышку ноутбука, сел в кресло и кивнул в сторону дивана. Линкея не привыкла действовать по чьей-то указке, поэтому остановилась посреди кабинета и сказала:

— Благодарю. Я постою.

— Микаэла, — заговорил он, придвинувшись к столу и скрестив на нем пальцы, — мы с Элис очень ценим твои старания. До недавних пор мы были уверены, что ты находка для нашей клиники. Позавчера ни с того ни с сего ты стала вести себя странно. Я списал это на усталость и думал, выходной взбодрит тебя. Видимо, одного выходного тебе оказалось мало. Ты опоздала на работу. Впервые, позволь заметить! И пренебрегла вверенным тебе имуществом, имеющим товарно-материальную ценность...

— Короче! — Линкея скрестила руки на груди, теряя терпение.

— Я согласен закрыть глаза на твою выходку с дегу, высчитать ее стоимость из твоей зарплаты и утаить это недоразумение от Элис. Я могу даже простить тебе твою дерзость.

— С вас что, убудет, если вы подарите ребенку грызуна?

— Микаэла, у нас бизнес, а не благотворительный центр. Спустись с небес. Ты не принцесса, и мир не вертится вокруг тебя. Я не забыл, как ты умоляла нас взять тебя на стажировку. Жаловалась, что в семье катастрофически не хватает денег. Твоя мама не вылезает от психотерапевта, отец в почтовой службе зарабатывает совсем немного, а бабушка не в состоянии тянуть семью на свое небольшое пособие. Мы с Элис сжалились над тобой. И ты почти убедила нас взять тебя на постоянной основе. Но если ты забыла, что ты подчиненная, мы передумаем. Незаменимых нет.

Андрэ говорил спокойно, что навело ее на мысль о его расположении пойти навстречу. Линкея догадывалась о финансовых проблемах в семье Микаэлы, но не подозревала, насколько все плохо. Она не могла лишиться ее работы, способной все исправить, элементарно не имела права.

— Хорошо, — согласилась Линкея.

Андрэ улыбнулся и, встав, вышел из-за стола. Подойдя к ней, он положил ладони на ее плечи и произнес:

— Но ты же понимаешь, что это не бесплатно?

Линкея пробежалась взглядом по потолку кабинета и заметила отсутствие камер видеонаблюдения. Ее взгляд упал на диван, и она быстро поняла, где Андрэ развлекается с Джоанной.

— Я согласна обсудить плату с Элис, — находчиво ответила она. — Я не буду скрывать от нее свое опоздание и проступок. Дам обещание, что отныне подобное не повторится. Заплачу любую цену, которую она назначит.

Андрэ побагровел и стиснул зубы так, что на его лице заиграли желваки. Он явно не ожидал поражения.

— Похоже, ты плохо расслышала меня, — вымолвил он, глуша в себе ярость. — Я говорил, что могу скрыть все от Элис.

— Зачем?

— Она здесь всем заведует. И Элис не потерпит происшествий. Ты же не хочешь, чтобы она следила за каждым твоим шагом?

— Пусть следит, — ответила Линкея, глядя Андрэ в глаза. — Наоборот, я поддержу ее в этом стремлении. Например, порекомендую установить камеры там, где их нет, и почаще отслеживать передвижения Джоанны по клинике. Особенно обращаю ее внимание на посещение Джоанной вашего кабинета. Уверена, это побудит Элис простить меня и заплатить мне премиальные.

Андрэ отнял свои руки от Линкеи, сделал шаг назад и прошипел:

— Сука.

— Тем не менее, я тоже могу передумать, — улыбнулась она. — Я согласна на выходное пособие в размере трех, а лучше пяти месячных окладов. Ну, чтобы мне хватило этих денег, пока я буду искать новую работу.

— Элис не поверит тебе.

Линкея приблизилась к Андрэ, грациозно обняла его и, поднявшись на носках, прильнула к его уху.

— У меня есть доказательства ваших измен, — прошептала она и, чуть отстранившись, приложила палец к своим губкам. — Только тс-с-с. Это секрет. — Она подмигнула.

Андрэ повелся на ее блеф, наверняка решив, что Джоанна проболталась ей по дружбе. К тому же у Джоанны, очевидно, были компрометирующие фото или видео, способные убедить Элис. И Андрэ, в силу своей недалёковидности, предположил, что они каким-то образом оказались в третьих руках.

Он ослабил галстук, глотнул воды, держа стакан в дрожащей от страха руке, и сказал:

— Я рассчитаю тебя наличными. В обход Элис.

— Мне не принципиально, — ответила Линкея.

Андрэ подошел к стене, снял картину и открыл встроенный сейф, наполненный несколькими зелеными пачками. Вынув одну из них, он швырнул ее Линкее. Она ловко поймала деньги и услышала:

— Здесь десять окладов. Откроешь рот, я тебя закопаю.

Она улыбнулась уголком губ, сунула деньги в карман шортов и ответила:

— Можно совет на прощание? Разведитесь с Элис, если она вам не интересна. Не мучайте себя и ее. Ведь от вашего брака не зависит мир в стране.

Сказав это, Линкея взяла курс к двери, но голос Андрэ задержал ее:

— Какие у тебя доказательства?

Она обернулась и пожала плечами:

— Никаких. Если честно, я даже не была до конца уверена, спите ли вы с Джоанной. Я импровизировала. А вы так легко поддались.

Хихикнув, Линкея вышла из кабинета, оставив Андрэ недоумевать и мириться со своим провалом. Спустившись в магазин, она подошла к кассовой зоне и повелительно обратилась к Джоанне:

— Вызови мне такси.

Та окинула Линкею придирчивым взглядом и, набрав номер на мобильнике, спросила:

— Все-таки уволил?

— Я сама уволилась, что и тебе советую, — неунывающе ответила принцесса Эйлинкея.

Джоанна назвала оператору такси адрес клиники и домашний адрес Микаэлы, озвучила Линкее номер выехавшей на вызов машины и, отложив мобильник, грустно вздохнула:

— Мне будет тебя не хватать.

Линкея не могла ответить тем же. Она забудет Джоанну через несколько дней и постарается не вспоминать клинику Дюран. Молча кивнув ей, она двинулась к двери. Линкея уже взялась за ручку и собиралась выйти, когда в ней что-то всколыхнулось, и она все же обернулась. Посмотрев на помрачневшую девушку, она сказала:

— Нет безвыходных ситуаций, Джоанна. Просто нужно стучаться во все двери. Какая-нибудь все равно откроется. Не забывай, что у тебя есть друзья, которые не бросят тебя, если ты осмелишься вычеркнуть Андрэ из своей жизни.

— Вряд ли на моем пути по волшебству появится рыцарь-блондинчик на коне и воплотит мои мечты в реальность, — тихо ответила она.

— Мечтать мало. Надо работать. Дерзай. Охоться на мечту. И придет день, когда ты поймаешь ее за хвост.

Линкея вышла из магазина и, полной грудью вдохнув свежего воздуха, улыбнулась. Она не ошиблась, пахло дождем, а на небе начали сгущаться тучи. Дождавшись такси, Линкея с чувством выполненного долга отправилась домой.

«Микаэла мне еще спасибо скажет», — утешала она саму себя, отдаляясь от клиники и чувствуя себя невероятно свободной.

Расплатившись с таксистом купюрой из заветной пачки, Линкея вышла из машины и у калитки застала спешащую куда-то Лилит. Из ее рук едва ли не вываливались документы, и она с кем-то говорила по мобильному.

— Ты рано, — сказала она Линкее, проходя мимо. — Такси! — прокричала она отъезжающему таксисту. Он остановился. — Вы свободны? Отлично! — Лилит открыла заднюю дверь и, убрав мобильник, взглянула на застывшую у калитки Линкею. — О, милая, извини. — Она закинула сумку и документы на сиденье. — Погодите минутку, — сказала Лилит водителю и отошла от машины. — Что-то случилось?

— Я уволилась, — ответила Линкея.

— Вот как? Тебе нравилась эта работа.

— Разонравилась.

— Это к лучшему, — улыбнулась Лилит и взяла Линкею за руки. — Дюран скользкий тип. Ты молодая и умная. Найдешь другую работу. Рейнольд уже знает? Он придет в восторг от этой новости!

— Скажу ему вечером, — ответила Линкея и, вытащив из кармана деньги, подала их Лилит.

— Что это? — изумилась та.

— Мое выходное пособие.

— Так много?

— Я его заработала.

— Что ж, теперь у тебя есть возможность съехать от своей сумасшедшей семейки, — засмеялась Лилит, возвращая деньги.

— Я принесла их в семью, — ответила Линкея, отодвинув от себя ее руку.

На глазах Лилит выступили слезы. Она посмотрела на Линкею, потом на деньги и снова на Линкею.

— Девочка моя, — всхлипнула она и крепко обняла ее. — Прости меня. Порой я бываю

невыносимой. Но я люблю тебя. Ты же знаешь? Знаешь, что я люблю тебя?

У Линкеи сжалось сердце. Сглотнув подкативший к горлу ком, она ответила:

— Знаю.

Лилит отпустила ее и спросила:

— На что потратим? Может, сделаем ремонт в нашей берлоге?

— Неплохая идея, — согласилась Линкея. — Это сплотит семью.

— Тогда... психотерапевт отменяется! — весело воскликнула Лилит. — Поеду по строительным магазинам. Не хочешь составить мне компанию?

— Может, завтра? Я хочу спать. Обещаю, что не буду бездельничать весь день.

Приготовлю ужин. Кое-что я умею.

Лилит погладила ее по щеке.

— Договорились. Тогда до вечера.

— Пока.

Мать семейства отдала Линкее ключи от дома, села в такси и уехала. Проводив ее печальным взглядом, принцесса Эйлинкея повертела в руке гремящую связку и обратила внимание на подъехавшую к ней машину с рекламой курьерской доставки цветов на дверях. Выпрыгнувший из нее парнишка в розовой бейсболке и рубашке, вытащил из багажника огромный букет и коробку конфет. С трудом удерживая все это в руках, он на ходу пытался прочесть имя счастливицы на конверте, воткнутом среди роз.

— П-простите... Вы Маккейла...

— Микаэла, — поправила его Линкея.

— Да, извините, — взволнованно улыбнулся парнишка, вручая ей подарки. — Это вам. И не могли бы вы расписаться вот здесь... — Он вернулся в машину, достал планшет и стилус и вернулся к Линкее. Оглядев ее и поняв, что ее руки более чем заняты, он махнул рукой. — Ладно, я сам. — Он что-то черкнул и еще раз улыбнулся: — Всего хорошего!

— И вам.

Линкея уткнулась носом в букет и, закрыв глаза, представила себе образ Рейнольда. Ей захотелось броситься к нему со всех ног, прижаться к его горячему телу и никогда не отпускать.

«Что же ты делаешь со мной, южанин?» — с улыбкой подумала она и, глядя на цветы, направилась к дому.

Поднявшись в комнату Микаэлы, Линкея поставила цветы в вазу и, забравшись на постель, распечатала коробку с конфетами. Шоколад буквально таял во рту, окончательно сморив ее. Сама того не заметив, Линкея, объевшись сладкого, повалилась на подушку и заснула крепким сном.

Звонкий лай ретривера вытянул ее из мира забвения. Спросонок Линкея не сразу сообразила, где находится. Во сне она успела побывать в родном замке и поссориться с Леном, узнавшем о Рейнольде. В общем, ничего необычного: вполне себе обыденный бред о грядущем будущем.

Вспомнив, что Линкея все еще в Уотерлу, она улыбнулась и ощутила мучительную тоску по Рейнольдусу. Взглянув на мобильник, принцесса Эйлинкея загорелась идеей позвонить ему, но пить ей захотелось намного сильнее. В горле першило после сладкого, а графин был пустым, поэтому ей пришлось вылезать из постели и тащить себя на кухню. По пути Линкея успела окончательно проснуться. Налив себе стакан воды и присосавшись к нему, она встала перед окном и поглядела на бегающего по двору Айка. Бросив школьный рюкзак на газон, мальчишка запускал метательную тарелку, ловя которую, его пес игриво вилял хвостом.

Вдоволь напившись, Линкея покрутилась среди полупустых шкафов, но так и не придумала, что приготовить на ужин. Донесшийся до ее слуха крик петуха вызвал улыбку на лице азартной охотницы. Взяв большую пластиковую чашку, она вышла из дома и, остановившись на нижней ступени террасы, обратилась к Айку:

— Где мой петух?

— В сарае. — Он указал на небольшую постройку, видневшуюся из-за угла дома. — Отец велел отнести его туда. Завтра он отвезет его на сельский рынок.

— Зачем? — удивилась Линкея.

Айк снова подбросил тарелку.

— А зачем он нам? Чтобы соседи жаловались на его кукареканья?

— Это наш ужин! — Принцесса Эйлинкея взяла курс к сараю. — Поможешь найти мне топор?

В растерянности Айк забыл про игру с псом и, догнав Линкею, дернул ее за руку.

— Ты что, серьезно? — поразился он. — Ты не шутила, когда говорила Мисси, что отрубишь ему голову?

— Разве о таком шутят?

— Да у тебя духу не хватит! — усмехнулся Айк.

Линкея с вызовом приподняла одну бровь и улыбнулась уголком губ.

— Уау! — прошептал мальчишка. — А можно я посмотрю? Клянусь, без фанатизма! — Он примирительно поднял руки вверх.

— Посмотришь. И сможешь. Если найдешь топор.

Айк улыбнулся, и в этот момент его ретривер скуляще залаял. Они с Линкеей взглянули на причину собачьей тревоги — копающуюся в одной из клумб Элеонору — и заговорщически переглянулись.

— Не знаешь, где сейчас миссис Смит? — спросила Линкея.

— Я видел ее возле булочной, когда шел домой. Минут десять назад, — ответил Айк. — Мик, ты думаешь о том же, о чем и я?

— А о чем думаешь ты? — улыбнулась принцесса Эйлинкея, поставив чашку на дорожку, вымощенную тротуарной плиткой, и откинув волосы за спину.

— О том, что топор надо наточить, — произнес мальчишка и побежал в сарай.

Ужин они готовили вместе. Айк помогал Линкее ориентироваться на кухне, а она по

своему любимому охотничьему рецепту замариновала и запекла свежую птицу.

Вернувшись домой первой, бабушка заглянула в кухню, заметила царящую здесь идиллию и не стала ее нарушать. Она лишь похвалила внуков за дивный запах и попросила, чтобы они не забыли позвать ее к столу, когда все будет готово.

Убравшись и накрыв на стол аккуратно к приходу Лилит и Тобиаса, Линкея и Айк собрали слегка обескураженную от недоумения семью и представили всем не только свои кулинарные умения в приготовлении салата и свежавыжатого сока, но и блюдо дня — запеченную в пряных травах индейку!

— Ничего себе! — ахнула впечатленная Лилит, не сводя глаз с ароматной птицы в румяной кожице, от которой исходил горячий пар.

— Какая огромная! — улыбнулся Тобиас. — Где вы ее купили?

Ища ответа, Линкея толкнула локтем Айка, а он в ответ толкнул ее. Рухнувшая у обоих надежда на поддержку заставила их в голос ответить:

— В супермаркете.

— На рынке.

Они переглянулись и, нервно улыбнувшись, перефразировали свои ответы:

— На рынке.

— В супермаркете.

Бабушка хмыкнула и уточнила:

— Так на рынке или в супермаркете?

— Это имеет значение? — наконец сказала Линкея, взяв нож и начав резать индейку. —

Мы старались...

Раздавшийся дверной звонок немного смутил семью. Обменявшись заверениями, что никто никого не ждет, все понадеялись на приход Рейнольда. Но вечерним гостем оказалась заплаканная миссис Смит. Шмыгая носом и вытирая с щек влажные от слез дорожки, она вошла в кухню и пожаловалась на пропажу любимой Элеоноры. Лилит налила соседке стакан сока, позволила сесть на свое место и попросила Айка подать еще один прибор.

— Давно она пропала? — обеспокоенно спросила бабушка.

— Не знаю, — со всхлипом ответила миссис Смит. — Пару часов назад я отлучалась в булочную, оставив Элеонорочку во дворе. Когда я вернулась, ее не было. Я не спешила поднимать панику. Знаете же, как это бывает. Она все равно находится — то у одних соседей, то у других. Но до сих пор никто так и не принес ее домой. — Она уткнулась в платок и завывала.

Линкея, невозмутимо продолжая резать и раскладывать по тарелкам индейку, с улыбкой спросила:

— Положить вам кусочек, миссис Смит?

— Что это? — на секунду отвлекшись от рева, поинтересовалась она.

— Это мои дети самостоятельно приготовили ужин, — похвасталась Лилит. — Впервые!

— Запеченная утка, — ответила Линкея, демонстрируя соседке соблазнительный кусочек филе. — Выращенная на лучшем корме.

— И на луковицах дорогущих голландских цветов, — вставил свое слово Айк, подвигая к себе порцию.

— Даже не знаю, — всхлипнула миссис Смит и, высморкавшись в платок, убрала его в карман. — Хорошо, положи мне немного. И вон тот кусочек можно? И ножку.

Насобирав полную тарелку всего помаленьку и в погоне за бесплатным ужином забыв об Элеоноре, соседка принялась уплетать нежнейшее мясо.

— Ммм, восхитительно, — оценила Лилит труд детей.

— Да, очень вкусно, — поддакнула миссис Смит, смачно жуя.

Линкея намеренно под села к ней поближе и периодически подкладывала ей самые лучшие кусочки и подливала сок.

— Кушайте-кушайте, миссис Смит, — приговаривала она, получая пинки от Айка, заедавшего нагоняемый ее поведением смех.

— Не помню, где вы научились так хорошо готовить, — подметил Тобиас.

— В поварской книге, — успел соврать мальчишка, прежде чем Линкея выбросила бы очередной безумный ответ.

— Волшебнo, — добавил отец.

— Микаэла, милая, поделишься со мной рецептом? — полюбопытствовала соседка.

— Само собой. — Линкея подсунула ей добавку.

Плотно отужинав и подняв себе настроение, миссис Смит поблагодарила соседей за приятно проведенный вечер, осыпала детей Лилит комплиментами и засобиралась домой, вспомнив об Элеоноре аж в холле.

— Надеюсь, она найдется, — подбадривала ее бабушка, провожая к дверям. — Наверняка она уже во дворе, ждет тебя.

— Да, ты права.

— Миссис Смит, — окликнула ее Линкея, поспешно собрав обглоданные косточки в пакет и вынеся их в холл, — возьмите.

— Что это? — заулыбалась та, очевидно, рассчитывая на дополнительное угощение.

— Все, что осталось от вашей Элеоноры. — Линкея пожалала плечами, вызвав у всех шок. — Вдруг вы захотите ее похоронить.

Она пронзительно посмотрела в округлившиеся глаза соседки и скрестила руки на груди.

— Что, прости? — охрипшим голосом прошептала миссис Смит.

— Согласитесь, она действительно оказалась очень вкусной.

Айк, присвистнув, попятился назад и, взяв ретривера за ошейник, потащил за собой.

— Ми-и-ик, — напряженно произнесла Лилит, подкравшись к Линкее, — что ты хочешь этим сказать?

Айку не удалось сбежать. Схвативший его за шиворот отец встряхнул мальчишку и строго спросил:

— Куда собрался? Стоять!

— Мне по нужде! — выкрутился Айк и умчался на второй этаж.

— То есть... мы только что съели мою... Элеонорочку? — Голос миссис Смит дрогнул.

— Мик! — заругалась Лилит. — Что за шутки?!

— Это не шутки. В сарае ее голова и перья, — спокойно доложила Линкея. — И признайтесь, что эта птица давно выклевала не только цветы, но и мозг всем, кто живет в округе. Полквартала скажет мне спасибо!

— Как ты могла? — опять заплакала миссис Смит, прижав к груди пакет с косточками.

— Идем, тебе надо подышать. — Бабушка взяла соседку за руку и вытолкнула ее из дома. На выходе она обернулась и, подмигнув Линкее, выставила вверх большой палец.

Как только дверь закрылась, Лилит развернула Линкею к себе и начала отчитывать:

— Мик, я не узнаю тебя! Ты прекрасно знаешь, как Элеонора дорогá миссис Смит! Что с тобой случилось?! Как можно взять и убить птицу?! Только не говори, что Айк принимал в этом участие! Принимал?!

— Ты должна извиниться, — вмешался Тобиас. В отличие от жены, он говорил тихо и спокойно. — И исправить ошибку.

Схватившись за голову, Лилит заметалась по холлу. Она бурчала, что не верит своим ушам, что жизнь к ней несправедлива, что еще немного и она сойдет с ума.

— Это твоя вина! — прикрикнула она на мужа. — Всегда во всем им потекаешь!

Высказавшись, она ушла в гостиную, где чиркнула зажигалкой и замолчала. Тобиас улыбнулся Линкее и вполголоса произнес:

— Молодец.

Она с ответной улыбкой кивнула ему и, проводив его задумчивым взглядом, вышла из дома. Смеркалось. Миссис Смит сидела в кресле-качалке и навзрыд причитала, какая Микаэла нехорошая и почему-то неблагодарная девочка. Прошмыгнув в сарай, Линкея съпнула петуху немного корма и, взяв клетку, возвратилась на террасу. Подойдя к соседке, она поставила ее перед ней и сухо сказала:

— Извините. Это вам.

Развернувшись, она ушла с террасы, оставив миссис Смит бабушке. Лилит к тому времени поднялась в свою комнату, а Айк спустился с шахматами. Разложив на журнальном столике доску и расставив фигурки, он позвал отца, и они отвлеклись на игру.

Тяжело вздохнув, Линкея присоединилась к ним в качестве зрителя. Она не знала, как скоротать время до приезда Рейнольда. Часы показывали начало девятого. Он задерживался, но она не решалась позвонить — то ли боясь отвлечь его от работы, то ли показаться назойливой. Линкея не привыкла навязывать себя мужчинам.

Наблюдая за игрой в шахматы, она поняла, что скучнее них только Аланнарвальд. Вспомнив вчерашнюю компьютерную игру, Линкея заскучала по Джасперу. С тем было куда веселее!

Бабушка, вернувшись в дом, сообщила, что миссис Смит забрала петуха, успокоилась, прокляла Микаэлу и ушла домой.

— Она такая славная, — осклабилась Линкея. — Пойти ей в ноги поклониться, чтс ли...

— Мик! — одернула ее бабушка. — Хватит. Не перегибай. Ладно, я в душ, пока ванная свободна. И спасибо за ужин. Индейка была что надо.

Она ушла, а Линкея зевнула и, взглянув на Тобиаса, решила выпытать из него хоть что-то об этой семье. Бабушка говорила загадками, у Лилит явно не все дома, Айк слишком юн и необразителен, а Тобиас внушал доверие наивного простачка.

— Отец, — обратилась она к нему и приковала к себе удивленные взгляды. Даже ретривер, подняв голову, замер. — Папа? — улыбнулась Линкея. — Папа. Ты очень любишь меня?

— Странный вопрос, — ответил он, вернувшись к игре. — Конечно, люблю, Мик.

— А какие чувства ты испытывал, когда я родилась?

Он усмехнулся и произнес:

— Мик, какие чувства я мог испытывать, если мы познакомились, когда тебе было пять?

— Пять часов? — переспросила Линкея и поймала на себе озадаченный взгляд Айка. —

Пять дней? Недель?

Тобиас опять посмотрел на нее и судьбоносно уточнил:

— Пять лет, Мик.

На принцессу Эйлинкеля словно вылили ушат ледяной воды. Она встрепенулась и, вытянувшись в струну, переспросила:

— Как, пять лет?

— Ну ты и дура, Мик. — Айк покачал головой, но в ту же секунду получил от Линкей подзатыльник. — Ауч! Па-ап!

— Ты заслужил, — ответил Тобиас в поддержку Линкей. — Нельзя оскорблять женщин. К тому же она твоя сестра.

«Интересно, родная ли?» — задумалась принцесса Эйлинкеля и, встав с дивана, помялась вместо привычного поклона.

— Я пойду... — Она указала на дверной проем.

Ноги отказались слушаться свою хозяйку, но ей удалось задать им правильное направление и подняться на второй этаж. Проходя мимо родительской комнаты, Линкей рефлекторно остановилась. Дверь была приоткрыта. На прикроватной тумбочке лежала притягивающая внимание толстая папка с документами, столь бесценными для Лилит.

Линкей взяла на себя смелость покуситься с миссис Смит и ее гадкой Элеонорой, но у нее не хватало духу потребовать от Лилит объяснений.

«Микаэла приемная дочь, — размышляла она, глядя на заветную папку. — Поэтому у нее такие сложные отношения с семьей».

Линкей подошла ближе и, заглянув в комнату, обнаружила Лилит на балконе. Та потягивала сигарету, стоя спиной к дому. Не теряя времени, принцесса Эйлинкеля юркнула к тумбочке, схватила документы и умчалась в комнату Микаэлы. Запершись, она села на кровать, положила документы на колени и замерла. В ее руках находились ответы на многие вопросы, а вместе с ними и новые вопросы.

Линкей медлила. По непонятной ей причине судьба Микаэлы вдруг стала ее волновать. Принцесса Эйлинкеля не обладала магией или даром предвиденья, зачастую она не замечала даже очевидного. Но в этот раз ее мучило нехорошее предчувствие, а охотничья храбрость куда-то улетучилась.

Проведя пальцами по обложке, Линкей мысленно помолилась богине Милосердия и открыла папку. Поверх документов, датированных самыми разными сроками и имеющих все полагающиеся подписи, печати и штампы, лежали фотографии. Одна свежая — сделанная вчерашним утром на кухне. На ней Линкей узнала себя. А другая старая. С нее на принцессу смотрел...

...король Стефанус!

«Отец?» — онемев от потрясения, спросила Линкей у самой себя.

Она поднесла снимок ближе к глазам и всмотрелась в родные черты. Это точно был молодой король Стефанус! Но не в камзоле и без короны. Одетый в клетчатую рубашку и джинсы, распространенные в этом мире, он улыбался и кого-то обнимал.

Не отходя от шока, Линкей принялась судорожно перебирать документы, из которых узнала, что упомянутый в заявлениях Стефан являлся гражданским супругом Лилит и пропал вскоре после рождения их дочерей.

— Дочерей? — прошептала Линкей, роясь дальше.

Ей удалось выяснить, что на протяжении двадцати лет Лилит не покладая рук

разыскивает пропавшую без вести дочь, которую, вероятнее всего, похитил именно гражданский супруг.

Отложив документы, Линкея обратила внимание на фотоальбомы Микаэлы, оставленные на кровати Рейнольдом. Она бегло пролистала их и нашла тот самый снимок, с которого Лилит продублировала фото Стефана. Конечно, он обнимал ее — мать своих дочерей! А на соседней фотографии Линкея увидела Лилит с двумя новорожденными малышками на руках.

Слезы застлали ее глаза, и принцесса поглубже вздохнула, чтобы успокоиться и не заплакать.

— Значит, ты моя мама...

Линкея отодвинула от себя фотоальбомы и встала. Пройдясь по комнате, она пыталась осмыслить то, что узнала, но ничего не понимала. Как отец оказался в этом мире? Почему похитил ее? Почему не забрал с собой Лилит и Микаэлу в Ценцарию? Вопросов было больше, чем ответов. И все же Линкею радовало, что она наконец-то познакомилась с мамой. Отец никогда ничего о ней не говорил, кроме своей излюбленной фразы: «Она была прекрасной женщиной».

Линкея метнулась к двери, чтобы заявить о себе матери и бабушке, но, взявшись за ручку, остановилась. Рой сбивчивых мыслей зажужжал именем Рейнольда. Принцесса обнаружила самое большое преимущество в сложившихся обстоятельствах — ей не обязательно возвращаться в Эйлинкель. Она наравне с Микаэлой имела право жить в этом мире, в Уотерлу, в семье Лилит. И никто не смел принуждать ее делать выбор в пользу Ценцарии и уж тем более Аланнарвальда.

Линкея взглянула на часы. Было девять. Рейнольд задерживался, но до сих пор не позвонил. Его молчание смутило Линкею, и она решила сама отправиться к нему. Покопавшись в коробках, куда она накануне собрала вещи Микаэлы, принцесса все-таки нашла адресную книгу, выписала из нее адрес мастерской Эктора, а потом вызвала такси и выгребла деньги из сумочки сестры.

— Сестра, — произнесла Линкея, потупив взор в пустоту.

Раз у Микаэлы было фото родного отца, значит, попав в Эйлинкель, она наверняка узнала его в короле Стефанусе! А если так, то Линкея побоялась представить себе, что сейчас происходит дома. Рассказала ли Микаэла обо всем отцу? Знал ли Альтмар о родстве девушек, когда менял их местами? Выведала ли Микаэла, почему отец разлучил дочерей?

Свернув бумажку с адресом и сунув ее вместе с фотографиями в задний карман шорт, Линкея вышла из комнаты. Бабушка что-то напевала в ванной, Лилит суетливо металась от сумки к тумбочке, ища папку, Тобиас и Айк все еще играли в шахматы. Так ничего никому и не сказав, принцесса Эйлинкеля покинула дом. С помятого листочка зачитав водителю такси адрес мастерской, она приехала к Рейнольду в половине десятого.

Начал покапывать мелкий дождик. Гараж, где братья-эмигранты ремонтировали машины клиентов, был открыт. Вокруг лампочек, изливающих желтый свет, жужжали шустрые комары и мошки. Из скрипящих динамиков старого проигрывателя звучала негромкая музыка. На территории небольшого двора Линкея заметила эстакаду и несколько разных автомобилей: здесь были как видавшие виды «корыта», так и новенькие глянцевые «зверюги».

Машина такси уехала, и Линкея медленно вошла в гараж, с интересом разглядывая инструменты и запчасти. Конечно, она ничего не понимала в этих железках, но была не

настолько глупа, чтобы не догадаться, какую большую роль они играют в гарантии технологического прогресса этого мира. В воздухе повис запах машинного масла, бензина и резины, что неудивительно, ведь им здесь пропитаны даже стены.

Рейнольд копался с двигателем стоявшего посреди гаража пикапа. Его майка была покрыта пятнами, впрочем, как и джинсы, и обнаженные руки, и даже щека. Увлеченный работой, он не услышал шум подъехавшего такси, поэтому не заметил, как к нему подкралась Линкея. Сначала она хотела застать его врасплох, но в последний момент передумала, ведь она не знала, как Рейнольд отреагирует на внезапность.

Тихонько кашлянув, Линкея привлекла к себе его внимание. К ее разочарованию, Рейнольд не заискрил огоньками радости, а напротив, по его лицу прошла тень недовольства. Взяв тряпку, он принялся усердно оттирать руки.

— Ты не звонил, — произнесла Линкея, стремясь снять возникшее напряжение.

— Заработался, — буркнул Рейнольд.

Нахмурившись, она прошлась по нему озадаченным взглядом и спросила:

— Что с тобой?

— Со мной? — усмехнулся он, перестав тереть руки и посмотрев на Линкею. — Все по-прежнему. Я тот же Рейнольд. А вот ты кто такая?

Разоблачение огнем произошло по Линкее, и она едва слышно вымолвила:

— Как ты узнал?

— Было несложно догадаться. — Рейнольд смотрел на нее с несвойственной ему холодностью. От горячего южанина почти ничего не осталось. — Я подозревал подмену едва ли с того момента, как ты согласилась на загородную уличную дискотеку. Всякий раз спорил с самим собой, что этого не может быть. Мик не стала бы так поступать и обманывать Лилит. Но сегодня утром, пока ты была в ванной, я снова пересмотрел ее фотоальбомы, и у меня был целый день на раздумья. — Он замолчал и опустил печальный взор на тряпку. — Знаешь, однажды я сказал Мик, что хотел бы познакомиться с ее сестрой, чтобы сравнить, насколько вы похожи и насколько вы разные. Она обиделась.

— Ты знал, что нас двое? — От откровений Рейнольда у Линкеи пересохло во рту.

— Конечно, знал. Мик всегда говорит правду! — Он вновь посмотрел на принцессу Эйлинкеля.

— А я не знала, — призналась она и, вытащив фотографии из кармана, показала их Рейнольду. — Значит, это правда? Мы с ней сестры?

— погоди. — Рейнольд отложил тряпку и скрестил руки на груди. — То есть как — ты не знала? Но вы с Мик где-то же встретились и приняли решение поменяться местами? Прямо как в кинокомедии, — последнее он недовольным тоном фыркнул под нос.

Рейнольд стал чужим. Так же внезапно, как три дня назад ворвался в жизнь Линкеи. Впервые ее сердце разрывалось от чувства вины перед мужчиной. Совладав с эмоциями благодаря глубокому вздоху, принцесса Эйлинкеля ответила:

— Я никогда не встречалась с Микаэлой. Но я расскажу о себе и нашей подмене, если ты расскажешь то, что знаешь о нашем рождении. Я понимаю, что не имею права просить тебя о чем-то после обмана. И все же если произошедшее между нами для тебя не пустой звук, помоги мне. Пожалуйста.

— Для меня не пустой звук?! — Рейнольд повысил голос. — Это ты солгала! Притворилась Мик и заставила меня поверить в собственное счастье! Ты просто развлекалась со мной, а теперь обвиняешь меня! — Он прошелся из стороны в сторону, вероятно, чтобы успокоиться и не наговорить лишнего. — Я впустил тебя в свою жизнь, в свою семью. Но я даже имени твоего не знаю. И после всего этого ты приписала мне холодный расчет к произошедшему?

— Меня зовут Линкея, — представилась она, сглотнув ком горечи, застрявший в горле.

— Приятно познакомиться!

Опустив лицо, принцесса Эйлинкеля взглянула на фотографию Лилит и Стефануса и проговорила:

— Отец не рассказывал мне о маме. Я думала, она умерла. Извини, что потревожила тебя. — Развернувшись, Линкея зашагала к выходу, но на полпути остановилась. — Я уволилась из клиники, запекла Элеонору и скормила ее миссис Смит. Я думала, что делаю это для Микаэлы. Я ошибалась. Я делала это для себя. Ты говорил, что я нравлюсь тебе! Я приехала во всем признаться и сказать, что хочу остаться здесь, с тобой! Ты нужен мне, Рейнольд!

Минуту они молча смотрели друг на друга, после чего Линкея, так и не дождавшись

ответа, пошла дальше.

— У Лилит был парень, — сообщил Рейнольд, вновь задержав принцессу в гараже. Она обернулась, и он продолжил: — Его призвали на службу в армию. В тот день она, проводив его, возвращалась с вокзала. Лилит и так плохо водила, а тогда и вовсе была разбита, вся в слезах. Она не заметила, как на дорогу выскочил мужчина, и сбила его. Напугавшись полиции и гнева матери, она затащила его в машину и привезла к себе на квартиру. Он отделался ушибами, вскоре очнулся и представился Стефаном. Впрочем, по словам самой Лилит, он больше ничего не мог сказать по-английски. Кто он, откуда, как оказался на дороге... Все оставалось загадкой. Лилит была взбалмошной, отчаянной. Говорит, смилостивилась над ним, позволила пожить у нее. Она работала в баре, а он помогал ей по дому. Поначалу они жили как квартиранты, а потом произошло то, чего больше всего боялась ваша бабушка. Она ругала Лилит, настаивала, чтобы та выгнала постороннего мужчину, ведь у нее есть жених. Но все было бесполезно.

Лилит забеременела. На небольшом сроке узнала, что будет двойня. Она написала своему парню прощальное письмо и попросила его больше не появляться в ее жизни. В то время, как она строила планы на совместное будущее со Стефаном, ваша бабушка надеялась, что он исчезнет так же, как и появился, — однажды и навсегда. Не доверяла ему.

Шли дни, недели, месяцы. Ваши родители готовились к вашему рождению. Стефан уже лучше понимал английский и понемногу говорил. А ваша бабушка копала под него. К сожалению, она ничего о нем не узнала. Он будто возник из ниоткуда.

Потом родились вы. Стефан не сбежал, и ваша бабушка рано обрадовалась, что напрасно волновалась. Они поладили и начали обсуждать выбор имен для дочерей. Однако в первое же утро после вашего с Лилит возвращения из роддома он все-таки исчез. А вместе с ним исчезла и одна из вас. Он оставил в память о себе какой-то старый кулон, который Мик носит на шее. Она ненавидит тебя. Так что не думай, что обрела сестру.

— Ненавидит? — поразилась Линкея. — Что плохого я ей сделала?

— Ты отравила ее жизнь. Лилит помешалась на твоих поисках. Первые годы Микаэлу воспитывала бабушка, а ваша мама, разъезжая по стране, обращалась во все полицейские участки с заявлением о пропажи гражданского мужа и дочери, имени которой даже не знает. Но случилось так, что пять лет спустя Лилит случайно встретила своего бывшего парня. Он так и не женился. Они стали общаться, он познакомился с тобой... Извини, с Мик. Они подружились. И вскоре Лилит вышла за него.

— Тобиас был ее женихом, когда она познакомилась с отцом?

— Да. Он простил ее, принял Микаэлу как родную. И даже после рождения Айке никогда не смел обижать ее. Она называла его папой. Лилит делала все мыслимое и немислимое, лишь бы найти тебя. Она сделала из Микаэлы юную фотомодель и актрису. Лилит была уверена, что ее вторая подрастающая дочь заметит своего близнеца с экрана телевизора или с обложки глянцевого журнала и объявится сама. Но пришел день, когда Мик взбрыкнула. Она жила в угоду матери и однажды напомнила, что у нее тоже есть желания. Тобиас поддержал ее. И тогда в семье начались проблемы. Больше никто не бегал вокруг Лилит. Каждый стал заниматься своим делом. Вот и вся история.

— Никогда бы не подумала, что отец на такое способен, — прошептала Линкея за секунду до оглушающего раската грома.

Дождь быстро разыгрался, и частые крупные капли заколотили по металлической крыше гаража.

— Кто он? — поинтересовался Рейнольд. — Криминальный авторитет?

— Он король, — ответила Линкея, посмотрев ему в глаза. — Король Эйлинкея в Северной Ценцарии.

— Это что, малое европейское государство или местность в Южной Африке?

— Это параллельный мир. Он подобен вашему. Там тоже живут люди и звери. Но основой мира является магия. С ее помощью наш придворный маг Альтмар и поменял нас с Микаэлой местами.

— Ах, вон как все просто, — усмехнулся Рейнольд, покачав головой. — А я-то тут про какой-то криминал. Ты по-прежнему держишь меня за идиота?

— Я говорю правду! — настаивала Линкея, шагнув вперед. — Я телепортировалась из другого мира. На меня покушались. Чтобы разрушить вражеские чары магии, требовался мощный энергетический барьер по типу межмирового портала. Альтмар нашел Микаэлу. Мы думали, она мой двойник, и решили на время поменять нас местами. Я же не знала, что она моя сестра. И точно не знала, что влюблюсь в тебя!

— Магия, параллельный мир, король-отец, покушения, поменялись местами на время... И после этого ты говоришь о какой-то любви? Знаешь, какая самая большая разница между тобой и Микаэлой? — Рейнольд тоже сделал шаг по направлению к Линкее. — Она не лжет!

— Клянусь всеми богинями Ценцарии, я говорю правду!

— А какое место в этой правде занимает твое отличное знание английского? Или в вашем мире те же языки, что и у нас? — В голосе Рейнольда не было ни капли веры словам Линкеи.

— Это магия, — устало выдохнула принцесса Эйлинкея.

— Я не знаю, за кого ты меня принимаешь: за придурка или игрушку, или и за то, и за другое. Но имей в виду, что у меня тоже есть сердце. Ты надавила на самое больное. И вместо того, чтобы чистосердечно во всем признаться, снова врешь.

— Рейнольд...

— Уходи! — Он шагнул назад, дав понять, что больше не хочет видеть Линкею.

Секунду помедлив, она круто развернулась и, заплакав, выбежала под проливной дождь.

Все, о чем она мечтала с самого детства, — свобода от вынужденного соблюдения законов Всемирного Соглашения о Мире и Достатке Ценцарии, возможность самостоятельно принимать решения, мама и, в конце концов, любимый мужчина — разбилось на осколки, подобно только что купленной хрустальной вазе, выпавшей из рук. Скрывшись за стеной дождя, Линкея бежала как можно быстрее и дальше, пока не обессилела от усталости и рыданий. Тыльной стороной ладони вытирая лицо от воды, смывающей слезы, она чувствовала себя самым несчастным человеком во всех существующих мирах. Рейнольд не поверил ей, тогда где гарантия, что поверят мама и бабушка? Он не простил, простят ли они? Только теперь до Линкеи дошел смысл слов бабушки. Она снова и снова прокручивала их в памяти и жалела, что сразу не рассказала обо всем Рейнольду.

Терзаемая невыносимой болью, она не заметила, как оказалась за городом. От промышленного микрорайона, где располагалась мастерская Эктора, до выезда было рукой подать. Поэтому Линкее не понадобилось много времени, чтобы выбежать на перекресток главных шоссе и едва не угодить под колеса несущегося фургона. Среагировавшему водителю удалось объехать принцессу, выскочившую на запрещенный сигнал пешеходного светофора, а после этого он не поленился притормозить, опустить стекло и выкрикнуть:

— Жить надоело?!

Обхватив плечи руками, Линкея молча поплелась дальше. Она хотела побыть одна, подумать, смириться с неизбежностью произошедшего.

Уотерлу утонул в ночи, светясь размытыми огнями, которые будто пытались пробиться сквозь толщу дождевой воды и давящих туч, скрывших звезды, столь любимые Рейнольдом.

Мама, бабушка, единокровная сестра, еще один брат и мужчина мечты. Линкее следовало прыгать от счастья, что она обрела их. Однако цена оказалась слишком высокой. Принцесса Эйлинкея на собственном опыте поняла, что не все на свете дается легко. Что-то нужно вымалывать, за что-то приходится бороться, а самое дорогое не всегда по плечу.

— Где же вы, богини Любви и Бескорыстия? — спрашивала Линкея. — Почему оставили меня, когда я больше всего в вас нуждаюсь?

Продолжая причитать сквозь слезы, принцесса Эйлинкея шла вперед, пока не услышала сигнал клаксона, пронзающий шум дождя. Остановившись и обернувшись, Линкея увидела яркий свет одиночной фары мчащегося мотоцикла. Догадавшись, что это Рейнольд, она вмиг избавилась от плохих мыслей безысходности и опустошения и улыбнулась.

В следующую секунду радость сменилась ужасом на ее лице. Оказавшись на том самом злополучном перекрестке, Рейнольд спешил проскочить на «красный», но не успел. Удар с внезапно появившимся грузовиком отбросил мотоцикл вместе с наездником на десять ярдов, после чего Рейнольда протащило по дороге вслед за ревушим байком. Мокрый асфальт не давал грузовику возможности притормозить, и чтобы не переехать неудачного байкера, водителю пришлось свернуть на обочину. Линкея уже со всех ног неслась к Рейнольду, когда перепуганный до полусмерти мужчина выпал из кабины и кинулся на подмогу.

— Господи! — взревел он. — Он живой?! Живой?!

Упав перед стонущим Рейнольдом на колени, принцесса Эйлинкея увидела кровь, расплывающуюся по воде на асфальте.

— Нет, — пробормотала она, дрожащими руками ощупывая его тело. — Нет, нет, нет...

— Он живой?! — опять спросил подбежавший водитель. — Ужас, сколько крови!

Погодите, мисс, я сейчас вызову «скорую»! — Он вытащил из кармана куртки мобильник и, наклонившись защищая его от дождя, стал набирать номер. — Клянусь, я не видел его! Только не умирай, парень... Алло... — Он отошел в сторону.

Претерпевая боль, Рейнольд все же из последних сил держался за остатки сознания. Линкея взяла его за руку и крепко сжала. Дождь смыл с его лица кровь, и принцесса закрыла его собой.

— Потерпи, Рейнольд, — вновь расплакавшись, попросила Линкея. — Пожалуйста.

Он попытался что-то сказать, но она перебила его:

— Тсс... Не надо. Молчи. Я все знаю. И не смей умирать, слышишь!

Рейнольд закрыл глаза, и его тело обмякло. Линкея, кое-как взяв себя в руки, приложила ухо к его груди, уловила слабое сердцебиение и дыхание и горячо помолилась: «Простите меня, всемогущие богини. Я согрешила, утратив веру в вас. Но умоляю, не отыгрывайтесь на нем... Я люблю его».

Дальнейшее происходило как во сне, в котором Линкея мало что понимала. Приехавшие врачи озвучили множественные переломы, травму головы и возможные повреждения внутренних органов. Шею Рейнольда зафиксировали специальной шиной, на его лицо надели маску для искусственной вентиляции легких, ему вкололи какие-то лекарства. А когда его подняли в машину, сделали капельницу.

— Я его не видел... Не видел, — твердил водитель грузовика приехавшим сотрудникам дорожно-патрульной службы.

— Мисс, вы его знаете? — спросил у Линкеи один из медбратьев.

— Д-да, — нерешительно ответила она. — Я... его невеста.

— Поедете с нами. — Он помог ей занять место в машине.

По пути в городской госпиталь Линкея несколько раз спросила, будет ли Рейнольд жить. Врачи хоть и уверяли ее, что все будет хорошо, между собой обменивались не предвещающими ничего хорошего заключениями.

У ресепшена клиники их встретили Лурдес и Эктор.

— Как это произошло?! — сразу спросил брат Рейнольда.

— Извините, пропустите нас! — потребовали от него врачи.

— Готовьте операционную! — приказал встретивший их хирург. — Мэм, вам дальше нельзя! — Он остановил Линкею, и Лурдес взяла ее за руку.

Рейнольда повезли к лифту, а принцесса Эйлинкея пошатнулась от едкого чувства собственной беспомощности.

— Я узнала от коллеги, — пояснила Лурдес, усаживая ее на диванчик. — Ты не пострадала? Эктор, принеси ей воды и позвони Джасперу, пусть принесет для Мик сухую одежду.

Линкея оглядела себя и увидела, что она вся в крови. Вспомнив о том, что сейчас в Эйлинкеле бал в честь объявления их с Аланнарвальдом свадьбы, ей стало еще сквернее. Если бы она не испытывала лютую неприязнь к принцу Халагрохильда и не сбежала, ничего бы не случилось.

— Это я виновата, — прошептала Линкея. — Я виновата. Я.

Не выдержав, она опять заплакала. Лурдес, сев рядом, обняла ее и прижала к себе.

— Он выкарабкается, — твердо сказала она. — Это же Рейнольд. Он сильный.

Часы ожидания потянулись для Линкеи бесконечностью, наспигованной ядовитыми иголками угрызений совести. Ни вода, ни обезболивающее, ни чистая одежда не могли уменьшить ее тревогу. Медленно она тонула в океане запоздавшего раскаяния.

Сама того не заметив, она уснула. А разбудила ее Лилит.

— Привет, милая, — с улыбкой прошептала она, погладив ее по руке. — Ты как?

Линкея встрепенулась и, поморгав, осмотрелась. Лурдес, Эктор и Тобиас разговаривали с доктором, оперировавшим Рейнольда.

— Он жив? — обеспокоенно спросила она, заметив волнение на их лицах.

— Да, Мик, он жив, — ответила Лилит. — Прости за то, что наговорила тебе из-за миссис Смит. Нам сообщили, что в момент аварии ты была с Рейнольдом. Мик, я никогда в жизни не переживала за тебя так, как в ту минуту. Я умерла бы от горя, если бы с тобой что-нибудь случилось.

Линкея взглянула в ее наполненные виной и страданиями глаза.

— Я была несправедлива к тебе, милая. Все воспринимала как должное. Жаждала найти твою сестру, совсем забыв о тебе. Это неправильно. Твою сестру лишил матери ваш отец, а тебя — я. Прости меня, если сможешь.

Линкее хотелось сказать, что она не имеет права прощать за Микаэлу, сказать, кто она и откуда. Но здоровье Рейнольда интересовало ее намного больше интриг своей семьи.

К ним подошел Тобиас. Глубоко вздохнув, он заговорил:

— У Рейнольда черепно-мозговая травма, повреждения органов брюшной полости, переломы и большая потеря крови. Операцию он пережил. Сейчас его состояние стабильно. Но до утра доктор не решается конкретизировать шансы на его выздоровление. Мик, может, ты поедешь домой? Тебе нужно помыться, поспать.

— Я останусь, — устало ответила Линкея, обратив внимание на плачущую Лурдес в объятиях мужа.

— Что мы скажем родителям, Эктор? — всхлипывала она.

— Мик, от того, что ты истязает себя, ничего не изменится, — сказал Тобиас. — Когда Рейнольд очнется, он должен видеть полную жизни любимую, а не убитую горем мученицу.

— Папа прав, — поддержала его Лилит. — Мы с ним останемся. И в случае необходимости сразу же позвоним тебе.

«Я не Мик, — мысленно ответила им Линкея. — Микаэла сейчас спит в моей постели натанцевавшись с Аланнарвальдом на скучном балу. Зачем только я согласилась с Альтмаром на эту подмену?!»

— Хорошо, — подумав, кивнула она. — Я поеду.

Тобиас вызвал такси, проводил Линкею до машины, заранее расплатился с водителем и на прощание пообещал, что все наладится:

— Вот увидишь, при вашей следующей встрече Рейнольд будет смеяться.

Принцесса Эйлинкея посмотрела в его большие добрые глаза и произнесла:

— Прости.

— За что, Мик?

— За боль, причиненную тебе когда-то.

— Ты никогда не причиняла мне боль, Мик. — Он склонился, поцеловал ее в лоб и, отойдя, закрыл дверь.

Приехав домой, Линкея застала бабушку и Айку в гостиной. На мгновение она

остановилась в дверном проеме. Она ожидала шквал вопросов, которые так и не посыпались.

— С тобой побыть? — все, что спросила бабушка.

— Нет, — тихо ответила Линкея, помотав головой.

Поднявшись на второй этаж, она приняла прохладный душ и, переодевшись в халат, залезла под одеяло. Линкею бил озноб. Она подозревала, что простудилась в довесок к потрясению от пережитого горя, но свое недомогание она могла вылечить отваром трав, поэтому меньше всего ее беспокоила какая-то простуда.

Поспать так и не вышло. Всю оставшуюся ночь Линкея проворочалась, переворошив постель.

К рассвету дождь прекратился. Принцесса Эйлинкея встала и, испытывая ломоту во всем ослабшем теле, подошла к окну. Она намеревалась открыть его, чтобы проветрить комнату и впустить в нее свежий воздух. Распахнув занавески, Линкея ощутила головокружение и оперлась руками о подоконник. Перед глазами все поплыло, а вокруг нее стало сгущаться искрящееся голубое облако.

«Межмировой портал! — догадалась Линкея, вспомнив, как он выглядел в прошлый раз. — Альтмар сумел открыть его раньше!»

— Еще рано! — запаниковала принцесса Эйлинкея, пятясь назад. — Нет, Альтмар! Только не сейчас!..

Пол ушел из-под ее ног, и в следующее мгновение Линкея перенеслась в свои королевские покои.

Ценцария, Эйлинкель

— Вы что, копались в моих мыслях?! — возмутилась Микаэла, с неодобрением взглянув на принца.

— Нет, я так не делаю, — улыбнулся он. — Мне рассказал Йен. Он стал свидетелем нашего с вами неприятного разговора в саду и, когда вы сбежали, коротко посвятил меня в тайны вашего рода. У вас крайне заботливый кузен. Он беспокоится о вас.

— Ох, Йен! Ну конечно! — Всплеснув руками, Микаэла встала и подошла к камину. Подкинув сухих щепок в огонь, она подтолкнула их кочергой и вспомнила о пощечине. — Неловко вышло. Вы говорили с Линкеей, а я все приняла на свой счет.

— Я оскорбил вашу сестру. Все честно. Если бы кто-то посмел обидеть моих сестер, я бы тоже ответил.

Микаэлу разбирало желание откровенно признаться, что ей плевать на Линкею с ее дурной репутацией, но это было слишком личным даже в разговоре с Аланнарвальдом.

— Так вы расскажете мне о себе или нет? — поинтересовался принц, встав с дивана и сев рядом с Микаэлой.

— Разве вы хотите узнать меня? — с сомнением уточнила она, взглянув в освещаемое каминными бликами лицо Аланнарвальда.

— А разве моей просьбы недостаточно для ответа? Не стану лукавить, когда наш дар слился воедино, я кое-что почувствовал. Кое-что сильное и важное.

Признание принца заинтриговало Микаэлу. Улыбнувшись, она спросила:

— Что же?

— Чистоту, — ответил Аланнарвальд, засмутив ее. — Вы далеко не послушная овечка, но вы невинны.

Покраснев от замешательства и злости, Микаэла отвернулась к камину и стиснула зубы, чтобы не нагрубить принцу.

— Простите, вероятно, вы неправильно поняли мою мысль. Сейчас я постараюсь выразиться яснее. Вы не стремитесь понравиться людям. Вы настойчивы, резки и несдержанны. Но вы умны, добры и отчаянны. Вы не охотница, вы правительница с обостренным чувством справедливости и снисходительности, которые редко так тесно граничат друг с другом. Вы прирожденная королева.

Не зная, как воспринимать слова Аланнарвальда — за лесть или искренний комплимент, Микаэла усмехнулась:

— Королева ветлечебницы! — Она отложила кочергу и вытянула замерзшие ноги к огню. — Я живу с родителями, бабушкой, младшим братом и его собакой. У меня есть подруга Джоанна. Вечная мечтательница, уверенная, что ее судьба — это блондинистый рыцарь на коне. Мы с Джоанной работаем в ветеринарной клинике и держимся за нее, потому что в нашем городке с нормальной работой так же «густо», как и с рыцарями. Нет ни того, ни другого. Я учусь дистанционно и после выпуска стану никому не нужным квалифицированным менеджером.

— Извините меня за невежество, но если я еще могу понять, что такое ветеринарная клиника, то не имею малейшего представления о дистанционном обучении и менд... менеджере. — В тоне принца послышалась увлеченность разговором. Он не заискивал ради

поддержания беседы, он действительно интересовался Микаэлой.

— Не заморачивайтесь. — Она махнула рукой. — Бесцельно прожитая жизнь — норма нашего мира. А век высоких технологий и вовсе сделал из людей компьютерных рабов. Мы работаем с утра до ночи, чтобы выставлять свои достижения напоказ в интернете. Причем зачастую эти достижения ограничиваются обедом в дорогом ресторане или примеркой брендовой кофточки в модном бутике ради одной-единственной фотографии для соцсетей. Хотя нет. Есть еще одна причина вкалывать в поте лица. Мы делаем это, чтобы нашим котикам жилось как в раю...

Микаэла посмотрела на Аланнаварльда и замолчала на полуслове. Принц застыл с открытым ртом, явно зависнув еще на «компьютерных рабах». Засмеявшись, Микаэла прикрыла рот рукой и выдавила:

— Прошу прощения.

— Всемогущие богини Ценцарии, — в шоке прошептал Аланнарвальд. — В каком диком мире вы живете.

— Да, вы не выдержали бы там и одного дня, — все еще залиvisto смеясь, сказала она.

— Неужели вы вернетесь туда?

Этот вопрос навеял на Микаэлу грусть. Перестав смеяться, она глубоко вздохнула и вновь перевела взгляд на огонь.

— Я привыкла жить по установленному мной распорядку: утренняя пробежка или гимнастика, завтрак, работа, кофе, велосипед, учеба; в выходные — библиотека, театр, музей, изредка кино. Иногда бабушка берет меня с собой в бассейн или парикмахерскую.

— Вы мало говорите о семье. Даже о подруге сказали больше, — заметил принц.

— Наверное, потому что вопрос о желании вернуться касается именно семьи. У меня специфические отношения с родителями и братом. Моя жизнь безразлична маме. Папа живет под ее каблуком. А Айк все делает мне назло. Ему нравится выводить меня из себя, а потом жаловаться маме, чтобы она очередной раз напомнила мне мое место. Вы спрашиваете, вернусь ли я домой? Там тяжело. Но назовите хотя бы одну причину, способную оставить меня здесь?

— Отец, — не растерялся Аланнарвальд.

Микаэла с горечью хмыкнула:

— Он обманщик.

— Король Стефанус не подлец. Попробуйте поговорить с ним.

— Я поговорю, но не уверена, что это повлияет на мое решение. Его мерзкий поступок отразился на всей моей семье.

— Хорошо. А Йен? — не унимался принц. — Вы оставите его?

— Он не маленький. Мы знакомы всего три дня. Он быстро отвыкнет от меня.

Аланнарвальд ненадолго умолк. Его дыхание вдруг участилось и стало слышимым. Он разволновался. Микаэла же не осмеливалась поднять лица. Наконец принц произнес:

— А я? Меня вы тоже легко оставите?

Она все-таки взглянула на него, и в его манящих глазах прочитала печальную мольбу.

— Я тоже не маленький, — добавил Аланнарвальд. — Но я не отвыкну от вас.

Непроизвольно Микаэла накрыла ладонью перстень королевы Эллиады на своем пальце и глухим шепотом ответила:

— Вы публично сделали предложение руки и сердца ее высочеству принцессе Линкее, и она дала свое согласие. Вам не кажется, что я немного третья лишняя?

— Что бы мы делали без Йена? — уголок губ улыбнулся принц. — Я имею право расторгнуть соглашение взамен нового.

Догадавшись, на что намекает Аланнарвальд, Микаэла опять столкнулась с ощущением подвластности, от которого когда-то болезненно избавилась, раз и навсегда напомнив Лилит свои права.

Поднявшись на ноги и поправив платье, она направилась к столу.

— С чего вы взяли, что я выйду за вас? Мы совсем не знакомы.

— Мне достаточно того, что я знаю! — Принц тоже встал.

— А мне нет! — заявила Микаэла, обернувшись на полпути. — Вы готовы пожертвовать личным счастьем ради Всемирного Соглашения о Мире и Достатке Ценцарии. Тогда можете ли вы обязаться, что в чрезвычайной ситуации не пожертвуете женой и детьми? Я не хочу становиться узницей собственных страхов! Мне слишком мучительно далось избавление от кандалов неволи, и я не намерена заключать себя в новые. Вы жених Линкеи. Точка! — Высказавшись, она дошла до стола, ковшом зачерпнула воды из ведра и едва поднесла его ко рту, как Аланнарвальд твердо ответил:

— Бросите вы меня или нет, я все равно не женюсь на принцессе Линкее. Пусть развернется земля и богини выпустят всепоглощающее пламя войны, но я не отступлю. Потому что теперь у меня есть веский повод подумать о личном счастье. Ведь я влюблен!

— Не говорите глупостей, — поспорила Микаэла, обнаружив для самой себя, что признание принца ей приятно до дрожи в коленях.

— Глупость — отрицать, что вы тоже имеете ко мне чувства!

— Вы слишком самоуверенны. — Она отставила ковш, так и не попив. Боясь захлебнуться, Микаэла решила воздержаться от утоления жажды и смириться с пересохшим горлом. — Сила Миры не причина объединяться узами брака.

Аланнарвальд разозлился. Пройдясь по комнате, он рухнул на диван и подпер голову рукой.

— Эта сила притянула нас друг к другу из разных миров, — спокойнее сказал он. — Мы не можем пренебрегать дарами богинь.

— А вдруг у Линкеи тоже часть силы Миры. Что тогда? Будем жить втроем? — прямо спросила Микаэла, повернувшись к принцу и скрестив руки на груди. — С ней вы будете по четным числам, а со мной по нечетным? А если я передам свой дар Альтмару, вы и на нем женитесь? Ваша влюбленность — магическое притяжение, ничего больше. Вы когда-нибудь по-настоящему любили? Так, что не могли дышать без этого человека?

Аланнарвальд поднял лицо и тихо полюбопытствовал:

— А вы?

Его проникновенный взгляд приковал ее к полу. Не в силах пошевелиться под гипнотическим взором ярко-голубых глаз Микаэла потеряла дар речи.

— Мои сестры верят в сказочную любовь из легенд и сказов Ценцарии. Они еще юны и неопытны. Но вы-то должны понимать, что в романтическом удуше нет ни любви, ни страсти. Хотите знать, почему я уверен в своих чувствах? — Принц снова встал. Заложив руки за спину, он выпрямился и гордо поднял подбородок. И хотя его грязное, порванное, окровавленное одеяние и взъерошенные волосы скрывали его королевскую принадлежность, Микаэле было не до смеха. — Я дышу. Я ем. Я улыбаюсь. Поверьте, я даже немного сплю. Но я не чувствую былого удовлетворения от дней и ночей, если вас нет рядом. Вы лишили меня покоя. Мои мысли там — на состязании по стрельбе, в ночном полете с Афесом, за

чаем у камина малой гостиной, на сегодняшнем балу, здесь. Они там, где вы, ваше высочество. Вы завораживаете меня своим голосом, улыбкой, манерами, харизмой. Это невероятно. Вы точная внешняя копия вашей сестры, знакомство с которой вызывает стыд (что уж говорить о браке!), но вы ее полная противоположность. Меня тянет к вашей душе, ваше высочество. Уйдя, вы разобьете мне сердце.

— Ух ты! — Микаэла растерянно поглядела по сторонам. — Вы что же, даже не скажете, что я единственная и неповторимая? Что у меня глаза как озера, в которых можно утонуть? Что всю свою жизнь вы искали именно меня? Что со дня нашей встречи ваша жизнь утратила всякий смысл? Не подарите мне цветы? Не сыграете на гитаре? Может, хотя бы зачитаете стихи? Что — нет? — Она облегченно выдохнула и улыбнулась. — И не попытайтесь поцеловать меня?

— А можно? — Аланнарвальд впервые выглядел как простодушный мальчишка.

— Нет! — рявкнула Микаэла и, отвернувшись, все же пригубила воду.

Стараясь пить потихоньку, чтобы громкими глотаниями не разрушить нежную атмосферу, она спиной чувствовала, как принц не сводит с нее пристального взгляда.

«Наверное, он думает, когда же я напыюсь и как вообще в меня столько лезет? — мысленно хихикала Микаэла. — Пусть еще полюбуется, как я брею ноги. То еще зрелище! Может, тогда у него мозги на место встанут!»

Звучно выдохнув, она поставила ковш на стол и уверенно двинулась к шкафу. Достав оттуда одеяло, Микаэла с невозмутимостью обратилась к Аланнарвальду:

— Я лягу у камина. Вы ранены. Вам будет удобнее на диване.

— Ч-что? — с запинкой переспросил он, смутившись.

— Утром нам предстоит возвращение в замок и нелегкий разговор с родителями. Мы устали, вымотались, замерзли. Разумнее хорошо отдохнуть и выспаться, чем потратить ночь на пререкания.

— Мое признание — бесполезная трата ночи? — удивился принц.

«Ага! Особенно учитывая полезность моего побега из замка. Попалась в лапы разбойников, подвергла опасности ваши с Йеном жизни, стала причиной ранений, а возможно, и смертей королевских стражников. Внесла, блин, свой бесценный вклад в развитие и процветание Эйлинкеля!»

— Или вы не верите мне?

— Верю, — ответила Микаэла, положила одеяло на диван и вернулась к шкафу за вторым.

— Ничего не скажете?

Взяв еще одно одеяло, она как можно медленней закрыла дверцу шкафа и, продолжая стоять спиной к принцу, произнесла:

— Дайте мне время, ваше высочество. Не давите на меня, пожалуйста.

— Говорят, богини Ценцарии награждают терпеливых благами, — уже позитивнее проговорил Аланнарвальд. — Я подожду.

Его ответ расслабил Микаэлу. Она обернулась и, улыбнувшись, кивнула принцу. Подойдя к камину, она поправила шкуры, но не успела расстелить одеяло.

— Ложитесь на диване, — нарушил недолгую паузу Аланнарвальд. — Я не усну, зная, что на полу возле меня корчится принцесса.

— А вы хитры, — засмеялась Микаэла. — Здесь теплее, чем на диване.

— Что ж! — Принц обошел диван и, ухватившись за спинку, подтащил его к камину. —

Проблема решена! — Он отряхнул руки и смело лег на пол.

— Спасибо, — вежливо ответила Микаэла и, положив одеяло рядом с Аланнарвальдом, устроилась на диване. — Перестаньте называть меня принцессой и обращаться ко мне «ваше высочество». Я простая девушка.

— Вы дочь короля. Не имеет значения, титулованная или нет. Для меня вы принцесса, ваше высочество. Точка, — с улыбкой добавил принц.

Микаэла опять засмеялась. Несмотря на свое неверие в любовь с первого взгляда, она не испытывала настороженности к Аланнарвальду. Ее внутренний голос кричал, что принц не лжет. Поэтому она решилась сказать:

— Вы тоже не безразличны мне.

Аланнарвальд взбодрился и, подперев голову рукой, посмотрел на Микаэлу.

— Не обольщайтесь, — улыбнулась она. — Первое впечатление может быть обманчиво.

Принц засмеялся и лег на спину. Посмотрев в потолок, он произнес:

— Спокойной ночи, ваше высочество.

— И вам, — ответила Микаэла и, натянув на себя одеяло, закрыла глаза.

Каждая мышца ее тела изнывала от недомогания, а в голове гудел рой беспорядочных мыслей об Альтмаре, силе Миры, торлугах и Аланнарвальде. Микаэлу быстро клонило в сон, и она не сопротивлялась, жаждая отдыха. Порой, засыпая, человек вздрагивает от резких видений. Чаще всего это падение в пропасть. Раньше подобные приступы преследовали и Микаэлу — перед новой фотосессией или съемкой рекламного ролика. Но то, что она увидела в эту ночь, не поддавалось никакому разумному объяснению. Почти не вспоминая Рейнольда со дня их разрыва, Микаэла внезапно увидела его в своем сне. Она словно находилась рядом с ним, когда он, хмурясь и бранясь, раскидывал инструменты в гараже, расхаживал из стороны в сторону, то хватаясь за голову, то поднимая лицо вверх, будто ища ответы, когда садился на свой мотоцикл и несся в пугающую неизвестность по безлюдному ночному шоссе, обильно поливаемому мощным дождем-водопадом.

Микаэлу разбудила огненная вспышка, похожая на грозовую молнию. Вдрогнув, она открыла глаза и сфокусировала зрение на деревянных фермах сводчатой крыши. Очередной грохот напомнил ей раскат грома. Приподнявшись на локтях, Микаэла огляделась. Огонь в камине давно погас, а Аланнарвальд уже открывал дверь стучавшему визитеру.

Появившийся на пороге Йен потрясенно посмотрел на принца и перевел взгляд на встающую с дивана Микаэлу.

— Сегодня дождь? — охрипшим после сна голосом спросила она.

— С чего ты взяла? — Йен вошел в хижину и подал Аланнарвальду его мантию. — Скоро рассвет. На улице вас ждет Афес. Пора возвращаться. Ее величество королева Эллиада от волнения не находит себе места.

Микаэла потрясла головой, чтобы избавиться от остатков дремоты, и взяла у подошедшего к ней Йена меховое пальто Линкеи.

— Я предупредил дядю о том, что ты хочешь серьезно поговорить с ним.

— Да, нам есть, что обсудить, — проворчала Микаэла. — Например, почему он распустил по лесу опасных преступников?

Йен улыбнулся и помог ей надеть пальто.

— Выглядишь потрясающе.

— Находишь? — улыбнулась она. — Может, мне замуж в таком виде выходить?

Их воркования привлекли внимание одевающегося Аланнарвальда. Он с нескрываемой

угрозой покосился на Йена, отчего тот убрал руки от Микаэлы и сделал шаг назад.

— Альтмар в замке? — спросила она, когда они вышли на улицу.

— Я его не видел, — честно ответил Йен.

— Ты не освободил Лена?! — возмутилась Микаэла.

— Ну извини! У меня были дела поважнее! Торлуги, раненые шерлуги, объяснения перед двором!

— Прости, — виновато пискнула она. — Йен, я обнаглела. Ты столько сделал и делаешь для меня, а я требую еще и еще. Спасибо. Без тебя я с ума бы тут сошла.

— Пустяки, — смягчился он. — Сегодня все решится. — Йен взял своего аба под уздцы. — С кем поедешь?

Микаэла беглым взглядом прошлась по прибывшему конвою и остановила его на Афесе, приветственно кивающем подошедшему к нему хозяину.

— С женихом, — едва слышно ответила она и, улыбнувшись, приблизилась к пегасу. — Он рад вам.

— И вам, — уточнил Аланнарвальд, поглаживая светящуюся гриву Афеса. — Не желаете еще раз полетать?

— Желаю. И требую взять меня с собой.

— Это приказ?

— Самый настоящий! И учтите, я прирожденная королева! — напомнила Микаэла слова Аланнарвальда.

Он засмеялся и помог ей сесть на пегаса, затем занял место позади нее и поднял Афеса над поляной. Сделав небольшой круг, пегас завис перед конвоем, и принц объявил:

— Мы оторвемся, поэтому поспешите!

Йен согласно кивнул, а Аланнарвальд, развернув крылатого коня, взял курс в сторону замка.

Стоя перед решеткой тюремной камеры, Альтмар изучающе разглядывал запертых здесь торлугов и хмурился из-за буйного мыслительного процесса в своей голове.

— Скольких привели? — спросил он у сопровождающих его шерлугов.

— Двенадцать. Остальные сбежали.

— А тебя я знаю, — обратился маг к Тибу, одиноко стоявшему у дальнего угла. — Ты недавно был изгнан по решению народного суда.

Молодой осужденный молча потупил взор в пол.

Глубоко вздохнув, Альтмар развернулся и направился к лестнице, по пути шелестя развевающейся мантией.

— Я всегда говорил, что нельзя идти на поводу у толпы, — проворчал он, поднимаясь к двери. — Развели демократию в монархическом государстве! Надеюсь, ее высочество принцесса Линкея не пострадала?

— Нет. За ней уже отправился конвой.

— Хорошо, — сквозь зубы процедил Альтмар, надеясь как можно скорее встретиться с Микаэлой и раз и навсегда закрыть ей рот.

Сунув руку за пазуху, он нащупал флакон с зельем забвения, которое намеревался применить, как только его оппонентка вернется в замок, и вышел из темницы.

Светало. Под крик проснувшихся петухов над двором закружил пегас принца Халагрохильда. Альтмар жестом руки распустил стражу и незаметно прокрался к широкой колонне у нижних ступеней парадной террасы. Как только тяжело дышащий Афес приземлился, Аланнарвальд спрыгнул с его спины и помог спуститься Микаэле.

— В этот раз ощущения были иными, — восторженно сообщила она.

— Не так страшно? — поинтересовался принц, поглаживая морду Афеса.

— Да! — Микаэла кивнула. — В этот раз я боялась вас чуточку меньше.

Аланнарвальд засмеялся и, позволив придворным инлугам отвести пегаса в конюшни, взглянул на Микаэлу:

— Разрешите проводить вас до покоев?

Она посмотрела куда-то сквозь принца и ответила:

— Уверена, здесь защитники мне не понадобятся. А вы лучше успокойте вашу матушку.

Аланнарвальд обернулся и увидел спешно спускающуюся к ним королеву Эллиаду.

— Хорошо, как скажете, — нехотя согласился он, опять обратившись к Микаэле. — Но я еще вернусь к нашему разговору.

— Значит, это была не горячка от ранения, — вздохнула она.

Аланнарвальд одним шагом сократил разделяющее их расстояние, осторожно взял Микаэлу за руку и поднес ее к губам.

— Любовь не горячка. Она хуже, — с улыбкой прошептал он и поцеловал ее тонкие пальцы. — Этот перстень ваш по праву.

Покраснев от смущения, Микаэла опустила лицо и, приподняв юбки, пошла к дверям. По дороге она поприветствовала королеву Эллиаду, еще раз украдкой взглянула на Аланнарвальда, не сводящего с нее ненасытного взора, и вошла в замок.

«Любовь!» — щелкнуло в голове Альтмара. Спиной прижавшись к колонне, он напряженно зажмурился, осознав, что зелье забвения не поможет. Не став слушать

причитания королевы Эллиады, обнимающей и целующей сына, маг прошмыгнул к флигелю и бегом спустился в свою мастерскую. Метнувшись к столу, он со злости смел все, что на нем лежало, и зарычал.

— А что, если применить зелье к ним обоим? — вслух пробормотал он, глядя в никуда. — Но вдруг Йен что-то знает... А ты? — Альтмар взглянул на пса и, подбежав к нему, дотянулся до цепочки на его шее. Она полностью почернела, а небольшая частичка заговоренного медальона еще сверкала чистым серебром. — Хотя бы с тобой вопрос решен, — буркнул он, отойдя от гончей. — Бесповоротное обращение произойдет до полудня. Смирись, Лен.

Вошедший в подвал Нолан поставил на стол корзину с едой и, поглядев на разбросанные вещи, шмыгнул носом.

— Неудача?

Альтмар покосился на сына, потом на пол и снова на сына. Тот поднял брошенный скипетр и повертел его в руке.

— Да нет, — осклабился Альтмар, загоревшись новой идеей. — Удача! — Подойдя к Нолану, он забрал магический атрибут и внимательно оглядел его. — Да! Если Йен что-то знает и заговорит, я посажу его рядом с братом. Видишь, Лен, не такой уж я плохой, — добавил он, взглянув на пса. — У тебя будет компания. А свадьбе я помешаю иначе: верну девушек на свои места.

— И как это тебе поможет? — безучастно спросил Нолан, надкусив яблоко.

— Раз между Аланнарвальдом и Микаэлой вспыхнули чувства, он лично откажется жениться на принцессе Линкее. Принц Халагрохильда воспитан быть честным. Он не позволит себе давать клятву любви и верности одной, а вступать в брак с другой. Я останусь в выигрыше.

— В каком? — смачно жуя, произнес Нолан. — Разразится война.

— Не разразится, — фыркнул Альтмар. — Просто Эйлинкель станет страной-изгоем. Нам не нужны друзья. Нам достаточно торговых партнеров, которых мы с успехом найдем на юге Ценцарии. Все любят качество нашего дерева. Когда-нибудь принцесса Линкея выйдет замуж. Конечно, не за принца, но все равно сыщется жених благородных кровей, нуждающийся в таком советнике, как я!

— А тебе совсем не интересно, откуда у Микаэлы сила мамы?

— Позже выясню.

Нолан проглотил пережеванный кусок и откусил еще:

— Как ты откроешь межмировой портал? Его же можно открывать не чаще одного раза в месяц.

— Кто сказал? — усмехнулся Альтмар. — Ах, да! Это сказал я. Я пошутил. Портал можно открывать хоть каждый день. — Он подошел к камину и быстро разжег его. — Принеси дров, Нолан. Огонь не должен погаснуть.

Пока сын выполнял его просьбу, маг собрал на столе все необходимое для проведения ритуала, положил перед собой книгу с заклинаниями Миры и, направив всю свою силу на соломенных кукол, имитирующих Линкею и Микаэлу, начал обряд.

Нолан, взяв корзину, расположился поближе к камину, чтобы есть и следить за огнем одновременно, а Лен в облике пса свесил голову и тихо заскулил.

Материализовав достаточно мощное энергетическое облако, Альтмар запустил его в кукол, и то, разделившись надвое, растеклось по каждой соломинке.

Вмиг все стихло. Альтмар склонился над хрустальным шаром, провел над ним ладонью и расплылся в довольной улыбке:

— Получилось.

Вымывшись, Микаэла выбрала самое простое платье и, взяв щетку для волос, принялась расчесываться. Она жутко волновалась перед разговором с королем и настраивала себя не сказать лишнего, не оскорбить его и не унизить в присутствии родителей Аланнарвальда и прислуги. Каким бы нелепым ни оказалось его оправдание, Микаэла решила стойко принять его и постараться простить этого человека.

Собрав волосы в хвост, она встала перед зеркалом и грустно улыбнулась своему отражению.

— Пора, — прошептала Микаэла, но не успела сдвинуться с места, как ее обьяло густым искрящимся облаком, подняло над полом и закрутило в горячем вихре.

Она попыталась сопротивляться, но сильное головокружение и тошнота, как при катании на американских горках, ослабили Микаэлу. Снова почувствовав опору под ногами, она расслышала звонкий крик петуха и рано порадовалась тому, что телепортация не удалась. Облако рассеялось, и Микаэла увидела, что стоит перед окном своей родной комнаты в Уотерлу, а залиvisto кукарекает новый питомец миссис Смит. Сама же соседка ругалась с разбуженными соседями, обступившими ее калитку.

— Не-е-ет, — протяжно застонала Микаэла, сделав шаг назад и обернувшись.

Тесная комнатка с обшарпанными стенами, старой мебелью, стоптанной ковровой дорожкой и... коробками! Не выдержав из-за самоуправства Линкеи, Микаэла заорала:

— Какого черта?!

Не теряя времени, Альтмар схватил кукол и скипетр и швырнул их в огонь. Плеснув туда еще масла и подкинув дров, он с безумием в глазах стал наблюдать за тем, как полыхает единственная возможность когда-либо вновь открыть межмировой портал. Вырвав из книги Миры страницы с нужными заклинаниями, Альтмар прошептал: «Прости», — и бросил их в то же пламя.

— Вот и все, — прокомментировал Нолан невеселую ситуацию. — Что дальше?

Не сводя пристального взгляда с огня, Альтмар монотонно произнес:

— Расскажем принцессе Линкее то, что ей нужно знать.

Канада, Уотерлу

Микаэла не знала, что разозлило ее сильнее — подлянка Альтмара с ее преждевременным возвращением в Уотерлу или хозяйничанье Линкеи в ее комнате. В любом случае она была разгневана, как войско тюрков.

«Вот и закончился мой квест на выживание в параллельном мире», — со вздохом подумала Микаэла, отойдя от окна. Всего несколько сумасшедших дней в Эйлинкеле влюбили ее в тот мир, позволив почувствовать себя значимой, авторитетной и даже любимой. Мысли об Аланнарвальде отозвались уколом в груди. Микаэла изначально не претендовала на свое место в его жизни, но после его признания поверила в то, что надежда и усердие помогают преодолевать любые препятствия, и в то, что мечты сбываются.

Взглянув на перстень королевы Эллиады, Микаэла ахнула и рефлекторно положила ладонь на грудь. Закрыв глаза, она стала лихорадочно перебирать в памяти события последних дней и вспоминать, где оставила свой кулон. Это не составило труда, учитывая, что Микаэла никогда с ним не расставалась. Украшение она спрятала за тумбочкой в купальной Линкеи в свое первое утро пребывания в замке. Опасаясь, как бы король Стефанус не узнал в старом кулоне единственный подарок своей второй дочери, она на время избавилась от него, а в итоге потеряла.

Факт утраты вещицы, двадцать лет являющейся ее талисманом, огорчил Микаэлу не меньше того, что она не успела вернуть королеве Эллиаде ее перстень и невольно стала его воровкой.

Сев на кровать, Микаэла опустила печальный взгляд на ложью присвоенное украшение. Проведя по нему пальцем, она задумчиво поджала губы. Альтмар соврал даже в периодичности открывания межмирового портала. Теперь в его корыстных целях она не сомневалась. Он использовал Микаэлу, а когда она не подчинилась, пошел на попятную, чтобы начать все заново. Его упорство одновременно восхищало и будоражило ее.

«Может, он испугался силы Миры? — размышляла она. — Йен хорошо отзывался об Альтмаре... Но что он сделал с Леном?!»

Микаэла опомнилась: она так и не рассказала Йену, что Альтмар превратил их старшего брата в собаку. Ей оставалось лишь надеяться на сообразительность младшего кузена. Микаэла боялась представить, что Альтмар может сделать с ним!

— Неужели все в прошлом? — все еще не веря, прошептала она.

Снова упреки бабушки, проделки Айка, истерики Лилит, наглость миссис Смит, работа без выходных, скучная учеба и тусклый Уотерлу. Вряд ли Линкея, пожив здесь, пожелает вернуться в этот ад, а это означало, что портал больше не откроется. Невзирая на неприятности, высыпавшиеся как из рога изобилия на голову Микаэлы в Эйлинкеле, она боялась признать свое окончательное возвращение. Слишком дорог ей стал Йен, слишком близок стал Алан. Она не была уверена, что отныне сможет жить лишь воспоминаниями.

Обратив внимание на разбросанные у кровати фотоальбомы, Микаэла едва не заплакала. Ей хотелось бы иметь у себя фотографии Йена, Алана, Афеса, даже придворных лин. Но это невозможно. Они остались жить только в ее памяти.

Поглубже вздохнув, чтобы успокоиться, Микаэла дотянулась до альбомов и быстро пролистала их. Не найдя двух важных снимков, она догадалась, что Линкея все-таки

добралась до них.

— Значит, она все узнала, — произнесла Микаэла вслух, словно в подтверждение своих домыслов. — Почему же мне не легче?

Отложив альбомы, она встала, подошла к шкафу, взяла джинсы и рубашку и переделалась. Аккуратно складывая ценцарское платье, она теплила в себе надежду, что когда-нибудь подвернется повод его надеть. А пока оно отправилось в бумажный пакет и ящик комода.

Собрав волосы в хвост, Микаэла обулась и залезла в свою сумку. Ключи от дома и документы были на месте, а мобильник чудесным образом испарился. Микаэла хоть и не хранила в нем запретную информацию, да и купила его по уценке из-за брака в разъеме для наушников, ей было не по себе без привычного гаджета, связывающего ее с родным миром. Если телепортация застала Линкею врасплох, то вполне вероятно, она вернулась в Эйлинкель с мобильником в руках, как Микаэла с перстнем королевы Эллиады.

Решив по возможности купить новый, Микаэла еще раз вздохнула для храбрости и вышла из комнаты. Ей предстояло выяснить, как прошли тут последние дни без ее ведома, что натворила Линкея, как обстоят дела на работе, и узнала ли что-нибудь Лилит.

В доме, на удивление, было тихо. Пес Айка не носился по лестнице, сам братец не блуждал из угла в угол, не зная, чего он хочет больше — спать, кушать или в туалет, мама не болтала по телефону, с кухни не доносился запах невкусного завтрака, бабушка не напевала свои любимые ретро-песни.

Микаэла робко спустилась на первый этаж, заглянула в пустую кухню и, сбитая с толку, вошла в гостиную. Бабушка сидела на диване перед телевизором и смотрела утреннее ток-шоу, а Айка, положив голову на ее колени, мирно посапывал. В ногах бабушки клубком свернулся спящий пес. Микаэла застыла в дверях, осмотрелась и тихонько кашлянула. Бабушка отвлеклась от телевизора и, повернув голову, устало улыбнулась:

— Доброе утро, Мик. Ты как?

«Потрясающе! — подумалось ей. — Я пережила телепортацию в параллельный мир и обратно, открыла в себе магические способности, стибрила королевский перстень, влюбила в себя титулованного принца, стала причиной кровавого боя настоящих рыцарей с разбойниками-дикарями и летала на пегасе!»

— А ты? — переспросила она, предчувствуя какую-то семейную неприятность.

— Почти не спала.

— А где мама? — поинтересовалась Микаэла.

— Она звонила около часа назад. До нее дозвонился таксист, сказал, что нашел в салоне своей машины твой телефон. Наверное, ты выронила вчера. Они с Тобиасом поехали забрать его, а потом приедут позавтракать и отдохнуть. Ты едешь в клинику?

— Да, — кивнула она. — Ты же знаешь, не люблю опаздывать.

— Не позавтракаешь?

— Не хочется, — ответила Микаэла и, развернувшись, направилась в холл. Преодолев его как можно быстрее, она вышла из дома, обнаружила свой велосипед на месте, платком вытерла с сиденья дождевую воду и повела его к калитке. — Доброе утро, миссис Смит, — поприветствовала она бегающую за петухом по саду соседку. — У вас новый питомец?

— Ты издеваешься?! — заорала та, остановившись и взглянув на Микаэлу так, будто вот-вот проклянет ее.

— Хорошего дня, — буркнула вернувшаяся путешественница по мирам и поспешила

выйти со двора.

Сев на велосипед, Микаэла поехала в сторону центра, где располагалась клиника Дюран. Уотерлу ассоциировался у нее с замкнутым пространством, в котором тяжело дышать от того, что нечто мощное выкачивает из него воздух, а вместе с ним — жизнь. Все казалось мрачным, серым, и даже прошедший накануне дождь не смыл отпечаток рутины и быта, захватившего местных жителей.

Припарковавшись на велопарковке, Микаэла взглянула на вывеску и лишний раз убедила себя в том, что это не сон. Поправив на плече ремень сумки, она зашагала к клинике. Вбежав по ступенькам, Микаэла смело вошла внутрь и улыбнулась Джоанне — единственной, по кому она искренне соскучилась.

— Привет! Как дела?

Обомлев, подруга сначала открыла рот и пошлепала губами, а потом тоже натянуто улыбнулась:

— Привет. Я звонила тебе. Ты не отвечала.

— Мой мобильник в посторонних руках, — ответила Микаэла и, облокотившись о стойку, перевела взгляд на торговый зал, где среди стеллажей сновал какой-то высокий, худой парнишка в футболке с логотипом клиники.

— Не ожидала тебя здесь увидеть, — пробормотала Джоанна. — Что-то с ретривером?

— Н-нет... — Микаэла нахмурилась, начиная догадываться, что наблюдает за новым стажером. — А Дюран здесь?

— Мик, ты же знаешь, они так рано не приходят. Андрэ зол на тебя. Лучше тебе уйти до его появления.

— Класс, — прошептала Микаэла, растерянно оглядевшись.

— Я тебя вовсе не прогоняю, — опять заговорила Джоанна. — Понимаю, тебе сейчас нужна поддержка, которую я не оказываю. Клянусь, будь моя воля, я не отходила бы от тебя ни на шаг. Но вряд ли Андрэ даст мне выходной. — Она вышла из-за кассы и, подойдя к Микаэле, взяла ее за руки. — Просто помни, что я с тобой. И верни телефон, чтобы я могла тебе звонить.

— Да, остаться без работы действительно ужасно, — проворчала Микаэла, внутренне закипая.

— Мик, я не о работе. К черту ее! Я о Рейнольде!

— А что с ним? — машинально спросила она.

Джоанна сделала шаг назад и охрипшим от волнения голосом произнесла:

— Разве Лилит тебе еще не сообщила? Он впал в кому, Мик.

Микаэла удивилась тому, что вообще спросила, в чем дело, ведь Джоанна могла подразумевать их с Рейнольдом разрыв. Ее интуиция оказалась сильнее и стремительнее мыслей.

«Выходит, бабушка имела в виду другую клинику», — опомнилась Микаэла, ощутив резкую слабость в ногах.

— Мик, прости. Не я должна была об этом сообщать, — прошептала Джоанна, и ее глаза наполнились влагой. — Мне очень жаль.

В магазин вошли первые покупатели — супружеская пара с сыном лет пяти. Они отвлекли Джоанну просьбой проконсультировать их по вопросу правильного питания стерилизованной кошки. Ей пришлось смахнуть слезы, через силу улыбнуться и заняться работой, извинившись перед Микаэлой. Та отошла чуть в сторону и, почувствовав на себе внимательный взгляд мальчишки, отвернулась.

— Мама, — несмело обратился он к женщине, подергав ее за рукав. — Мама, это та тетя из газеты?

Все семейство обратило пристальное внимание на Микаэлу, отчего ей стало не по себе. Джоанна застыла в замешательстве, а покупательница посмотрела на сына и строго сказала:

— Не пялься!

Не дожидаясь их ухода и освобождения подруги от работы, Микаэла выскочила на улицу и, несколько раз глубоко вздохнув, наклонилась. Пальцами впившись в колени, она стиснула зубы, чтобы не закричать. Дав себе минуту на успокоение, Микаэла выпрямилась, поправила ремень сумки и зашагала к велосипеду. Велопарковка находилась рядом с журнальным ларьком. Старик-продавец как раз открывал окошко, когда Микаэла спросила, есть ли у него свежий выпуск городской хроники. Он добродушно улыбнулся и, поприветствовав ее, подал газету.

— Слышал, ты уволилась из клиники, — вкрадчиво заговорил он, пока Микаэла судорожно листала страницы и выискивала хоть что-то о себе. — Нехорошее это место. Андрэ подлый человек. Помню, какой была Джоанна, когда только появилась тут. Цвела красавица. А сейчас... Эх! На привидение похожа.

Игнорируя его болтовню, Микаэла продолжала бегло просматривать колонки и статьи.

— Как твой жених? — вдруг спросил он.

В этот самый момент она наткнулась на две фотографии — Рейнольда и свою — под заголовком «Несчастный случай с влюбленными». Сосредоточившись на содержании текста, Микаэла прочитала о вчерашней аварии на загородном шоссе. Редактор не особо придерживался фактов, стараясь подать новость как можно красочней и трагичней. Например, Микаэлу рассердило уточнение, что невеста Рейнольда не пострадала, но оказалась свидетельницей кровавого зрелища.

«Я не его невеста!»

А еще в статье написали о вероятном переносе даты свадьбы.

«Какой свадьбы?»

Вернув газету продавцу, Микаэла села на велосипед и, не попрощавшись, рванула в сторону городского госпиталя. Страдать из-за расставания с Йеном и Аланом было некогда. Ей предстояло разобраться во всем, что произошло здесь благодаря ее избалованному

высочеству принцессе Эйлинкея. Десяток раз пожелав Линкее бородавок, расстройства пищеварения и икоты, Микаэла прибыла в центральную клинику и, бросив велосипед у дверей, влетела в холл. Кинувшись к стойке регистрации, она потребовала пустить ее к Рейнольду. Дежурная медсестра, по всей видимости, привыкшая к неадекватности родственников тяжелых пациентов, равнодушно положила перед Микаэлой анкету и попросила заполнить.

— Это обязательно?! — возмутилась та.

— Это обычная процедура, — ответила медсестра и поднесла к уху трубку зазвонившего стационарного телефона.

Микаэла огляделась. Людей в больнице почти не было. У кофейного автомата стоял средних лет мужчина в халате и тапочках, а вокруг него суетилась медсестра, напоминающая ему о вредности и запрете кофе доктором. Две санитарки занимались влажной уборкой. На диване в центре сидел парень с телефоном в руках. Из лифта вышел доктор, а вошел санитар «скорой». У них не было той беды, что коснулась Рейнольда и его близких. Они не могли посочувствовать Микаэле. Медицинскому персоналу свойственно быть холодным. Чувствительный врач долго не протянет в больнице, если будет жалостливо переживать за каждого умирающего.

Сплотнув, Микаэла взяла ручку и принялась заполнять анкету. Задержавшись на графе «Кем приходитеесь стационарному больному», она растерялась. Рейнольд отказался оставаться с ней друзьями после их разрыва. Значит, по сути Микаэла была ему никем. Статус бывшей подруги не давал ей равным счетом ничего.

Эктор, появившийся словно из ниоткуда, стал для нее спасательным кругом.

— Привет, — произнес он, встав рядом.

Микаэла чуть улыбнулась ему и кивнула.

— Что ты делаешь? — Эктор отодвинул от нее анкету. — Я включил тебя в список родных в разрешении. Мэм, — обратился он непосредственно к дежурной медсестре, — выдайте ей пропуск.

Та, скорчив недовольную гримасу, сказала:

— Ваш паспорт.

Порывшись в сумке, Микаэла нашла и подала документ. Медсестра села за компьютер и через полминуты сообщила, что ее имя действительно внесено в базу данных.

«А сразу нельзя было это сделать?!» — в сердцах упрекнула ее Микаэла.

Та выписала ей пропуск и выдала его вместе с паспортом.

— Халат и бахилы можете получить в справочной.

Не поблагодарив ее, Микаэла пошла в указанном направлении. Эктор не отставал. Ее это не тревожило, но она боялась узнать, здесь ли Лурдес. Микаэла никогда с ней не дружила и четко представляла себе, как та винит ее в случившемся. Однако и это было ерундой по сравнению с тем, как Линкея оказалась на месте аварии?!

— Что говорят врачи? — поинтересовалась Микаэла у Эктора, когда они поднимались в лифте на третий этаж. — Когда он очнется?

— Он в коме, Мик, — ответил он. — Ему требуется еще одна операция, но он может не пережить ее... — Голос Эктора дрогнул. — Я до сих пор ничего не сказал родителям...

Лифт остановился, двери раздвинулись. Эктор молча повел Микаэлу по коридору.

— Я уверена, он поправится, — твердо заявила она. — Рейнольд молодой, сильный, крепкий. Спортсмен.

— Ты успокаиваешь меня или себя?

— Обоих, — признала Микаэла.

Они дошли до нужной двери, и Эктор открыл ее. Рейнольд, окутанный трубками, электродами, гипсом и шинами, лежал на медицинской кровати с приподнятыми головными и ножными концами. В палате попискивали приборы, на мониторах мелькали неровные строчки и цифры. От увиденного у Микаэлы закружилась голова. У них с Рейнольдом не получилось романа, но она никогда не желала ему ничего плохого. Напротив, Микаэла надеялась и верила, что он встретит свою любовь и будет счастлив. Рейнольд этого заслуживал!

На непослушных ногах войдя в палату, Микаэла села в кресло у кровати и скользнула взглядом по Рейнольду.

— Лурдес зла на парня, сбившего его, — бесцветно сказал Эктор, встав позади нее. — Собирается добиться его обвинения. Ты была там... Он виноват?

«Откуда же мне знать?!»

— Рейнольд никогда не нарушал правил дорожного движения, — добавил Эктор. — Он дорожил водительскими правами и гражданством. А тот парень утверждает, что...

— Он выехал на «красный», — перебила его Микаэла, вспомнив свой сегодняшний сон. — Тот парень не виноват.

Послышался тяжелый вздох Эктора. Он был разочарован.

— Ты мог бы оставить нас? — попросила Микаэла, решив кое-что проверить.

— Да, конечно. — Он положил ладонь на ее плечо, слегка сжал его и, отойдя, вышел.

Едва дверь закрылась, как Микаэла отложила сумку, подкатила кресло вплотную к кровати и осторожно взяла Рейнольда за запястье здоровой руки. Она не хотела упускать возможность сделать все, что в ее силах, чтобы помочь ему. Дар магии, открывшийся у Микаэлы меньше суток назад, — далеко не обыденный способ лечения, зато надежный. От ранения Аланнарвальда в мгновение ока остался лишь след. Конечно, это случилось посредством слияния двух сил, но раз Микаэле удалось сквозь межмировое пространство ясно засвидетельствовать аварию, то она не теряла веры, что способна на больше, чем кажется.

Закрыв глаза и сконцентрировавшись на Рейнольде, Микаэла сжала его ладонь обеими руками и зашептала:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, живи, Рейнольд.

Ничего необычного не происходило. Палату не обволакивали лучи, Рейнольд не сиял, ладони Микаэлы не накалялись от материализации энергетических шаров. Молясь, она просидела возле бывшего бойфренда, пока не пришла медсестра. Микаэла немного знала ее, потому что их отцы работали в одной почтовой службе. Та улыбнулась, но быстро сникла, запоздало поняв, что улыбка была не совсем уместной.

— Мне очень жаль, Микаэла, — произнесла медсестра, подойдя к приборам и начав записывать результаты параметров в журнал. — Я уверена, Рейнольд поправится. По-другому быть не может. Позавчера мы с Джедом видели вас в парке. Он сказал, что вы самая красивая пара Уотерлу. А я уточнила, что еще и самая счастливая. Никогда ни у кого не видела такого блеска в глазах, с каким вы смотрите друг на друга.

— Что? — отсутствующе переспросила Микаэла.

— Я о вас. — Медсестра повернулась к ней. — Кстати, не знала, что Джаспер умеет улыбаться. Вы любите детей. Когда поженитесь, не тяните со своими. Жизнь слишком

быстротечна. Ой, что-то я разболталась. Надо закончить обход. — Она дошла до двери и напоследок добавила: — Не засиживайся. Не надо истязать себя. На той стороне улицы уютное кафе, где подают изумительную домашнюю еду.

Медсестра ушла, а Микаэла ошеломленно уставилась на Рейнольда. Вряд ли приятельница что-то напутала. Она видела его. Его и Линкею!

«Даже странно, чему я удивляюсь?!»

Еще недолго посидев, Микаэла шепотом попрощалась с Рейнольдом, отпустила его руку и, встав, покинула палату. Обреченно признав, что магия в этом мире бессильна, или Микаэле элементарно не хватает опыта в ее применении, она поплелась к лифту. Спустившись на первый этаж и выйдя в холл, она была встречена Эктором и запыхавшейся Джоанной, только что прибывшей в клинику.

Эктор допил кофе и под предлогом выбросить бумажный стаканчик оставил девушек наедине.

— Андрэ отпустил тебя? — спросила Микаэла у Джоанны.

— Нет, — буркнула она. — Сама ушла.

— Он уволит тебя.

— Ну и пусть. Разве не ты посоветовала мне бежать от него?

— Она еще и советы тут раздавала! — Микаэла всплеснула руками и закатила глаза.

Она боялась узнать, какие еще сюрпризы ее поджидали. Ощувив ни к месту сильный голод, выдавший себя урчанием в животе, Микаэла вспомнила, что не ела со вчерашнего полуденного чаепития в окружении придворных лин. Денег в сумке не нашлось. Линкея потратила все до последнего цента. — Джо, одолжишь мне десять баксов?

— Конечно! О чем речь!

— Тогда пойдем позавтракаем. Говорят, в кафе через дорогу вкусно кормят. — Микаэла взяла подругу под руку и потащила к дверям: — Я тебе такое расскажу!

— Тебя допрашивали детективы? — начала строить догадки Джоанна. — Придурок, сбивший Рейнольда, большая шишка, да? Тебе предлагали деньги за молчание? Тебя шантажируют?

— Нет! — Микаэла остановилась и выпрямилась перед Джоанной. Та была намного выше, поэтому на близком расстоянии Микаэле пришлось поднять голову, чтобы посмотреть подруге в лицо. — Все намного хуже, — зловещим шепотом сказала она.

— Вау! — Глаза Джоанны вспыхнули. Она по свойственному ей обыкновению вытащила мобильник, память которого уже неоднократно переполнялась сенсационными на взгляд Джоанны видео, но Микаэла накрыла его своей ладонью и опустила.

— Он не понадобится, — пояснила она и пошла дальше.

Сгорая от нетерпения, Джоанна убрала гаджет и поспешила за подругой.

Нахваленное кафе ничем не выделялось среди обычных закусочных и пиццерий — простое, но на совесть чистое, в отличие от придорожных забегаловок. Пожалуй, главной причиной этой черты было его соседство с городской клиникой и расположенность в центре Уотерлу. В остальном же — самообслуживание, кабельное телевидение, духота (владелец либо намеренно не включал кондиционеры, экономя на электроэнергии, либо ошибочно считал, что запах кухни придает его заведению домашний уют).

Микаэла заказала кофе и бутерброд, а Джоанна только стакан лимонада со льдом. Так как они были первыми и пока единственными посетителями, заказ получили быстро. Заняв столик у большого окна, подруги переглянулись и одновременно вздохнули.

— Ну? — Джоанна забарабанила ладонями по столу.

Микаэла подняла вверх палец, как бы прося немного времени, надкусила бутерброд и, пожевав, застонала:

— Вкуснотища.

— Ты говоришь так обо всем, что приготовлено не Лилит, — подметила Джоанна и, языком поймав коктейльную соломинку, высосала полстакана лимонада.

Микаэла уплела все до последней крошки, выпила кофе и, взяв еще один, наконец приготовилась к долгому, серьезному и странному рассказу о своем улетном путешествии в параллельный мир. Как только она заявила, что последние дни под ее именем по Уотерлу болталась ее без вести пропавшая сестра, Джоанна вытаращила глаза и почти перестала дышать. Микаэла часто не понимала подругу, поэтому не могла с уверенностью сказать, верит та ей или нет, но она не перебивала, что позволяло Микаэле рассказывать не торопясь и во всех подробностях. Она ожидала, что как только поставит точку, Джоанна начнет скептически восклицать, что это выдумка, такого не бывает, и вообще у Микаэлы психическое расстройство, тем более есть в кого. Ничего подобного не произошло. Джоанна допила лимонад, и когда соломинка зафыркала, отодвинулась от стакана.

— А рыцарь-блондинчик там был? — спросила она.

— Кхм... — кашлянула Микаэла. — Меня едва не убили, я стреляю энергетическими шарами, а тебя интересует есть ли там блондины на конях? Не знаю! Я не заглядывала под шлемы к шерлугам. — Ей стало даже чуточку обидно от того, что Джоанна толком не сочувствует.

— А Йен?

— Нет, он не блондин! — Микаэла нахмурилась и начала свирепеть. — Джо, о чем ты думаешь?!

— Он симпатичный?

— Ему всего восемнадцать. И он мой кузен!

— Крис Хемсворт младше Эльзы Патаки. Это не помешало им завести троих детей. Или я слишком чудна для твоего брата? — Надо отдать должное, киноманка Джоанна была из отходчивых и необидчивых. — Ладно, извини. Мне кажется, что вот-вот ты скажешь мне: «Та-дам! Я тебя разыграла, а ты так легко повелась!»

— Не скажу.

— Тогда это охренеть как круто! — Джоанна сказала это так громко, что привлекла внимание официантки у стойки для раздачи. — Телепортация, параллельные миры,

королевства, мифические существа... Мик, — она понизила голос и подалась вперед, — ты понимаешь, что предания не плод воображения спятивших астрологов с богатой фантазией? Все это существует.

— Я-то понимаю. Теперь. А ты понимаешь, что радоваться нечему? — Микаэла подняла руку и указала на перстень. — Он принадлежит королеве Эллиаде и сейчас должен красоваться на пальце Линкеи.

— Не волнуйся, ради такой вещицы королевские задницы снова откроют портал.

— Надеюсь, — вздохнула Микаэла и сделала глоток остывшего кофе.

— Не могу поверить, — продолжала потрясенно бормотать Джоанна, разглядывая подругу так, будто та только что вернулась с другой планеты. — А тот принц... Алан... как он тебе? — Она игриво подмигнула.

Микаэла не сдержала смущенной улыбки и ответила:

— Трудно сказать. Правильный, умный, сдержанный, благородный, ценит искренность и честность.

— В точности как ты, — вяло сравнила их Джоанна. — Ты влюбилась, да? По глазам вижу, что втюрилась.

— Это невозможно. — Микаэла отмахнулась, пряча свои чувства за ширмой противоречий. — Расскажи-ка, что от моего имени успела натворить здесь Линкея?

— Оу... — Подруга замялась. — Ездила с Рейнольдом за город на уличный дэнс-баттл, в выходной гуляла с ним и детьми в парке, потом ужинала у Эктора и Лурдес, со скандалом уволилась из клиники, а вчера вечером... Не буду врать, я ничего не знаю. Может, Лилит скажет больше.

— Да уж. Я представляла, что мое возвращение будет похоже на приезд с уик-энда в деревне, а на деле я словно попала в еще одну параллельную вселенную.

— А какой мир круче? — улыбнулась Джоанна. — Наш или тот?

— Джо!

— Что? Все надо обсудить!

— Один из моих кузенов превращен в собаку, на подходе второй. Леса Эйлинкеля кишат торлугами, а Линкея отказывается выходить за Алана, что повлечет за собой войну. Как думаешь, какой мир круче?

— Естественно, тот!

— Тогда зачем спрашиваешь?

Джоанна засмеялась, отчего не сдержалась и Микаэла.

В кафе вошла возбужденная Лилит. Оглядевшись, она взяла курс в сторону их столика, и веселость с Микаэлы будто рукой сняло.

— Вот вы где! — Лилит остановилась рядом и протянула дочери мобильник. — Я вас всюду ищу!

— Надо же, — проворчала Микаэла, забрав гаджет. — Ты искала меня.

По кому она точно не соскучилась за эти дни, так это по матери.

— Не язви, Мик! Рейнольд очнулся!

Они с Джоанной взглянули на Лилит, а потом друг на друга.

— Сработало, — прошептала Микаэла. — Джо, это магия.

— Не знаю, что это за магия такая, — продолжила Лилит, — но доктор в явном шоке. Сейчас Рейнольда осматривают. Похоже, ему даже не понадобится последняя операция.

— Надо навестить его, — подсказала Джоанна, беря свою сумку.

— Э-э-эм... — Лилит виновато потупила взор себе под ноги. — Вряд ли вам позволят.

— Я не о себе. Микаэлу-то должны пустить!

— Дело в том, что... Рейнольд... Он...

Микаэла откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди и, с подозрением сощурившись, спросила:

— Зовет некую Линкею?

Лилит резко подняла лицо:

— Да!

— Хорошо, что он знает.

— О чем? — недоумевала мать.

Микаэла выдвинула для нее стул и кивнула:

— Садись. Нам о многом нужно поговорить.

Ценцария, Эйлинкель

Зеркало в резной раме из рога северного брала показало Линкее не самое приятное глазу отражение. На бледном лице выделялись темные круги под глазами, растрепанные и слипшиеся после вчерашнего дождя волосы торчали в разные стороны, сухие губы покрылись пленкой-коркой. Ее голова раскалывалась, в горле саднило, а кожа вздыбилась мурашками от ощущения ледяного холода.

Прильнув ладонью к зеркалу, Линкея удержалась на ослабших ногах и через плечо оглядела комнату. Здесь ничего не изменилось, даже постель была заправлена, словно на ней никто не спал или же Микаэла давно встала и лины успели навести порядок.

Подгоняя себя мыслью найти Альтмара и попросить его вернуть ее в Уотерлу, Линкея поплелась к двери. Замок вмиг стал чужим, далеким; его потолки и стены начали давить, воздух исчезать. Раньше Линкея не замечала лютого холода, иголками пронзающего ее тело, теперь, вернувшись, дрожала как сугровый лист на ветру.

Выйдя из комнаты, она направилась к лестнице, одной рукой держась за стену, другой — за горло.

— Мик! — окликнул Йен. Не успела Линкея обернуться, как кузен подбежал к ней и оглядел ее с головы до ног. — Почему ты раздетая? — опешил он.

До принцессы Эйлинкеля дошло, что она стоит перед Йеном в коротком халате Микаэлы — в не самом подобающем для королевской особы виде.

— Я... — хрипло прошипела Линкея. Ее горло будто ужалило колотым стеклом, а голос пропал. — Я... — повторила она.

Йен нахмурился и сделал шаг назад.

— Где Мик, Линкея? — спросил он с ноткой раздражения и требовательности.

Его поведение задело ее. Йен впервые вел себя так грубо, и Линкеей овладело едкое чувство ревности. Микаэле удалось сблизиться с братом за каких-то три дня! Сблизиться так, что Линкея отошла у него на второй план.

— Ты знаешь? — удивилась она, по-прежнему говоря сипло.

— Где она? — повторил свой вопрос Йен.

Линкея прижалась спиной к стене и, опустив лицо, помотала головой. Вслед послышался огорченный возглас Йена. Потрепав себя по затылку, он нервно заметался из стороны в сторону.

— Ладно, не паникуем, — успокоил он самого себя. — Альтмар хитер, но он не обойдет всех нас.

— Всех — это кого?

— Тебя, меня и Аланнарвальда — тех, кто знает правду о его преступлениях.

— О каких еще преступлениях? — говорить было мучительно, и Линкее приходилось выдавливать из себя каждое слово.

— Он подстроил покушения на тебя, запер в своем подвале Лена и склонял Микаэлу отказать Аланнарвальду от твоего имени. Ты не знала? — Йен искренне недоумевал.

— Откуда бы я знала? Постой! Это Альтмар покушался на меня? — Линкея порадовалась тому, что ее спина упиралась в стену. Это не позволило ей упасть, когда подкосились ее ноги. — Нет, я не верю. Альтмар никогда бы...

— Можем проверить. Все равно нужно привести его на семейный совет.

— Какой еще совет?

— Микаэла намеревалась рассказать правду о вас их величеству королю Стефанусу, королю Яруэлю и королеве Эллиаде. Она ушла переодеться и...

Йен не договорил. Линкея и так все поняла. Закрыв глаза, она с большим трудом сглотнула и произнесла:

— Подожди минутку. Я оденусь.

Возвратившись в комнату, она отыскала охотничьи штаны, тунику и сапоги, быстро влезла в них, обмотала шею шерстяным шарфом и вернулась к ожидающему ее Йену.

— Извини, — вдруг виновато произнес он. — Я веду себя цинично. — Кузен взял ее за руку и грустно улыбнулся. — Просто вчера на нас столько всего свалилось. Вижу, на тебя тоже. Ты простудилась?

Раньше Линкея разыграла бы целую трагедию из-за больного горла и лихорадки. Сейчас Рейнольд тревожил ее куда больше своего здоровья и уж тем более приключений Микаэлы в Эйлинкеле.

— Пустяки, — прохрипела она и, высвободившись из слабых тисков Йена, зашагала к лестнице.

Голова Линкеи отяжелела и кружилась, перед глазами все плыло, в ушах стоял звон, но она не останавливалась, пока они с Йеном не дошли до флигеля. Там Линкея дала себе время на отдых.

— Тебе нужно в постель, — обеспокоился Йен.

— Мне нужно в Уотерлу, — ответила Линкея и, толкнув дверь, побежала вниз по лестнице.

Альтмар копошился у камина, перемешивая дотлевающие угли. Нолан грыз яблоко в углу зала, а у дальней стены на земляном полу лежала измученная гончая.

— Советник! — обратилась к магу Линкея, встав перед столом и скрестив руки на груди.

Альтмар, погруженный в свои мысли, вздрогнул от неожиданности и обернулся. Увидев Линкею и Йена, он взволнованно улыбнулся:

— Ваше высочество! — Он отставил кочергу и раскрыл объятия.

Йен усмехнулся.

— Что произошло? — спросила Линкея.

— О, всемогущие богини Ценцарии, вы заболели, моя принцесса? — Альтмар подбежал к столу и принялся судорожно перебирать мешочки с травяными порошками.

Ему следовало сразу отправиться в покои Линкеи и преподнести ей ложную версию событий: сказать, что Микаэла выполнила свою часть сделки — дала согласие Аланнарвальду; что злодейкой, покушавшейся на Линкею, оказалась какая-нибудь ревнивая лина из королевского двора Халагрохильда; что Лен, не признав объявленный союз Линкеи с Аланнарвальдом, покинул Эйлинкель. Конечно, позже, когда принц сообщил бы о своих чувствах к Микаэле, Альтмар убедил бы Линкею, что ни о чем подобном и подумать не мог, что доверял Микаэле и не предвидел нарушение ею оговоренных правил повышенной секретности. Однако Альтмар провозился со сжиганием атрибутов ритуала, и Йен опередил его. Теперь он стоял здесь и мог поставить жирный крест на всем, чего так упорно добивался Альтмар. Тому осталось только одно — избавиться от Йена и напоить Линкею эликсиром забвения.

Линкея и Йен переглянулись. Радеющий за благополучие королевства Альтмар, который суетился с лекарством для принцессы, не был похож на изменника, и все же от него несло ложью. Она проявлялась в его дерганных движениях, бормотаниях и очевидной растерянности.

— Советник, — опять заговорила Линкея, но Йен перебил ее.

— Мы пришли пригласить вас на семейный совет!

Альтмар, ощупывающий внутренний карман мантии, куда накануне спрятал заветное зелье, замер и поднял на Йена испуганный взгляд.

— Это касается торлугов, — добавил тот, искусно делая вид неосведомленности в подмене девушек. — Скоро свадьба. Необходимо уладить вопрос безопасности лесов. Без вас мы не справимся. — Йен широко улыбнулся.

Линкея напряженно нахмурилась, но кивнула в поддержку кузена.

Альтмар, возгордившись незаменимостью собственной персоны при дворе, ослеп к игре Йена и тоже улыбнулся.

— Линкея уже выпила отвар, — продолжил племянник короля. — Не волнуйтесь.

— Что ж, тогда идемте! — Альтмар взмахнул подолом мантии и направился к ступеням, таившимся в темноте. — Нехорошо заставлять их величества ждать.

Линкея быстро огляделась и, не увидев ничего говорящего о заточении Лена, посмотрела на Йена. Тот пожал плечами и пошел за Альтмаром. Линкея тяжело вздохнула и, помассировав больное горло, случайно взглянула на гончую. Собака была либо истощена, либо больна. Какая-то несвойственная животным печаль отразилась в ее голубых глазах. Линкея снова обратила внимание на цепочку и подвеску на ее шее и вспомнила, что в прошлый раз украшение блестело. Теперь оно было черным. Все, кроме крошечного кусочка в центре круглого медальона.

— Нолан, покорми собаку, — распорядилась Линкея, последовав за Йеном. — И выведи ее на улицу. Здесь одуреть можно.

Выйдя из флигеля, все трое поторопились к замку.

— Я давно говорил, что нельзя допускать народ властвовать над законами, — бухтел Альтмар, ведомый чувством значимости и завышенной самооценки. — Никто меня не слушал. Ох, простите меня, ваше высочество! — Он подождал, пока Линкея поравняется с ним. — Вы как? — спросил он как можно тише, озираясь на Йена. — В том мире настолько холодно, что вы простудились?

— Я попала под дождь, — честно ответила Линкея.

Альтмар снова покосился на Йена.

— Надеюсь, вам там ничто не угрожало?

— Нет. Все прошло хорошо. В семье Микаэлы никто не заметил подмену.

— Замечательно, — улыбнулся маг, ускоряя шаг. — Я сделал все возможное, чтобы открыть портал раньше, и у меня получилось.

— Да, спасибо вам. Огромное, — ответила Линкея, протискиваясь в дверном проем вместе с Альтмаром.

Она слабо понимала, что задумал Йен, но доверилась ему. Он был свидетелем того, что происходило здесь в ее отсутствие, и не был дураком, чтобы не раскусить истинного злодея.

Они дошли до тронного зала, в котором уже собрались король Стефанус, король Яруэль, королева Эллиада и принц Аланнарвальд. Увидев его, Линкея испытала нахлынувшее отвращение. Он стоял у небольшого накрытого стола и потягивал сок. Едва дверь

распахнулась, Аланнарвальд взглянул на вошедших и улыбнулся, задержав взор на Линкее. Однако его улыбка моментально исчезла, будто в его голове что-то щелкнуло. Он отставил стакан и перевел мрачный взгляд на Йена.

— Ваше величество! — Альтмар поклонился.

— Хорошо, что вы пришли, — ответил король Стефанус, восседавший в кресле. — Пора обсудить ночной инцидент.

Йен жестом руки приказал линам покинуть зал, затем запер дверь и, повернувшись ко всем, громко изрек:

— Прежде чем мы начнем обсуждать идеи, как утихомирить торлугов, я хочу сделать заявление.

Все притихли. Альтмар смерил Йена холодным взглядом.

— Сейчас здесь должна быть ее высочество принцесса Микаэла! — неожиданно для монарших особ сказал Йен. — Но по коварному умыслу злодея она вернулась в свой родной мир!

— Йен, о ком ты говоришь? — поперхнувшись воздухом, спросил король Стефанус.

— О вашей второй дочери, ваше величество!

От услышанного Альтмар побелел пуще прежнего.

— Что-о? — потрясенно протянул он.

— Да, советник, — вмешалась Линкея. — Мы с Микаэлой не просто двойники. Мы близнецы!

— Ваше величество, — вымолвила королева Эллиада, с которой короля Стефануса разделял король Яруэль. Никто из них не встал с кресел, наверное, потому что не устоял бы на ногах. — У вас две дочери?

— Две, — смело ответил за него Йен. Хотя своей дерзостью он скорее выручал потерявшего дар речи дядюшку. — И приехав сюда, вы общались с Микаэлой, а не Линкеей. Позвольте от ее лица принести вам глубочайшие извинения. — Он почтительно поклонился. — Увы, она не успела лично попросить прощения за вынужденную ложь.

Королева ахнула и, прикрыв рот рукой, взглянула на пошатывающуюся Линкею, а затем на сына:

— Алан...

— Я знал, мама, — ответил он, сильно расстроившись из-за возвращения Микаэлы в Уотерлу.

Король Стефанус все же медленно поднялся на ноги, прошел к столу, налил себе кубок крепкого вина и залпом осушил его. Звучно выдохнув он посмотрел в никуда и тихо произнес:

— Как вы нашли друг друга?

— Это долгая история, — просипела Линкея и поморщилась от боли в горле.

Аланнарвальд заострил на ней пытливый взгляд и, приблизившись, протянул руки к ее шее. Линкея инстинктивно шагнула назад и исподлобья покосилась на принца.

— У вас болит горло. Я помогу.

— Линкея, девочка, поверь Алану, — вступилась за него королева-мать.

Нехотя она снова подошла к принцу Халагрохильда и позволила ему снять с себя шарф и коснуться своей шеи. Едва его пальцы дотронулись до ее кожи, как горло обьяло теплом. От рук Аланнарвальда стало исходить белое сияние, и спустя мгновение боль прошла. Линкея кашлянула и изумленно взглянула принцу в глаза:

— Как вы?..

Аланнарвальд молча повернулся к Альтмару, который уже незаметно от отвлекшихся присутствующих материализовывал в ладони энергетический луч, берущий направление в сторону ничего не подозревающего Йена. Не растерявшись, Аланнарвальд метнул в Альтмара огненный шар, и маг упал на колени. Шар растянулся и, приняв форму веревки, несколько раз опоясал Альтмара, приковав его руки к телу.

Сообразив, что Аланнарвальд только что спас ему жизнь, Йен обомлел и смог лишь

невнятно пробормотать:

— Спасибо.

Альтмар застонал сквозь стиснутые зубы.

— Алан, что ты делаешь?! — Королева Эллиада подскочила с кресла. — Ему больно!

— Нет, не больно, — ответил он. — Он огорчен своим поражением.

— Это ложь! — взревел Альтмар. — Ваше величество, меня оклеветали!

— Серьезно? — Йен приподнял одну бровь. — Мы ни слова о вас не сказали. Все только начинается. Линкея, ты можешь говорить?

— Да. — Она кивнула и, в то же время почувствовав, что горло совсем не болит, а голос вернулся, уверенней добавила: — Да! — Она сделала шаг вперед и, чуть поклонившись родителям Аланнарвальда, начала: — Приношу извинения за свой внешний вид. Я пережила кое-что похуже телепортации в параллельный мир и...

— Параллельный мир? — Королева Эллиада снова шлепнулась в кресло и, раскрыв веер, замахала им перед лицом. — Яруэль, почему ты молчишь?

— Я всегда знал, что у Стефануса две дочери, — совершенно спокойно признался он. — Но мне тоже любопытно, как они нашли друг друга?

Линкея, поняв, что не узнает правды о своем рождении, пока не расскажет, как вышла на Микаэлу, поглубже вздохнула и продолжила:

— Все началось вскоре после объявления о нашей скорой свадьбе с Аланнарвальдом. На мою жизнь стали покушаться. Это происходило в людных местах, при свидетелях, и больше напоминало скрытую угрозу. О покушениях я рассказала Лену и советнику Альтмару, который позже придумал аферу с моей подменой на двойника из другого мира.

Аланнарвальд материализовал на ладони мелкие золотые звезды и подув, направил их на Альтмара. Когда те осыпались на его голову и плечи, он перестал скулить и, выпрямив осанку, твердо заговорил:

— Когда я узнал о скорой свадьбе ее высочества принцессы Линкеи с принцем столь сильного и крепкого королевства как Халагрохильд, я понял, что потеряю должность при дворе, как только новый король вступит в свои законные права. У таких наследников всегда своя свита и поверенные люди, испытанные временем службы. Я стал бы ненужным балластом и был бы вышвырнут со двора. Я надеялся, что чувства Линкеи и Лена возьмут верх. Но этого не произошло. Принцесса Линкея отважилась пожертвовать собственным счастьем ради сохранения мира и достатка Ценцарии. — Альтмар заерзал, пытаясь смести с себя магическую пыльцу правды. — Я решил напугать ее.

— Покушаясь на мою жизнь? — Линкея не могла поверить своим ушам. — Альтмар, я знаю вас с рождения. Вы баюкали меня, читали мне, играли со мной. Я доверяла вам.

— Моя принцесса, я никогда не причинил бы вам вред. Я любил вас. Но я боялся, что вы забудете о старике, не способном даже сварить простой бальзам для полоскания рта.

— Вы всегда знали, что рано или поздно Линкея и Аланнарвальд поженятся, — уточнил Йен.

— Раньше все казалось далеким, призрачным. Я был моложе, сильнее. А отношения Линкеи и Лена подарили мне надежду. Лен настаивал, чтобы Линкея отказала Аланнарвальду. Но она уперлась. Покушения были бесполезными. Копаясь в книгах и письменах Миры, я узнал о существовании других миров и порталов. Поколдовав, я нашел мир, в котором есть точная копия Линкеи. Тогда-то я и загорелся идеей подменить их. Наговорил Линкее и Лену чепухи о том, что магию злодея-покусителя может разрушить

только сильный энергетический барьер вроде межмирового портала; что открыть его можно раз в месяц; что этого времени как раз хватит, чтобы Микаэла вместо Линкеи вышла за Аланнарвальда. Они согласились на подмену. Но в последний момент, когда я посвятил Лена в скрытую от Линкеи часть плана, он передумал.

— В чем заключался подвох? — спросила Линкея.

— Я предложил Лену подговорить Микаэлу отказать Аланнарвальду.

— И он воспротивился?

— Да.

Линкея слабо улыбнулась. Ее успокаивало то, что Лен не был помешан на ней. Это освобождало ее от его влюбленности.

— Дальше! — потребовал Йен.

Альтмар прорычал сквозь зубы и продолжил:

— Я заточил Лена в своей мастерской и взял все в свои руки. Я не знал о родстве девочек, а Микаэла, похоже, знала с самого начала. Уже при нашей первой встрече услышав имя короля и дату рождения Линкеи, она повела себя странно и в коей-то мере успокоилась, будто обрела уверенность в собственной безопасности.

— Вот только Микаэла оказалась умной, — подтвердил Йен. — Не теряя времени даром, она тщательно изучила все тонкости нашей политики, вникла в суть Всемирного Соглашения и дала свое согласие от лица Линкеи Аланнарвальду. При этом тоже пожертвовав любовью. — Он взглянул на принца. — Она полюбила вас, но была готова отдать родной сестре, прекрасно зная свое место. Микаэла заботилась о королевстве, бросив смертельно опасный вызов Альтмару.

— Она едва не поджарила меня, — буркнул Альтмар. — Бедняжка.

— Потому что Микаэла хранительница силы Миры, — пояснил Аланнарвальд. — Как и я.

— И тут мы плавно подошли к истории рождения девочек, — улыбнулся Йен, переводя выжидающий взгляд на короля Стефануса, с поникшим видом молча слушавшего исповедь Альтмара.

— Что значит, она хранительница силы Миры? — Линкея нахмурилась, глядя на отца. — Микаэла родилась в Уотерлу. Я видела фотографии. Разве это возможно?

— Возможно, — ответил за него Аланнарвальд, смахнув с ладони остатки звезд. — Силу можно передать первенцу через его отца. Мире было совсем не обязательно телепортироваться в другой мир.

— А что такое фотографии? — довольно громко прошептала королева Эллиада королю Яруэлю, но тот лишь непонимающе пожал плечами.

— То есть Микаэла старше меня, так? — Линкея скривила недовольную гримасу. Она привыкла во всем быть первой и неповторимой. — Просто восхитительно! Первая у мамы, первая у Рейнольда, первая в роду, умница, красавица, цены нет!

— Типичные ценцарские близнецы, — подметила королева Эллиада. — Неудивительно, что в древности их сжигали на кострах.

— Так вот в чем дело?! — Линкея снова обратилась к отцу. — Ты разделил нас из-за преданий о близнецах? Это поверье давно перестало иметь силу.

Король Стефанус по-прежнему молчал. В зале наступила гробовая тишина, нарушаемая разве что тяжелыми вздохами Альтмара.

— Отец! Ты расскажешь правду или нет?! — Голос Линкеи сорвался на мольбу.

Наконец он собрался с духом и, подняв лицо, сказал:

— Я перепутал вас. Поэтому умерла Мира.

Королю Стефанусу понадобилось еще немного времени, чтобы привести мысли в порядок. Его никто не торопил, но в воздухе словно повисло требование поспешить. Что-то или кто-то подгонял его. Король вернулся в свое кресло, грузно опустился в него и, стыдливо глядя в пол, продолжил:

— Мира исходила из рода могущественнейших потомственных магов. Ее прадеда боялась вся Ценцария. Он умел управлять людьми силой мысли, повелевать стихиями, влиять на ход любой войны, что было неподвластно его потомкам из-за несделанного им откупа. Все имеет цену, за все надо платить. Он был темным магом. За ним водились грязные делишки. Но он умер, не откупившись. За это по закону магии и чародейства его род до третьего колена лишился дара, а дочь и внук стали лишь его носителями. А потом родилась Мира. Мира и ее брат-близнец.

Альтмар перестал дергаться и замер.

— Ты не знал, — сказал ему король Стефанус. — Она любила тебя и оберегала от страшной тайны своего рода. Ни для кого не секрет, что ценцарские близнецы — проклятье семьи, кара за грехи предков. В древности близнецы династий из-за врожденного соперничества приводили королевства к упадку экономики и даже к войнам. Королева Эллиада верно подметила, что их сжигали на кострах. Люди их боялись, называли одноликими бесами. После Великого Плача многие законы утратили силу, в том числе казнь близнецов. Вот только это не изменило их природу. И Мира с ее братом не могли ужиться. Она была старше и унаследовала дар, который наконец-то проснулся. Магия вернулась в их род. Однако вражда с братом и его жажда обладать даром прадеда вынудили Миру бежать из своего королевства. Убежище она получила в Халагрохильде.

— Яруэль? — пробормотала королева Эллиада.

— Да. Я принял ее и оставил при дворе, — ответил король Яруэль, с гордостью посмотрев на Аланнарвальда. — Я был бесплоден. Для королевских семей проклятия рода — норма. Всегда найдутся завистники и негодяи, стремящиеся уничтожить мир и согласие в процветающих государствах. Так и я получил метку, и мое бесплодие нельзя было излечить отварами и заговорами. Тогда Мира в благодарность за приют и безопасность отдала мне половину своей силы. Она предупредила, что я не смогу ею пользоваться, но она благословит мое семя, и мой первенец унаследует дар и станет его хранителем. Он тоже не сможет использовать магию при жизни ее истинной обладательницы. Я пообещал, что как только мое дитя подрастет, она заберет свой дар обратно. У нас родился Аланнарвальд, и все было прекрасно. Но Миру нашел ее брат. За годы поисков он собрал возле себя дюжину черных магов и колдунов, готовясь отнять у сестры великую силу. В опасности оказался и Алан. Чтобы оградить его от зла, Мира решила снова бежать. Я связался с Эйлинкемом, и правящий в те времена король Аттий, отец его величества нынешнего короля Стефануса, согласился принять ее.

Король Яруэль кивнул ему, и король Стефанус снова заговорил:

— По пути через лес Мира нашла выброшенного нерадивой матерью младенца. Малыш

родился недоношенным, слабым. Мира не прошла мимо и подобрала его. Пока она добиралась до Эйлинкеля, она даже дала ему имя...

— Нолан, — прошептал Альтмар, и его плечи затряслись.

— Мой отец принял и Миру, и Нолана. Он пообещал, что найдет для мальчика семью, но Мира привязалась к нему и сказала, что сама станет его матерью. Здесь она познакомилась с нашим придворным советником Альтмаром, и они полюбили друг друга. Я до сих пор помню их пышную свадьбу, — грустно улыбнулся король Стефанус. — Тогда-то мой отец и заявил, что отныне ему не страшно умирать. Эйлинкель в надежных руках его наследника принца Стефануса, мудрейшего советника Альтмара и сильнейшей магини Ценцарии Миры. Она прожила в Эйлинкеле полтора года, когда ее брат снова вышел на ее след. Можно было опять бежать. У нас были союзники и друзья, готовые укрыть ее. Но Мира устала и не могла подвергать опасности Альтмара и Нолана. Ее брату был нужен только дар. Сама Мира была ему неинтересна. Тогда мы пошли на отчаянный шаг. Мира передала вторую часть своей силы мне и перенесла меня в другой мир, где я должен был пробыть, пока она не разберется со своим братом и его сподвижниками. Чтобы ни у кого не возникло вопросов, куда исчез единственный наследник престола Эйлинкеля, мой отец объявил, что его сын отправился на службу в южные земли, чтобы закалиться перед предстоящим коронаванием. Так я оказался в Уотерлу, где встретил Лилит.

Линкее стало тяжело дышать. Горло сдавило комом. Отец смотрел ей в глаза, и от его виноватого взгляда ей становилось плохо.

— Ялюбил, — тихо произнес король Стефанус. — Не должен был, нолюбил. А когда пришла пора вернуться в Ценцарию, я узнал, что Лилит беременна. Я знал, что дар передан ребенку, но не мог вернуться в Эйлинкель без него. Мира доверила мне магию, способную исцелять и убивать. Ее нельзя оставлять без присмотра. Мне пришлось ждать. Линкея, дочка, клянусь, я никогда не поступил бы так с вами, будь у меня другой выход. Я не находил себе места от осознания того, что предам Лилит. А потом узнал, что она ждет близнецов. Порадовало ли меня это? Наверное, да. Во-первых, дар переходит только к первенцу, а раз вас двое, значит, у Лилит останется хотя бы один ребенок. Во-вторых, вы наполовину ценцарские близнецы. Держать вас порознь, да еще и в разных мирах, — лучший способ оградить вас и близких от беды. — Он вновь опустил лицо. — Я путал вас. К тому же я волновался от ядовитой мысли, что вскоре стану вором. Мы так и не могли выбрать вам имена, и в тот первый вечер после приезда из роддома я несколько раз спросил у Лилит, кто из вас старше. Она смеялась, шутила, была счастлива и сказала, что будет одевать вас в разное, чтобы я не путал: старшую — в зеленое, младшую — в желтое. Но она сама вас перепутала. И я забрал не ту.

По щекам Линкеи потекли слезы:

— А ты не мог нас всех забрать?

— Как ты не понимаешь, Линкея, за все надо платить! Если что-то из другого мира мы присваиваем себе, то что-то большее теряем в своем. То же самое с людьми! У всего должен быть откуп. Если бы я забрал всех вас, то в нашем мире могло случиться большое горе, которое унесло бы много жизней.

— Но ты прожил там почти год, и здесь ничего не случилось!

— В том-то и дело, что это отсрочка. Горе-то все равно случилось... И если бы я перенес в Эйлинкель своего первенца, Мира вернула бы себе силу и спасла бы Ценцарию от тяжелой болезни. Это я виноват в ее смерти...

— Она могла забрать силу у Аланнарвальда! — настаивала Линкея, ища иные пути решения проблемы.

— Не могла! — ответил король Стефанус. — Она нарушила свой внутренний баланс. Вернуть себе дар она могла только в обратном порядке его отдачи.

— Тогда почему ты не вернулся в Уотерлу за Микаэлой?

— Потому что я запечатал портал. — Он дотянулся до воротника своего камзола и вытащил из-под него цепочку с кулоном в виде утолщенной иглы. — Это — половина созданного Мирой ключа от межмирового портала. Через него же Мира послала мне сигнал когда ее брат и его единомышленники были повержены. Он работал просто: эта игла вставлялась в другой кулон в виде удлиненного кольца. Украшение защелкивалось, и открывался портал. Вас было двое. Вы принадлежали обоим мирам. Забирая одну, я знал, что не нарушу равновесие между измерениями. Но я боялся, что не выдержу и снова отправлюсь в Уотерлу. Чтобы у меня не было соблазна, я... — Говорить королю становилось все труднее. — Когда я с тобой на руках пересек границу миров и разделил кулоны, портал еще мгновение оставался открытым... И я успел закинуть одну половину ключа в Уотерлу.

Линкея шмыгнула носом, вытерла слезы и поглубже вздохнула.

— Перед своей смертью, — опять заговорил король Яруэль, — Мира написала нам письма, в которых поблагодарила за помощь и попросила нас всегда держаться вместе, чтобы ее сила не попала в злые руки. Она верила, что богини Ценцарии призовут хранительницу ее дара в Эйлинкель. А этот дар надо оберегать. И мы со Стефанусом заключили договор о браке наших детей, вписали его в приложение Всемирного Соглашения и всю жизнь помнили, что рождением наших наследников мы обязаны ей — Мире.

Король Стефанус взглянул на всхлипывающего Альтмара и спросил:

— Неужели ты думал, что после того, что Мира сделала для нас, я вышвырнул бы тебя из замка? В первом пункте закона о коронации Аланнарвальда в Эйлинкеле я указал тебя, Альтмар. Я обязал нового короля оставить тебя на должности первого советника двора. Это главное условие. Мира любила тебя всем сердцем. И я никогда не позволил бы себе обидеть тех, кто был дорог ей.

Аланнарвальд, все это время молча слушавший исповеди королей, впервые подал голос:

— Но он не знал. А вы за все эти годы не удосужились рассказать тайны Миры ее мужу.

— Алан! — сделала ему замечание королева Эллиада.

Он вышел вперед и, заложив руки за спину, поднял подбородок:

— Нет, мама, я выскажусь! Истинный король — тот, кому можно доверять. Как вы можете называть себя монархами, если обманываете самых близких? Я не спорю, некоторые моменты требуют конфиденциальности. Но Мира умерла, доверяя вам тех, кого она любила больше жизни. А что сделали вы? Кто-нибудь из вас хоть раз спросил, каково Альтмару жить прошлым? Вы поинтересовались, не нужно ли что-то Нолану? Если бы они чувствовали опору под ногами и уверенность в завтрашнем дне, Альтмар не счел бы себя никому не нужным! — Аланнарвальд развернулся и взмахом руки сорвал с мага огненную веревку. Альтмар в бессилии склонился и, уткнувшись лбом в пол, зарыдал. — Вам было плевать на них. Вы думали только о себе. Но если вы, ваше величество, — Аланнарвальд обратился к королю Стефанусу, — сами создали себе проблемы, принесшие вам пожизненные угрызения совести, то Альтмар невольно стал жертвой судьбы. И кто после этого злодей?

В зале повисла тишина. Каждый думал о своем, не решаясь озвучить мысли.

Первым пришел в себя Йен. Подойдя к Альтмару, он подхватил его под руку и стал поднимать. Ему на подмогу бросилась Линкея. Вместе они подняли мага на ноги и позволили ему опереться об их плечи.

— Лен, — забормотал Альтмар, все еще всхлипывая и сбивчиво дыша. — Лен в мастерской... Его надо освободить.

— Успеем, — ответил Йен и повел мага к софе. — Вам надо присесть.

— Нет, ты не понимаешь, Йен.

— Пусть еще посидит в темнице. Ему полезно.

— Нет, Йен! — прикрикнул Альтмар. — Гончая — это Лен.

— Что? — Тот нахмурился.

— Боюсь, как бы не было поздно. Вы должны поспешить до полудня. Нужно сорвать с его шеи заговоренный медальон, иначе...

Линкея и Йен, усадив мага на софу, переглянулись и со всех ног бросились вон из зала. Преодолевая нескончаемые футы коридоров и комнат, Линкея в сердцах проклинала этот замок, вспоминая тесный дом Лилит в Уотерлу. Остальные тоже помчались следом, но Линкея и Йен никого не ждали. Выскочив на улицу, они увидели Нолана, гуляющего с едва волочившей ноги гончей у собачьего вольера. Солнце почти достигло зенита, и от ужаса у Линкеи пересохло во рту. Остановившись, она сложила руки рупором и заорала:

— Нолан!!! Сорви медальон!!!

Парень обернулся и растерянно взглянул сначала на Линкею, потом на бегущего к нему Йена.

— Медальон!!! — повторила принцесса Эйлинкея.

— Медальон, Нолан! — подхватил Йен. — Сними с Лена медальон!

Тот опустил взгляд на гончую, пожал плечами и, наклонившись, ухватился за цепочку. Пару раз подергав, он убедился, что собака не кидается откусить ему руку, и дернул сильнее.

Линкея, Йен и выбежавшие из замка король Яруэль с королевой Эллиадой, Аланнарвальд, Альтмар и испуганные лины застыли на местах.

Пса окутало быстро растущим искрящимся облаком. Нолан поднял заговоренное украшение над головой и радостно закричал:

— Я снял!

Его веселье никто не разделял, все прислушивались лишь к собственному сердцебиению, ожидая рассеивания магического тумана. Вглядываясь в неточные очертания увеличивающегося собачьего тела, Йен медленно двинулся вперед, а Нолан напротив попятился назад. Из облака начала подниматься крепкая мужская фигура. Короткая шерсть, соскальзывая с человеческой кожи, исчезала, не касаясь земли. Морда превращалась в лицо, а на плечи прядь за прядью опускались светлые волосы. Выпрямившись перед задрожавшим Ноланом, Лен сдал кулаки и злобно зарычал.

Облако рассеялось, и полностью обнаженный старший племянник короля Эйлинкея пригвоздил к себе взгляды захвативших лин и остолбеневшей королевы Эллиады. Нолан, выронив из рук цепочку с медальоном и недогрызенное яблоко, пустился наутек. Йен снял с себя длинный камзол и, подойдя к брату со спины, накинул на его плечи. Тот вздрогнул и

резко обернулся.

— Эй, тише-тише, это я! — Йен примирительно приподнял руки и сделал два шага назад.

Но он не интересовал Лена. Тот посмотрел куда-то сквозь него, а потом резко оттолкнул младшего брата и стремительно зашагал к террасе.

— Ты!!! — заорал он, не обращая внимания на свою наготу, смущающую Лин и даже королеву Халагрохильда, чей супруг давно утратил мужскую привлекательность.

Лины зашущукались и захихикали, но встретившись с осуждающим взглядом Линкеи, откланялись и поспешили удалиться.

Альтмар прижался спиной к колонне и зажмурился в ожидании удара. Но выросший между ним и Леном Йен не позволил этому случиться.

— Лен, успокойся! — скомандовал он.

— Отойди, — прошипел тот, сжимая кулаки и сверля брата напористым взглядом.

— Я понимаю, ты взбешен. Альтмар во всем сознался. Мы знаем правду. Но избив его, ты ничего не изменишь.

— Отойди, — настойчивее повторил Лен. — Иначе я поколочу вас обоих.

— Лен! — Линкея схватила его за руку и заставила взглянуть на себя. — Оставь его!

— Оставить?! — взревел он. — После того, что он сделал?! Ты слышишь себя, Линкея?!

— А что он сделал? — проговорил Йен. — Подумаешь, посадил тебя на цепь. Хоть кто-то осмелился.

Лен стиснул зубы и замахнулся, но Йен вовремя отклонился в сторону и одним точным ударом по челюсти сбил старшего брата с ног. Тот повалился на спину и вмиг лишился сознания.

— Йен! — завизжала Линкея, кинувшись к Лену. — Ты убил его!

Ее младший кузен выпрямился и, выдохнув, ощутил острую боль в руке. Опять согнувшись пополам, он затряс рукой и заскулил:

— Всемогущие богини, из чего он сделан?

На губах Лена проступила кровь, но он дышал. Подбежавшие к нему инлуги, накрыли его одеялом, подняли и понесли в замок. Линкея проводила их обеспокоенным взглядом, но следом не пошла. Йен все еще тряс рукой, а Альтмар не отходил от колонны. Яруэль взял жену за руку и, сказав: «Идем. Пусть они сами все решат», — повел ее в замок. Король Стефанус, наблюдавший за происходящим с балкона-террасы своих покоев, тоже скрылся из вида.

— И что теперь? — отдышавшись, спросил Йен. Они с Линкеей, Аланнарвальдом и Альтмаром встали в круг и обменялись озадаченными взглядами.

— Я понесу любое наказание, — виновато потупив взор в ноги, произнес Альтмар.

— Погодите с наказанием! — Линкея скрестила руки на груди. — У Микаэлы сила Миры. Ее место здесь. А мое там — в Уотерлу. Поменяйте нас обратно.

После встречи с Леном она окончательно убедилась в том, что ее сердце осталось с Рейнольдом. И ей не терпелось вернуться к нему, чтобы каждое мгновение быть рядом, поддерживать его и помогать ему выздоравливать.

— Я не могу, — едва слышно ответил Альтмар.

— Что значит — не можете? — Аланнарвальд сделал шаг ему навстречу, и Йен машинально выставил вперед руку.

— Ваше высочество, не вынуждайте меня поднимать руку и на вас, — сказал он,

решительно защищая Альтмара.

Принц Халагрохильда повернул голову и, смерив Йена уважительным взглядом, ответил:

— Не сомневаюсь, что вы сделаете это. Но я не отступлю, пока советник Альтмар не вернет мою невесту!

Линкея с трудом подавила смешок. Микаэла и Аланнарвальд! Кто бы мог подумать?!

— Я уничтожил атрибуты и письма с заклинаниями, — признался Альтмар.

Улыбку смело с лица Линкеи. Она открыла рот, чтобы возмутиться, но ее перебил Аланнарвальд:

— Заклинания остались в вашей памяти. Я помогу их вытащить. Вы создадите новый скипетр и откроете портал.

— Не открою. Я много лет изучал книги Миры. Как только узнал о существовании параллельных миров, стал работать над возможностью телепортации. Скипетр я покрывал специальным порошком, которому нет аналогов. Его вывела Мира, но она не оставила рецепт. Возможно, не успела записать. Теперь я понимаю, почему она изучала эту тему. Раньше думал, что для интереса.

— И что, у вас не осталось этого порошка? — спросила Линкея, чувствуя, как последний лучик надежды гаснет во тьме обреченности.

Альтмар покачал головой, и принцесса Эйлинкея издала протяжный стон. Ее сердце защемило. Пошатнувшись, она отошла назад и стала глубоко дышать, чтобы не расплакаться. Линкея вспомнила, как Рейнольд упомянул украшение, доставшееся Микаэле от отца. «Он оставил в память о себе какой-то старый кулон, который Мик носит на шее», — сказал он. Вторая часть ключа не потерялась! Но она была в другом мире...

Аланнарвальд тоже отошел в сторону и одной рукой оперся о колонну. Свесив голову, он стиснул зубы так, что на его лице заиграли желваки.

— То есть на этом все? — Йен сглотнул. — Микаэла не вернется?

В другой раз Линкея обиделась бы на кузена. Но сейчас она думала только о Рейнольде.

— Нет, — произнес Аланнарвальд. — Не все. — Он выпрямился и уверенно посмотрел на Альтмара. — У нас есть магия, письма Миры, половина ее силы и желание открыть портал. Значит, мы его откроем! Не сегодня, не завтра, возможно, даже не через месяц, и не через год. Но мы его откроем!

Заявление Аланнарвальда взбудрило Линкею. После произошедшего он больше не казался ей напыщенным эгоистом. Она слабо улыбнулась и кивнула:

— Да. Мы его откроем.

— Хорошо, — согласился Йен. — А что будем делать до тех пор? — Он обвел всех испытующим взглядом.

— Готовиться к свадьбе, — выдавил из себя Аланнарвальд и взглянул на Линкею. — Ее высочество принцесса Микаэла сыграла роль вас. Пришла ваша очередь. Жители королевств не виноваты в грехах и ошибках наших отцов. Клянусь, этот брак станет исключительно формальным. Я никогда ни к чему не буду вас принуждать...

— Я поняла, — перебила его Линкея. — Договорились. — Обойдя Аланнарвальда, она направилась к дверям замка. — Извините, мне нужно побыть одной.

Йен догнал ее и с улыбкой полюбопытствовал:

— А кто такой Рейнольд? Ты говорила о нем на совете.

Линкея уколола его бичующим взором и повторила:

— Йен, мне нужно побыть одной.

Уходя в замок, она кое-как сдерживала слезы. Дом перестал быть домом, родные стали чужими, а сама Линкея вынуждена жить не своей жизнью. Она отказалась от обеда и помощи лин и бегом поднялась на второй этаж. У двери ее покоев стоял король Стефанус. Когда Линкея приблизилась, он мгновенно молча смотрел на нее, а потом от волнения охрипшим голосом спросил:

— Как там Лилит?

— Прекрасно, — съязвила Линкея, взявшись за дверную ручку. — Двадцать лет жизни потратила на поиски нас с тобой. А Микаэлу вырастила бабушка и Тобиас.

— Тобиас?

— Да, тот парень, которого мама бросила из-за тебя. Он простил ее, женился, удочерил Микаэлу и воспитывал как родную, несмотря на их общего с мамой сына.

Король печально улыбнулся. Линкея до боли прикусила язык, сдерживая гнев. Отцу и без ее упреков было тошно.

— У тебя есть еще вопросы? — спросила она.

— Сотни. Но это все потом.

— Отлично! — Линкея открыла дверь и на прощание добавила: — Позовите меня, когда придет время титулования Микаэлы.

— На это нужна неделя, не меньше. Все это время ты будешь в комнате?

— Да! Мне нечего здесь делать, кроме как ждать! — сказав это, Линкея вошла внутрь и захлопнула дверь. Доплетясь до кровати, она сняла сапоги, залезла к изголовью и, подогнув ноги, обняла колени. Задержав отрешенный взгляд на колыхающейся на ветру занавеске, Линкея подумала лишь об одном: «Как ты, Рейнольд?»

Три недели спустя
Канада, Уотерлу

Спустившись со стремянки, Микаэла поправила новые портьеры и, отойдя от окна, окинула их унылым взглядом. Ей не понравилась эта ткань еще в магазине: огромные цветы, наклеенные друг на друга, вовсе не придавали комнате весенней атмосферы, а казались пятном на фоне однотонных светлых обоев и простой мебели. Но довольная Лилит визжала как ребенок, влюбившись в эти цветы, и была уверена, что Линкее портьеры обязательно понравятся.

— Ты уверена, что она придет в восторг от неудачного фото садовых клумб миссис Смит на шторах? — сомневалась бабушка, полностью разделяя мнение Микаэлы.

— Конечно, уверена! Я же ее мать, я знаю ее вкусы! — упрячилась Лилит, погруженная в ремонт дома.

Ей хотелось, чтобы к возвращению дочери всюду был идеальный порядок. Пусть этот старый особняк далеко не королевский дворец, но уют и характерную для простых канадцев роскошь Лилит могла организовать. К тому же денег Линкеи с лихвой хватило на материалы и кое-какую мебель.

Лилит не сразу повеселела и приступила к ремонту. После признания Микаэлы она несколько суток не выходила из своей комнаты, где только плакала, пила успокоительное, курила и заливала слезами старые фотографии. Она противилась даже встрече со своим психологом, а потом совсем отказалась от его услуг в дальнейшем, заявив, что помощь ей больше не требуется. Она преобразилась внезапно: просто однажды утром спустилась к завтраку и заявила, что пора приступать к ремонту. Она мечтала встретить Линкею как можно торжественней. Вот только у остального семейства энтузиазм быстро угас.

Шли дни, недели, а Линкея не возвращалась. Естественно, все стали думать, что принцесса Эйлинкея забыла Уотерлу как страшный сон. Это не обсуждалось, но все читалось с лиц.

Джоанна уволилась из клиники и, оставшись без денег, была вынуждена съехать со съемной комнаты. Семья Микаэлы приняла ее у себя. Бабушка не преминула возможностью подшутить: «Все же дешевле, чем нанимать строителей-отделочников», — но Джоанна не обиделась, наоборот, с улыбкой ответила: «Ох, пожалеете! После моей отделки вам придется нанимать каменщиков, плотников и кровельщиков».

На выходных на подмогу приезжал Джаспер. Парень не горел желанием заниматься ремонтом, но помощь семье Микаэлы стала главным условием Лурдес в их договоренности о видеоиграх. Джаспер часто слонялся из угла в угол, лишь бы скоротать день. Он закатывал глаза, вздыхал, цокал языком, ворчал, но все равно помогал, когда было нужно отодвинуть громоздкую мебель или убрать строительный мусор.

И вот — последний штрих: портьеры. Глядя на них, Микаэла задумалась над тем, как собственноручно сделала из своей комнаты кукольные покои для сестры, которая не спешила возвращаться к матери и Рейнольду.

— Опять скисла, — заметила Джоанна, лежа на кровати и карандашом обводя в газете объявления о работе.

— Есть что-нибудь интересное? — спросила Микаэла, подсаживаясь рядом.

— Завтра обзвоним. — Джоанна отложила газету и погладила подругу по руке. — Может, нам и не понадобится работа.

— Кто же будет нас содержать?

— Мик, не будь пессимисткой! Бери пример с Лилит!

Микаэла поглазела на приоткрытую дверь, из-за которой доносилось пение веселой матери, порхающей по дому.

— Пора посмотреть правде в глаза, — произнесла она. — Если бы Линкея действительно любила маму и Рейнольда, она давно бы вернулась. И если бы я была не безразлична Йену и Алану, они уже забрали бы меня в Эйлинкель.

— Мик! — Джоанна села и нахмурилась. — Перестань! Ты не знаешь, что там происходит. Дай им время. Вдруг Альтмар всех заколдовал.

— Алан сильнее Альтмара.

— Хорошо, отпадает. Есть много других причин продолжать верить и ждать.

— Например? — не унималась Микаэла.

Джоанна пожала плечами и помотала головой:

— Ну не знаю... Может, Альтмар сломал скипетр.

— Но скипетр не единственный способ открытия портала. Ведь отец как-то телепортировался двадцать лет назад. Скипетра тогда не было. Значит, есть что-то еще.

— Мик, двадцать лет прошло. У всего есть срок годности.

Микаэла тяжело вздохнула.

— Все эти красивые речи Йена и Алана о том, что я прирожденная королева, — ложь и лицемерие. Я уверена, Линкея снова всем вскружила голову. Наверняка, они с Аланом уже поженились. Вот и пусть живут долго и счастливо. Подальше от меня, — пробурчала она.

— Ага, — засмеялась Джоанна. — То-то ты не снимаешь королевский перстень.

Микаэла опустила взгляд на кольцо и поджала губы. Подруга попала в цель.

— Эй! — В дверном проеме возник Аик. — Вы идете? Опоздаем!

Джоанна кинула взгляд на настенные часы и подскочила с кровати.

— Да-да, идем! — Она принялась быстро обуваться. — Мы заболтались.

Микаэла, в отличие от нее, никуда не торопилась. Никакого праздничного настроения у нее не было, а улыбку пришлось натянуть через силу. Это не скрылось от зоркого глаза бабушки, и когда вся семья усаживалась в машины такси, она сказала:

— Лучше бы ты осталась дома со своим убитым видом.

Микаэла улыбнулась еще шире и, не шевеля губами, спросила:

— Так лучше?

Бабушка покачала головой и вручила внучке большую подарочную коробку.

— Мик, почему ты не надела платье?! — возмутилась Лилит, последней выходя из двора.

Микаэла с укором посмотрела на мать, избавляясь от дурацкой улыбочки. Все прекрасно знали, что у нее было одно-единственное платье — то, которое она надевала на школьный выпускной бал. И хотя ее гардероб пополнился сарафаном Линкеи и ценсарским платьем, по-прежнему лежащим в бумажном пакете, ни то, ни другое не подходило для празднования дня рождения Мисси. Одно чрезмерно откровенное, другое странное по меркам Уотерлу.

— Они слишком простые для такого мероприятия! — съехидничала Микаэла и уселась в машину.

Всю дорогу Лилит давала семейству ценные указания. Связаться с Микаэлой, Айком и Джоанной ей не помешало даже то, что они ехали в другом автомобиле. Она дозвонилась сыну на мобильник и вела бурный прямой эфир на громкой связи.

— ...и не налегайте на сладкое! — наконец закончила она перед самым подъездом к воротам дома мексиканских друзей.

— Странно, почему она пропустила пункт о моем поведении в случае внезапной телепортации, — пробубнила Микаэла.

— Ах, да! — опомнилась Лилит. — Мик, если ты неожиданно перенесешься в Ценцарию, не паникуй. Ты сильная, справишься. Но имей в виду, я буду волноваться. Поэтому будь добра, навещай нас.

— Как будто по мне кто-то будет скучать, — фыркнула Микаэла и, открыв дверь, вышла на улицу.

Джоанна нервно похихикала ошалевшему водителю и, подавая ему деньги, сказала:

— Это у нас семейный юмор.

Со двора доносился детский визг и голоса гостей. Над деревьями клубился дым от барбекю. Динамики хрипели громкой музыкой Джаспера. Лилит пересчитала семейство и скомандовала идти. У калитки их встретила Лурдес. Она обняла и поцеловала в щеку Лилит, так же поприветствовала бабушку, Тобиаса и Джоанну, а протискивающегося вперед Айка потрепала по волосам. Когда все вошли во двор, Лурдес посмотрела на приближившуюся к ней Микаэлу.

— Спасибо, что пришла, — произнесла она, грустно улыбнувшись.

Та покивала и спросила:

— Как он?

— Ждет, — вздохнула Лурдес и указала на дом. — Идем. Он в саду.

В шумном дворе к Микаэле подбежала счастливая звонкоголосая Мисси в пышном розовом платье. Крепко обняв ее, та приняла коробку с подарком и восхищенно протянула:

— Уа-а-ау!!!

— Что нужно сказать? — напомнила ей Лурдес.

— Спасибо, Мик! — улыбнулась девочка. — Пойдем скорей! Там фокусы и яблоки в карамели!

— М-м-м... Звучит заманчиво и вкусно, — улыбнулась Микаэла. — Я обязательно присоединюсь к вам. Чуть позже, хорошо? Сначала я хочу поговорить с твоим дядей.

— Да, он в саду! — согласилась Мисси и, развернувшись, побежала к толпе детей.

— Тебя проводить? — поинтересовалась Лурдес у Микаэлы.

— Нет, не беспокойся. Я не заблужусь. Иди к гостям.

Микаэла направилась к фруктовым деревьям, с которых начинался сад. В его глубине располагалась деревянная беседка, сделанная Эктором и Рейнольдом. В тени ее купольной крыши на подвешенных качелях сидел сам Рейнольд. На секунду Микаэла остановилась. Они с Джоанной навещали его один-два раза в неделю. Всякий раз Микаэла подолгу держала его за руку, концентрируясь на его исцелении. И Рейнольду становилось лучше. Он выздоравливал гораздо быстрее, чем предсказывали врачи. У него почти прекратились головные боли, срослись кости руки и ребра, восстановилась работа поврежденных внутренних органов. Только одна нога все еще была в гипсе. Хотя эта нога — меньшее, что его волновало. Он сходил с ума из-за Линкеи.

— Привет! — как можно бодрее воскликнула Микаэла, подойдя к беседке.

Рейнольд встрепенулся, будто его вырвали из состояния некоего транса. Взглянув на поднимающуюся по ступенькам Микаэлу, он слабо улыбнулся:

— Привет.

Подойдя к Рейнольду, она крепко обняла его и села рядом.

— Ты как? — спросила Микаэла, опять взяв его руку в свои ладони.

— Нормально. Грудь уже не болит. Волосы на затылке отросли и закрыли шрам, — бесцветно ответил Рейнольд. — А ты?

— Тоже паршиво, — призналась она, услышав в его словах совсем другую правду.

Они одновременно перевели взгляды на сад. В молчании Микаэла и Рейнольд говорили друг другу намного больше.

— Джоанна верит, что они не бросили нас.

— Я тоже, — ответил Рейнольд. — Когда Линкея нашла фотографии, она пришла ко мне. Я важен для нее. А твой кузен бросился спасать тебя от разбойников. И после этого ты сомневаешься в них?

— Ты же знаешь меня: я всегда во всем сомневаюсь.

Улыбнувшись, он задумчиво спросил:

— Как думаешь, что они сейчас делают?

Поведя бровями, Микаэла потупила взор на перстень королевы Эллиады и вымолвила:

— Танцуют на свадебном балу.

Ценцария, Эйлинкель

Массивные ворота распахнулись, впуская во двор галопом мчащегося аба. Линкея спрыгнула с него, едва он остановился, встав на дыбы и заржав. Она отдала поводья подоспевшему инлугу и, взяв добычу, зашагала к замку. Линкея не стала входить через парадную, потому что за любым углом можно было наткнуться на кого-нибудь из прибывших на торжество гостей. Она юркнула через служебную дверь на кухню, где туда-сюда бегали повара и лины. Здесь варили, парили, жарили, рубили, месили, толкли, отбивали; было душно и влажно, как в парилке.

— О, ваше высочество! — Перед Линкеей выросла встревоженная лина. — Замок полон гостей. Процессия жрецов храмов богинь уже в пути. Столы ломаются от яств. Музыканты готовят инструменты. Вам пора на плетение, а вы еще даже не мылись.

Вместо ответа принцесса Эйлинкея сунула лине тушку подстреленной птицы. Поманив к себе молодого поваренка, она сняла со спины колчан со стрелами и лук, отдала ему и пошла дальше. За ней поспешила целая толпа лин, потративших немало времени на поиски невесты-принцессы.

У лестницы Линкея задержалась из-за спускающегося Лена. Приказав линам приготовить купальню, она отправила их в свои покои.

— Опять охотилась без меня? — раздраженно спросил Лен.

— Со мной была охрана из двух шерлугов.

На лице кузена от злости дернулся мускул. Лен был готов взорваться, но сумел совладать с собой.

— Не хочешь поговорить?

— Ты все знаешь. Как только откроется портал, я навсегда вернусь в Уотерлу.

— Просто бросишь меня?

— Лен, — тяжело вздохнула Линкея и, обойдя его, стала подниматься. — Тебе пора смириться с тем, что мы никогда не будем вместе.

— Но мы были вместе! — Он схватил ее за руку и повернул к себе. — Пусть Аланнарвальд женится на своей Микаэле. Тебе совсем не обязательно возвращаться туда. Ты можешь просто навещать маму.

Линкея высвободилась из его хватки и виновато пробормотала:

— Нет, Лен, мое место там.

Сказав это, она пошла дальше.

— Из-за Рейнольда? — Лен догнал Линкею и снова остановил. — Я знаю, как по вечерам вы с Йеном обсуждаете твои приключения в другом мире. И я готов забыть все, что произошло. Только не уходи. — В его голосе послышалась мольба.

— Лен, наш роман дорог мне. Но это не то, чего я хочу. Мы чаще ссоримся, чем живем в мире. Так нельзя. Пожалуйста, отпусти меня и начни с чистого листа. Вокруг полно женщин. Ты мужчина мечты многих принцесс, не говоря уже о придворных линах и девушках из тинлугов.

— А как же твое обещание? Ты говорила, что никакой иномирец не отнимет тебя у меня!

— Прости, — все, что смогла ответить она. — Я люблю его.

Сделав шаг назад, Линкея убедилась, что Лен ее больше не задерживает, и развернувшись, вбежала вверх по лестнице. В ее горле застрял ком горечи, но жалость к Лену не останавливала ее. Линкея намеревалась вернуться в Уотерлу, вернуться к Рейнольду. И если даже вдруг окажется, что он не выжил, о чем Линкея старалась не думать, она все равно не будет с Леном. Она познала чувство настоящей любви и теперь видела разницу. Рейнольд и Лен — это совершенно разные истории, каждая по-своему отпечатавшаяся в сердце Линкеи.

Она заметила приоткрытую дверь в конце коридора. Это была библиотека, в которой Альтмар и Аланнарвальд изучали и практиковали магию для открытия порталов. Подвал показался принцу Халагрохильда слишком жутким местом для такой работы, и Альтмару пришлось послушно перебраться в библиотеку.

Линкея крадучись дошла до двери и, остановившись, прислушалась.

— А как у вас с трудовыми резервами? — поинтересовался Аланнарвальд. — Хватает рабочих рук на тяжелых видах труда?

— Вот здесь и вот здесь у нас прокладываются дороги, — ответил Альтмар, вероятно, показывая местности на карте. — Процесс идет очень медленно. Именно по причине нехватки рабочих. В особенности лесорубов. А на западе требуется реконструкция стены границы Эйлинкея. У нас есть материал, но также не хватает строителей.

Аланнарвальд звучно вздохнул, после чего заскрипело кресло и послышались тихие ритмичные шаги.

— В лесу свирепствуют торлуги, причиняя королевству вред. А ведь они могут послужить на благо.

— Вы предлагаете доверить эту работу торлугам? — удивился Альтмар.

— Изгнать преступника, бросив его на произвол судьбы, — значит взрастить в нем корень еще большего зла. Эта мера наказания имеет слишком высокую цену для королевства. Если осужденным предоставить возможность исправиться, есть шанс пополнить не только население рабочего класса, но и законопослушных тинлугов. Ваш народ протестует, не хочет кормить узников за счет королевской казны. А что если они будут отрабатывать свой хлеб? В качестве наказания осужденных будем отправлять на строительство торговых путей и стен. Вместо зарплаты они будут получать пищу, крышу над головой и дальнейшее помилование с полным восстановлением гражданских прав. Тогда общественность Эйлинкея не посмеет бунтовать.

— Идея здравая, — согласился Альтмар. — Это вполне реально осуществить, тем более с минимальными затратами на содержание конвоя. Завтра соберем совет. При единогласном решении обсудим порядок срочного пересмотра судебного кодекса.

Рассердившись, Линкея влетела в библиотеку и заявила:

— Так вы работаете над открытием портала?!

— Моя принцесса! — Разволнованный Альтмар отклонялся.

Аланнарвальд, стоявший у окна, окинул ее хмурым взглядом и спокойно ответил:

— Да, так. Я хочу встретить свою возлюбленную в безопасном королевстве, где ни ей, ни нашим будущим детям никто и ничто не будет угрожать.

— Таким темпом вы встретите свою... возлюбленную, — Линкея буквально выплюнула это слово, — в глубокой старости!

Выйдя из библиотеки, она громко хлопнула дверью и отправилась в свою комнату. Увидев свадебное платье, она с трудом сдержалась, чтобы не разорвать его в клочья.

Стараясь не обращать на него внимания, она напрямик зашагала в купальную. Неистовым криком выгнав оттуда лин, Линкея заперлась и заметалась из угла в угол. Все вокруг словно было настроено против нее. Лен не давал прохода, каждый день приезжал какой-нибудь очередной посол, чтобы познакомиться с новоявленной принцессой Микаэлой, которую Линкее приходилось изображать, лишь бы избежать скандала в семье, а теперь выяснилось, что Аланнарвальд занимается не магией, а политикой! Как всегда, жертвует личным счастьем ради благополучия народа.

Внутри Линкеи клокотала ярость. Кинувшись к ненавистным платьям, она начала срывать их с планонок и швырять в стороны. Затем полетели шляпки и туфли, а украшения принцесса Эйлинкея даже разрывала, усыпая пол бусинами, драгоценными камнями и жемчугами. Перевернуть наполненный водой чан ей не удалось, и тогда Линкея метнулась к тумбочке со средствами для купания. Сметая баночки, скляночки, щетки и мешочки, она надеялась выпустить всю скопившуюся злость и обиду, но становилось лишь больнее. Заорав от душевной боли, Линкея схватила за самую тумбочку и перевернула ее. Тяжело дыша, она медленно опустилась на пол и прижалась спиной к стенке чана. Закрыв глаза, принцесса Эйлинкея вновь увидела Рейнольда. Его образ не выходил из ее головы ни днем, ни ночью. Она скучала по его улыбке, голосу, поцелуям, запаху, объятиям.

— Где же вы, всемогущие богини? — прошептала Линкея. — Что мне делать? Подайте хоть какой-то знак.

Она открыла глаза и обвела разгромленную комнату печальным взглядом. Лины за дверью слышно шушукались, но не отваживались спросить, все ли в порядке у ее высочества.

— Ладно, — выдохнула Линкея. — Пора идти замуж.

Она уперлась ладонью в пол, чтобы встать, и в этот момент ее взгляд упал на валявшееся у стены украшение. Это была старая поблекшая цепочка с замысловатого вида кулоном. Она лежала аккуратно там, где только что (и всегда) стояла тумбочка. Линкея не припоминала у себя подобного украшения, но ей вдруг стало интересно, откуда эта вещь тут появилась. Она подняла цепочку и встала. Сдув с кулона пыль и вытерев его, Линкея разглядела овал с отверстием в центре. Он напоминал удлиненное кольцо с непонятной резьбой в двух местах, будто здесь когда-то был камень или...

— Ключ! — неожиданно для самой себя произнесла Линкея.

Ее ноги на мгновенье отстегнулись, но их хозяйка быстро задала им направление. Выскочив из купальной, Линкея столкнулась с плотной толпой лин и строго прорычала:

— Как часто вы убираетесь в моих покоях?!

Испуганные служанки переглянулись и затрепетали.

— Каждый день, ваше высочество, — пропищала самая смелая.

Линкея вплотную подошла к ней и, заглянув в ее лицо, прошипела:

— А под мебелью убираться пробовали?

— П-простите, ваше высочество, — заплакала та.

— Немедленно вызовите сюда короля Стефануса!

— Но он в тронном зале. Принимает гостей, — уточнила другая лина.

— Я не спрашиваю, где он и чем занимается! Я требую привести его в мои покои! И пошли все вон! — заорала она, еще сильнее напугав служанок.

Вздрогнув, все дружно покинули комнату принцессы Эйлинкея.

В ожидании прихода отца Линкея не находила себе места. Она мерила комнату шагами и молилась, чтобы кулон оказался второй частью ключа. А едва король Стефанус в

сопровождении Альтмара появился в дверях, она бросилась к нему, держа украшение на раскрытой ладони перед собой.

— Что случилось, дочка? — обеспокоенно спросил отец. — На линах нет лица. — Он взглянул на ее ладонь и обомлел. — Где... ты... его... нашла? — с паузами спросил он.

— Это он, да? Он? — дрожа от волнения, залепетала Линкея. — Скажи, что он Пожалуйста.

Король Стефанус посмотрел ей в глаза и, улыбнувшись, кивнул:

— Да, дочка. Это он.

На глаза Линкеи навернулись слезы. Не выдержав, она шагнула вперед и, прижавшись к отцу, заплакала. Впервые Линкея признала, что у нее не такая уж ужасная сестра: оставила за Эйлинкелем право выбора. Если, конечно, совершенно случайно не забыла здесь кулон. Что, впрочем, уже не имело значения.

Шмыгнув носом, Линкея смахнула слезы и, глубоко вздохнув, отошла от отца.

— Надо поторопиться, — почти шепотом произнесла она. — Это ее свадьба.

Подбородок короля слегка затрясся. Отцу было тяжело, но он не останавливал Линкею.

— Иди. — Он снял со своей шеи вторую половину ключа и протянул дочери. — И будь счастлива, дочка.

— Я люблю тебя, папа. Правда. Ты замечательный отец. Я не представляю на твоём месте кого-то другого. Ты дал мне больше, чем я заслужила. Не позволил почувствовать себя ущербной, заменив мне маму. У Мик этого не было. Помогите ей поверить, что у нас хорошие родители.

Король Стефанус покивал:

— Конечно.

— И передай Лену и Йену, что они дураки, — засмеялась Линкея. — Но я все равно их люблю.

Откашлявшись, Альтмар наконец подал голос, выйдя чуть вперед:

— Ваше величество, ваше высочество, — обратился он с переменными поклонами, — позвольте мне проводить принцессу Линкею через портал. Он не открывался двадцать лет. Кто знает, как он сработает в этот раз. Если все пройдет успешно, я вернусь с принцессой Микаэлой. Если нет... — Маг подал королю ключ от своей мастерской. — Позаботьтесь о Нолане.

Король Стефанус с уважением принял этот благородный жест, а Линкея улынулась Альтмару:

— Спасибо, советник.

Поднеся оба кулона друг к другу, она осторожно ввела «иглу» в «кольцо» до щелчка, и в тот же миг позади Линкеи образовалась вихревая воронка, сверкая магической пылью. Прежде чем шагнуть в нее, принцесса еще раз взглянула на отца и сказала:

— Я не прощаюсь. Мы обязательно увидимся!

Взяв Альтмара за руку, Линкея от приятного волнения прикусила губу и отправилась навстречу своему будущему!

Канада, Уотерлу

Микаэла и Рейнольд славно беседовали о погоде, украсившей праздник Мисси теплом и солнцем, когда в нескольких футах от беседки в воздухе ни с того ни с сего возникла энергетическая воронка. Рейнольд замолчал на полуслове, уставившись на природную аномалию, а Микаэла инстинктивно материализовала на ладони искрящийся шар. Это случилось впервые после ее возвращения из Ценцарии, и она никак не понимала, в чем причина закономерности пробуждения ее дара.

Встав с качелей, Микаэла шагнула вперед и остановилась, увидев вышедшую из портала свою точную копию. В ладони одной руки та что-то сжимала, другой тянула за собой Альтмара, от вида которого Микаэла пришла в бешенство. Сбежав вниз по ступенькам, она требовательно спросила:

— Что он здесь делает?

Линкея остолбенела, во все глаза вытаращившись на стремительно идущую к ним Микаэлу, а Альтмар отошел в сторону и поднял руки вверх. Все замерли на местах и молча смотрели друг на друга, пока тишину не нарушил выходящий из беседки Рейнольд. Опираясь на костыли, он спустился на садовый газон и, взглянув на Линкею, остановился. Она пошатнулась, увидев его в таком состоянии, но удержалась на ногах, а в следующее мгновение бросилась к нему навстречу. Забыв об открытом портале, Альтмаре и сестре, она кинулась в объятия Рейнольда и зашептала:

— Всемогущие богини Ценцарии, спасибо, спасибо, спасибо.

Крепко обнимая любимого и целуя его шею и лицо, она продолжала благодарить высшие силы за его исцеление. А Микаэла по-прежнему держала Альтмара на мушке, от бедра целясь в него энергетическим шаром.

— Ты вернулась, — не веря своим глазам, произнес Рейнольд, чуть отстранив от себя Линкею и посмотрев на нее с таким обожанием, будто в своей жизни не видел ничего прекраснее.

Микаэла закатила глаза от этой умилительной сцены и раздраженно спросила:

— Вы надолго?

Линкея, не слыша ее, оглядела Рейнольда с головы до ног, провела ладонями по его рукам и произнесла:

— Ты похудел.

— Немного, — кивнул он, сверкнув белизной ровных зубов. — Аппетита не было.

— Что, даже любимый острый соус не помогал? — хихикнула Линкея, не отцепляясь от Рейнольда.

— Нет ничего вкуснее тебя. Кошечка.

Она снова прижалась к нему и клятвенно сказала:

— Можешь съесть меня хоть сейчас.

— Столовые приборы принести? — вклинилась в их разговор Микаэла. — Зашвыривай этого обратно, или я его распылю! — заявила она, указывая на не двигающегося Альтмара.

— Ваше высочество, мне кажется, принцесса Микаэла не шутит, — сглотнув, добавил маг.

— Меня до глубины души трогает ваша лесть. — Микаэла положила ладонь на грудь и

фальшиво ослабилась. — Но не будем забывать, какой вы подлец на самом деле... Хм, вы знаете наш язык?

— Похоже, да, — растерялся Альтмар. — Я же тоже маг, не будем забывать.

— Заткнись! — рявкнула Микаэла.

— Понял. — Он поджал губы.

Не отпуская Рейнольда, Линкея разъединила кулоны, и воронка исчезла. Посмотрев на сестру, она сказала:

— Тебя объявили старшей принцессой Эйлинкея и первой наследницей престола. Тебя там ждут.

— Ну надо же. А у нас билеты на самолет до Ценцарии не продаются, поэтому я не смогла приехать.

— Мик, — сделал ей замечание Рейнольд, — будь добрее.

— Я вытасила их королевство из задницы, а в благодарность от меня избавились, как от ненужного хлама! Как я могу быть добрее? Почему я вообще должна быть добрее? — поразилась Микаэла. — Думаешь, я поверю в сказку про объявление меня принцессой? Пусть она рассказывает ее своим люб... кому-нибудь, — поправилась она, решив не упоминать при Рейнольде романтические похождения Линкеи. — Король Стефанус вышел на трибуну и, во все тридцать два зуба улыбнувшись тинлугам, заявил, что у него неожиданно появилась еще одна дочь. Правда, ей уже двадцать лет, но это не важно. Чудеса!

— Именно так все и было, — сказала Линкея, чувствуя себя совершенно спокойно и беззаботно рядом с Рейнольдом. — Отец объяснил это тем, что ради предотвращения бед при рождении разделил дочерей-близняшек. В Ценцарии это считается нормальным.

— Нормальным — делить детей? Надеюсь, их там хотя бы не половинят и не четвертуют, а топят. Так гуманнее...

— Зря вы не верите, — вмешался Альтмар. — Принцесса Линкея говорит правду. Ценцарские близнецы — это губительная смесь.

— Тебе никто не давал право голоса! — напомнила ему Микаэла, демонстрируя на своей ладони шар.

— Знаешь, Мик, я ждала нашей встречи. Думала, мы обнимемся. Но мне уже хочется пустить тебе стрелу в глаз. Ты способна взбесить кого угодно одной фразой. — Линкея поморщилась, окинув Микаэлу презрительным взором.

— Странно, минуту назад ты называла меня всемогущей богиней Ценцарии и благодарила за то, что я поставила на ноги Рейнольда.

— Криво поставили, — подметил Альтмар. — Что с ногой?

Рейнольд нахмурился и, взглянув на Линкею, спросил:

— Это тот маг-злодей?

— Он не злодей, — мягко сказала младшая принцесса Эйлинкея. — Скажи, что с ногой?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Кости никак не срастаются.

— Могу я посмотреть? — спросил Альтмар.

— Стой на месте! — скомандовала Микаэла.

— Доверься ему, — убедительно попросила Линкея Рейнольда, и он обратился к Микаэле:

— Пусть он посмотрит.

Альтмар выждал секунду и, сорвавшись с места, приблизился к Рейнольду. Потерев

ладони о свою мантию, он опустил на корточки и провел руками по гипсу сверху вниз.

— У вас смещение. Ее высочество принцесса Микаэла еще не сильна в магии, поэтому не смогла повлиять на восстановление. С браком всегда сложнее. Но мы все исправим, если позволите.

Рейнольд опять посмотрел на улыбающуюся Линкею, будто спрашивая ее разрешения. Она кивнула, и он ответил:

— Хорошо. Валяйте.

Не вставая, Альтмар повернулся к Микаэле.

— Погасите этот шар. Он вам не нужен. Идите сюда.

Она едва не задохнулась от возмущения. Тот, кто три недели назад собирался превратить ее в гончую и оставить до конца ее дней в королевской псарне, теперь отдает распоряжения. Но взгляд Рейнольда, ожившего с появлением Линкеи, умолял ее помочь.

— Ладно, — буркнула Микаэла и, откинув шар в сторону, подошла к Альтмару. Сев рядом, она спросила: — Что надо делать?

— Положите свои ладони сюда и сюда. Здесь смещение костей. Если вы не поставите их на место, они срастутся неправильно, и он на всю жизнь останется хромым.

— А как это сделать?

— Закройте глаза и представьте себе прямую линию, — начал учить Альтмар. — А теперь изогните ее в середине и начинайте медленно и аккуратно вытягивать, пока она вновь не станет идеально ровной.

Рейнольд застонал, и Микаэла вздрогнула, боясь, что делает хуже. Но Альтмар положил свои холодные руки поверх ее и настойчиво сказал:

— Не прерывайтесь. Все правильно. Вы берете основную часть его боли на себя, но она глушится болевым блоком.

Микаэла чувствовала, как накаляются ее ладони и жар ползет от кончиков пальцев до самых локтей, а потом исчезает. Процесс занял от силы полминуты, после чего у Микаэлы закружилась голова. Ровная линия в ее воображении предстала под непрекращающийся звук кардиомонитора, только что зарегистрировавшего остановку сердца. Поежившись, она открыла глаза и подняла лицо.

— Что тут происходит? — недоуменно спросила появившаяся в саду Джоанна. — Хотя лучше не отвечайте. Боюсь, я не хочу знать.

Микаэла представила, как они выглядят со стороны, и засмеялась.

— Позови маму, Джо.

— Она уже идет. Несет вам торт.

Как только Джоанна это сказала, за ее спиной показалась Лилит, державшая в руках две пластиковые тарелки с кусочками торта.

— Джоанна, ты захватила лимонад? — Погруженная в свои мысли, Лилит смотрела себе под ноги. — Какой красивый сад. Надеюсь, в этом году сельскохозяйственная птица миссис Смит не уничтожит мои лилии... — Она едва на столкнулась с Джоанной и наконец подняла голову.

Альтмар, вставая одновременно с Микаэлой, почтительно поклонился и поймал на себе озадаченный взгляд Рейнольда.

Лилит выронила тарелки. Смотря на дочерей — то на одну, то на другую, — она двинулась вперед, втопав торт в траву. Джоанна порадовалась, что в таком случае не надо идти за лимонадом, но тут же умолкла.

Альтмар взял Рейнольда под локоть и помог ему отойти в сторону, чтобы не мешать воссоединению матери с детьми. Заодно он сообщил, что гипс больше не требуется, поэтому его можно снять. Причем снять самым поразительным образом. Альтмар выставил указательный и средний палец и сказал:

— Разрежем?

Рейнольд усмехнулся:

— Чувак, я, конечно, верю в ваши магические штучки, но я не настолько болван...

Не слушая его, Альтмар склонился и действительно разрезал гипс пальцами! Прodelав это с двух сторон, он снял его и, отбросив в сторону, хорошо ощупал ногу Рейнольда.

— Порядок. Можно бегать и прыгать.

— Класс, — ошарашенно пробормотал Рейнольд. — Как раз хотел попрыгать на батуте Мисси.

Неровной походкой подойдя к дочерям, Лилит протянула к ним задрожавшие руки и слегка коснулась, будто проверяя, правда ли это. Девочки не исчезли, и Лилит стала уверенней. Она погладила их по плечам и, резко притянув к себе, крепко обняла.

— Девочки мои, — заплакала Лилит, прижимая к себе дочерей. — Мои родные. Господи, не верю, что это свершилось! Вы со мной. Обе...

Прошла минута, за ней другая, третья. Лилит не переставая рыдала и благодарила всех и все за осуществление ее мечты. Микаэла первая выбралась из ее объятий и проворчала:

— Ну все, хватит. Не надо сморкаться в мою рубашку.

Джоанна была тут как тут, вцепившись в руку подруги и с широкой улыбкой спросив у Линкеи:

— А как вы сюда перенеслись? И кто этот краской вымазанный клоун?

Линкея оказалась благосклонней к матери и не спешила отклеиваться от нее. Протянув Микаэле цепочки, она ответила:

— Это ключ от портала, через который телепортировался наш отец.

— Круто! — взвизгнула Джоанна. — Тогда не будем терять время. Пойдем? — Она выжидающе посмотрела на Микаэлу.

— Куда? В Ценцарию? Зачем? — с натянутым равнодушием произнесла та. — Опять спасти королевство от очередного краской вымазанного клоуна? Нет уж, простите. Мне здесь неплохо.

— Вообще-то у тебя свадьба! — Линкея насильно сунула цепочки Микаэле. — И если ты поспешишь, можешь на нее успеть.

— На твою свадьбу? — Микаэла издевательски подняла бровь.

— На твою! — повысила голос Линкея. — Аланнарвальд расторгнул соглашение со мной и сделал предложение тебе!

— Не помню, чтобы я давала согласие.

— Давала! О, всемогущие богини Ценцарии, наделите ее мужа терпением, — тяжело вздохнула Линкея. — Я же сказала, тебя там ждут! Отец, королевская семья Халагрохильда, гости, Йен, в конце концов. Мы не сидели сложа руки! Все эти двадцать дней мы пытались открыть портал.

— Опять ложь, — поспорила Микаэла, указывая на кулоны. — Хочешь сказать, твои служанки почти месяц не убирались в купальной и только сегодня, в день свадьбы, развели там генеральную уборку и нашли мою цепочку?

Линкея закрыла глаза и стиснула зубы. Дав себе мгновенье, она выдавила:

— Уберите ее отсюда, иначе я за себя не ручаюсь. Пусть ей кто-нибудь другой все объясняет.

— Блин, Мик, дай сюда! — Джоанна забрала у нее цепочки и, повертев в руках кулоны, быстро сообразила, как их соединить. Едва послышался щелчок, как за ее спиной образовалась магическая воронка. — Ну вот! Нефиг думать! Идем!

— Погодите! — Линкея нехотя отпустила всхлипывающую мать и взглянула на Альтмара. — Так нельзя. Джоанна, ты не можешь просто взять и отправиться в Ценцарию. Нужен откуп.

— Какой еще откуп? — нахмурилась та.

— Причина, по которой отец не смог забрать нас всех. Если ты отправишься в тот мир, значит, кто-то из того мира должен отправиться сюда. К сожалению, в противном случае в твоём мире может произойти большое горе.

Джоанна вмиг сникла. Нервно улыбнувшись, она вернула цепочки Микаэле и как можно бодрее сказала:

— Что ж, тогда увидимся! Когда-нибудь!

Ее голос дрогнул, и она замолчала. Было видно, что подругам невероятно тяжело прощаться. Микаэла смотрела то на ключ, то на портал, то на Джоанну, не зная, что выбрать. Перстень на ее руке манил ее к Аланнарвальду, а Джоанна тянула назад. Микаэла была здесь чужой. Она рождена для того мира. Но она не могла бросить в Уотерлу лучшую подругу, у которой нет родных. Читай книги на К н и г о е д . н е т

— Пусть она отправляется в Ценцарию, — вдруг произнес Альтмар, чем привлек к себе всеобщее внимание. — Я останусь здесь, если позволите, ваше высочество. — Он откланялся. — Я в долгу перед вами. И если вы не против, чтобы старик Альтмар стал здесь вашим опекуном, я сочту эту службу за честь.

Линкея улыбнулась и покивала:

— Конечно, советник. Я буду очень рада.

У Микаэлы отвисла челюсть.

— Вы что, простили его?! — выпалила она. — После всего, что он натворил?! Алан не дал ему уничтожить Эйлинкель, так он прибыл уничтожить Канаду!

— Джоанна, забирай ее! — Линкея взмахнула рукой и опять прижалась к матери. — И запомните, ключ только у вас. Значит, мы не сможем открыть портал. Поэтому будем ждать вас в гости. Не потеряйте его.

— Ваше высочество! — Альтмар, вытянув шею, обратился к Микаэле. — На той стороне вас встретит его величество король Стефанус. Я не успел кое-что сказать ему. Передайте, что идея его высочества принца Аланнарвальда о трудовых резервах из числа торлугов великолепна. Совет обязан рассмотреть ее.

— Чего? — не поняла Микаэла.

— Я запомнила! — Джоанна схватила ее за руку и потащила к portalу. — А вы передайте всем, что мы будем скучать, но скоро явемся вас навестить!

Всхлипнув, Лилит успела крикнуть им вслед:

— Тогда уж заодно передайте его величеству королю Стефанусу, чтобы не совался сюда!

Микаэла и Джоанна скрылись в воронке, и вскоре она исчезла. В саду наступила тишина. Рейнольд, подобрав костыли, отставил их к яблоневому дереву и пока еще несмелой походкой подошел к Линкее.

— Идемте к остальным, — произнес он, беря ее за руку, но не оттягивая от Лилит. — Сегодня день рождения Мисси. Она очень обрадуется.

— Ох, у вас праздник! — спохватилась Линкея, оглядев свою охотничью тунику и сапоги. — Я в таком виде.

— Ты великолепна в любом виде, — улыбнулся он.

— Он прав, — подтвердила Лилит, отпуская дочь и доверяя ее Рейнольду. — Альтмар, верно? Идемте с нами, — позвала она и взяла курс в основной двор.

— А вот его вид вызовет много вопросов, — усмехнулся Рейнольд. — Впрочем, скажем, что он приглашенный актер театра. Мисси обожает «Монстров на каникулах». Он сойдет за Дракулу.

— Эм-м-м... Что? — переспросила Линкея.

— Это долгая история, — засмеялся Рейнольд. — Со временем все узнаешь. — Поцеловав ее в висок, он добавил: — У нас впереди целая жизнь, кошечка.

Она обняла его за талию и ответила:

— Это будет наша общая жизнь. Одна на двоих. Клянусь.

Ценцария, Эйлинкель

Телепортация заняла несколько волнительных моментов, бросивших Микаэлу сначала в холод, потом в жар. Их с Джоанной не засасывало в воронку, а словно раскачивало на «тарзанке», отчего Микаэлу начало подташнивать, в животе стало неприятно пусто, а уши заложило. Но полегчало ей быстро, едва она ступила на твердую поверхность. Джоанна, налетев на ее спину, заворчала, что теперь прекрасно понимает Боунса после применения Монтгомери старого телепортатора для его перемещения[1]. Немедля, она разъединила кулоны и облегченно выдохнула, когда портал закрылся.

— Есть! — обрадовалась Джоанна и огляделась.

В просторных королевских покоях Линкеи их действительно ждал король. Его трудно было не узнать, ведь на его голове была корона. А еще тут сновали служанки, наводя порядок в разгромленной Линкеей купальной и делая вид, что межмировой портал для них обыденная вещь. Конечно, поздним вечером они будут сплетничать и рассказывать родным и близким о том, что видели. Но кто им поверит?

— Наконец-то! — улыбнулся король Стефанус и платком вытер испарину на лице. — Микаэла! — Его глаза засияли. Он подошел к старшей дочери и улыбнулся еще шире. Молча рассмотрев ее, он перевел вопросительный взгляд на Джоанну, а потом посмотрел за спины девушек. — А где Альтмар? Что-то случилось?

— Он остался там, — ответила Микаэла, не спеша одаривать отца улыбкой. — Наверное, чтобы прислуживать не приспособленной к жизни Линкее. Кто-то же должен ее купать.

Джоанна растерянно посмотрела по сторонам и, склонившись к Микаэле, прошептала:

— Я не понимаю вашего языка. Что ты сейчас сказала?

— Что Альтмар поступил очень благородно, вызвавшись остаться в Уотерлу в качестве откупа за твое счастье.

— Ты врешь. — Подруга толкнула ее в бок. — Отдам голову на отсечение, ты ляпнула какую-нибудь колкость.

Король Стефанус еще раз добродушно улыбнулся и продолжил говорить на ломаном английском:

— Я рад твоему возвращению. Знаю, мы чужие, между нами целая пропасть, но я обещаю, что до конца своих дней буду делать все возможное и невозможное, чтобы наверстать упущенное и подарить тебе то, чего я тебя лишил.

— Куклы мне уже не нужны. Выросла. Спасибо, — фыркнула Микаэла, и Джоанна дернула ее за руку.

— Она волнуется из-за свадьбы! — оправдала ее подруга. — Кстати, меня зовут Джоанна. Я ее подруга. Единственная. Больше никто не хочет с ней дружить. Не выдерживают. — Она сделала неумелый реверанс и посмотрела куда-то сквозь короля. — Ух ты! Это свадебное платье?! Мик, глянь, какая красота! — Джоанна подбежала к пышному наряду и обошла его по кругу. — С ума сойти! А что у вас там? — Она выскочила на террасу и восторженно ахнула: — Ничего себе! Ничего себе! Мик, иди сюда! Скорей же!

Микаэла нахмурилась и нехотя вышла на террасу:

— Что?

— Это же королевский замок! Настоящий!

— Да неужели? — Микаэла подошла к перилам и оглядела переполненный каретами двор. Между ними суетились шерлуги, инлуги и лины. Все готовились к торжеству. — Действительно. Кто бы мог подумать?

— Мик, не язви, — попросила ее Джоанна. — О, Боже! — завизжала она в следующую секунду и, дернув Микаэлу за руку, пальцем указала ей на всадника посреди двора. — Посмотри! Это же блондинчик! Ты глянь какой красавчик! Да еще на белом коне! Кто он? Ты обязана меня с ним познакомить!

— Я понятия не имею, кто это, — скучающе ответила Микаэла. — Всего лишь какой-то конь.

Вышедший к ним король Стефанус остановился около дочери и заговорил:

— Аланнарвальд расторгнул соглашение о браке с Линкеей, назвав своей невестой тебя. Народ ждал этого события. Они не собирались жить вместе. Аланнарвальд отдал свое сердце тебе.

— Тогда почему три недели от вас не было вестей? — с обидой произнесла Микаэла.

— Альтмар сжег скипетр и письма Миры. Для создания нового требовался ее порошок, ингредиенты которого нигде не прописаны. Без этого рецепта все было бесполезно. А сегодня Линкея где-то нашла вторую половину ключа от портала.

— За тумбочкой в шкафу, — буркнула Микаэла.

— Она даже ни с кем не просталась. Сразу отправилась в Уотерлу. — Король положил ладони на перила и посмотрел вдаль. — Если ты не хочешь выходить за Аланнарвальда, если поняла, что не любишь его, я приму это. Я не смею принуждать тебя. С народом и королями как-нибудь все уладим. Просто знай, что это твой дом, твоя семья, твое королевство. Здесь тебе открыты все двери.

Микаэла опустила взгляд на перстень королевы Эллиады и признала, что больше не в силах противиться самой себе. Аланнарвальд снился ей почти каждую ночь, а из головы не выходило его пылкое признание в охотничьем домике. Глубоко вздохнув, Микаэла тоже взглянула на простирающийся до горизонта лес и, оттаяв, сказала:

— Не будем заставлять жениха и гостей ждать.

Король Стефанус и Джоанна одновременно посмотрели на нее и заулыбались. Микаэла засмеялась.

— Пора одеваться! — энергично заявила она, развернувшись. — Надо подыскать что-то приличное для Джоанны.

— Уверен, подыщем, — ответил король. — Кстати, — он обратился к Джоанне, — это Лен. Мой старший племянник.

— Ого! — Она еще раз взглянула на всадника. — Мик, стыдно не знать кузена в лицо!

— Раньше он был симпатичней! — ответила та из глубины комнаты и, перейдя на северный ценцарский, принялась отдавать линам распоряжения.

В покоях забурилась работа. Сюда набежало еще два десятка служанок, и все закружили около Микаэлы и Джоанны. Прежде чем король Стефанус оставил их и возвратился к гостям, Микаэла попросила его пока ничего не говорить ни Йену, ни Алану. Она хотела сделать сюрприз.

Вопреки большому числу помощниц, на подготовку ушло немало времени. Хотя Микаэла зарекалась больше не плести королевских причесок, ради такого знаменательного события, как собственная свадьба, она нарушила свои принципы. Микаэла требовала

идеальности во всем: придиралась к каждой плохо уложенной волосинке, стрелкам на глазах, румянам на щеках. Но главной проблемой стала обувь. Туфли изготавливали по размеру ноги Линкеи, а Микаэла не хотела на протяжении всего мероприятия думать только о том, как бы поскорее разуться. Лины вызвали башмачника, который прямо в королевских покоях увеличивал готовую пару обуви каким-то специальным прибором-растяжителем и добавлял камни в отделку.

Джоанна была не столь капризной. Она выбрала первое понравившееся платье из предложенных, согласилась на самую простую укладку (что, собственно, логично, учитывая ее короткую стрижку), легкий макияж и туфли без каблука. Еще в школе из-за высокого роста Джоанну прозвали дылдой, с тех пор она привыкла носить обувь с плоской подошвой, чтобы не сильно выделяться из толпы.

К тому часу, когда невеста и ее подруга были готовы, придворные интуги два раза оповещали их, что гости, жрецы и жених, его высочество принц Аланнарвальд, ждут. Микаэла отвечала, чтобы подождали еще: невеста очень волнуется. И это было правдой. Чем ниже опускалось солнце, тем сильнее трепетала Микаэла. Поехала на день рождения Мисси, а попала на собственную свадьбу!

Во время одевания Микаэла выпытала у лин порядок проведения свадебного ритуала и надеялась, что не ударит в грязь лицом. Встав перед зеркалом за какой-то миг до выхода из покоев, она увидела не отражение неудачницы из Уотерлу, а сильную личность со стальной решимостью в глазах и сердце. Это придало ей смелости. Мысленно пожелав себе удачи, Микаэла в сопровождении Джоанны и лин отправилась в тронный зал.

Встречавшиеся им по пути придворные слуги приветствовали Микаэлу поклонами, что вызывало у Джоанны вздохи и ахи. Той этот мир казался сказкой.

Перед дверями тронного зала Микаэла остановилась. Лины прицепили к ее платью шлейф, вытянули его, поправили на ее голове цветочный венок и щедро осыпали комплиментами. Рассредоточившись впереди и позади невесты, они кивнули постовым шерлугам, и те распахнули двери. В тот же миг стихли голоса сотен гостей благородных кровей и зазвучала плавная мелодия.

[1] Боунс (Леонард «Боунс» Маккой) и Монтгомери (Монтгомери «Скотти» Скотт) — персонажи научно-фантастической франшизы «Стартрек». В фильме «Стартрек: Бесконечность» Монтгомери для перемещения Боунса в пространстве использовал перенастроенный им транспортер со старого космического корабля, потерпевшего крушение. Но так как в древности этот телепортатор использовался исключительно для грузовых целей, ощущения Боунса о том, будто у него перемещались внутренние органы вполне обосновано. (Прим. автора)

От волнения у Микаэлы участилось сердцебиение и вспотели ладони. Джоанна, заняв место позади ее, шепнула в поддержку:

— Не запнись.

Микаэла хихикнула и последовала за двинувшимися в зал линами. Медленно, ритмично они продвигались вглубь зала — туда, где был организован ценцарский свадебный алтарь.

— Ее высочество принцесса Эйлинкеля Микаэла! — объявил церемониймейстер, едва она появилась в зале и поплыла под восхищенные взгляды незнакомых ей лиц.

Некоторых Микаэла помнила с помолвки, но большинство видела впервые.

— Какая красавица!

— Просто прелесть!

— Принцу Аланнарвальду повезло! — шептали гости.

Глазами Микаэла искала кого-нибудь знакомого, но все они сосредоточились у алтаря. Король Стефанус, король Яруэль и королева Эллиада восседали в креслах у главной стены прямо по другую сторону алтаря. А по сторонам выстроились сестры Аланнарвальда, Йен, Нолан и даже был замечен Лен. Сам принц Халагрохильда уже сидел в большом свадебном кресле, обшитом красным бархатом, с высокой спинкой и резными подлокотниками. Напротив него пустовало такое же кресло невесты, а между ними стоял накрытый белоснежной пеленой жертвенник. Посреди него возвышался золотой кубок, украшенный драгоценными камнями, а по четырем сторонам от него лежали священные свитки.

Зал сверкал королевской роскошью. Всюду располагались семисвечники с горящими свечами, столы вдоль стен ломились от ароматных блюд, над тронами висели гербы двух королевств. Красивые платья, фраки, веера, цветы, наряженные музыканты, театральные актеры превратили некогда ледяной замок в сказочный дворец. И только Аланнарвальд смотрел в никуда, мысленно находясь где-то далеко. Он не взглянул на Микаэлу, даже когда она приблизилась к алтарю и с позволения верховного жреца храма богинь Мира и Достатка Ценцарии заняла свое место в кресле.

В другой раз Микаэла посмеялась бы над нелепым видом этих священнослужителей: тюрбаны с вуалью-сеточкой, саккосы, напоминающие простыню с вырезом для головы в хеллоуинском костюме привидения, золотые нагрудники с символами и посохи. Альтмар на их фоне выглядел серьезней! Но Микаэле было не до шуток. Она не могла отвести глаз от Аланнарвальда, понимая, что соскучилась по нему. Он был так же безупречен: гладко выбрит, причесан, одет с иголки в белый камзол, вышитый золотыми нитями. На руке принца сверкал королевский перстень, отполированные черные сапоги отсвечивали янтарным блеском, которого, увы, не было в ярко-голубых глазах Аланнарвальда. Микаэла убедилась, как противна ему сама мысль жениться на Линкее, пусть даже не по-настоящему. Улыбнувшись, она застыла в предвкушении скорого сюрприза для жениха.

Йен, стоявший позади его кресла, довольно быстро понял, что перед ним уже не Линкея, и, хитро улыбаясь, топтался на месте в нетерпении обнять вернувшуюся сестру. Лен, напротив, не особо радовался Микаэле, даже не смотрел в ее сторону.

Жрецы обступили алтарь полукругом, и музыканты прекратили играть. Верховный жрец взял с жертвенника первый свиток и начал зачитывать молитву. Это длилось дольше, чем хотелось бы Микаэле. Однако и на этом хвала богиням Ценцарии не прекратилась. Другой

жрец взял второй свиток и проделал то же самое. И это тянулось, пока все четыре свитка не были прочитаны.

Аланнарвальд ни разу не поднял лица, что еще сильнее забавляло Микаэлу и повышало ее самооценку.

«Пожалеешь же потом, что сидел с таким кисляком на лице», — мысленно смеялась она.

Молитвы закончились, и верховный жрец поднял с жертвенника белую салфетку, под которой блеснуло лезвие ритуального кинжала. Микаэла судорожно сглотнула, но послушно встала и приблизилась к жрецу, как только он позвал к себе брачующихся. С плохим ораторским искусством дав им напутствия, жрец попросил их вытянуть вперед левые руки ладонями вверх. Лины предупреждали Микаэлу, что до объявления заключения брачного союза невесте с женихом запрещено прикасаться друг к другу. Руки они держали над кубком, наполненным красным вином, на положенном расстоянии. В какой-то миг рука Аланнарвальда дрогнула. Микаэла взглянула на него и увидела, как растерянно забегал его взгляд по жертвеннику.

«Он передумал!» — догадалась она.

Одно дело, если он передумал, осознав, что будет пить вино с кровью нелюбимой, и совсем другое, если он передумал жениться на Микаэле! Она должна была это выяснить до того, как принц сорвется с места.

Забыв о правилах, она слегка коснулась его руки и вернула свою руку в исходное положение. Верховный жрец, возносящий очередную молитву и глядя в потолок, этого не заметил. А переглянувшиеся позади него собратья по ценцарской религиозной идеологии, может, и сочли этот жест за наглость, прерывать церемонию не стали. Политика была превыше религии. Еще бы! Жрецы содержались за счет королевской казны!

Аланнарвальд восторгнулся и резко посмотрел на Микаэлу. Она чуть улыбнулась и почувствовала, как запылали ее щеки. Принц Халагрохильда напряженно нахмурился. Он не сразу догадался, в чем дело. Наверное, боялся разочароваться в домыслах. А когда понял, кто стоит с ним за одним свадебным жертвенником, не успел опомниться, как жрец полосонул его и Микаэлу по ладоням. Не самое приятное ощущение, от которого у Микаэлы руку чуть не свело судорогой. Кровь, выступив мгновенно, стала скапливаться темной лужицей в центре ладони.

«Живодеры!» — выругалась Микаэла и, повернув руку, позволила нескольким каплям упасть в вино.

Аланнарвальд, все еще оцепеневший, совсем забыл о ритуале, и жрецу пришлось насильно поворачивать его руку. Микаэла прикусила губу, чтобы сдержать смех.

Когда вино разбавилось кровью брачующихся, жрец обмотал их ладони полосками белой ткани и, подняв кубок над головой, опять стал молиться.

Прижимая кулак раненой руки к груди, Аланнарвальд ласкал Микаэлу взглядом, преисполненным трепетного благоговения. В его глазах появились огоньки радости и запредельного счастья, и Микаэла опасалась, что он сорвет церемонию ради объятий.

Жрец протянул кубок Аланнарвальду. Тот, не сводя глаз с Микаэлы, сделал несколько глотков вина и вернул кубок священнослужителю.

«Классная свадьба, — подумала Микаэла. — Жених и невеста бухают у алтаря!»

Приняв у жреца кубок, она взглянула на его содержимое и вздохнула: «Хоть бы оливку кинули или зонтик прицепили. Никакой коктейльной эстетики!» Поднеся его к губам,

Микаэла сделала два глотка. Вино, да еще и с нагло пущенной кровью, оказалось вкусным, а Микаэле остро не хватало храбрости. Поэтому она сделала еще несколько нескромно больших глотков и вернула почти опустевший кубок жрецу.

— Всемогущие богини Ценцарии благословили союз принца Аланнарвальда и принцессы Микаэлы! — объявил священнослужитель, и зал разразился громкими аплодисментами.

Музыканты вновь заиграли, к жениху и невесте стали подходить родные, чтобы поздравить их, так и не позволив им хотя бы за руку поддержаться.

— Вы такая красивая, ваше высочество! — воскликнула одна из сестер Аланнарвальда, обнимая Микаэлу. — Как богиня!

Йен, кое-как протиснувшись к Микаэле сквозь плотную толпу, тоже обнял ее и зашептал:

— Поздравляю, Мик! Бедный Аланнарвальд!

Она захихикала и ответила:

— Ну спасибо!

Он отстранился и, заглянув в ее лицо, улыбнулся:

— Я рад, что ты вернулась.

— Я тоже. Скучал?

— Спрашиваешь! А это кто? — поинтересовался он, указывая на счастливую Джоанну, уже пританцовывающую в такт музыки.

— Джоанна. Она ни слова не понимает из северного ценцарского, но хочет познакомиться с Леном. Устроишь?

— Если она превратит его жизнь в непрекращающиеся пытки, то с радостью!

— Тогда вперед! — коварно улыбнулась Микаэла.

— Вот за это я тебя и обожаю! — Йен еще раз обнял ее. — Пока не забыл, Мик, завтра я уезжаю.

— Куда? Надолго?

— Я записался в ряды южноценцарской морской армии. Меня приняли. Во многом, благодаря родству с королем Эйлинкеля, но все же.

— Ты уверен, что хочешь? — Микаэла погрузилась.

— Да! Все настоящие ценцарцы обязаны отслужить в войсках! Иначе какой я рыцарь? — Йен подмигнул. — Обещаю писать. Вот увидишь, не заметишь, как пролетит три года.

— Три года?! — ужаснулась Микаэла. — Йен, я состарюсь за эти годы!

Он засмеялся.

— Ладно, — смягчилась она. — Если хочешь, конечно, поезжай. Просто я переживаю.

— Я буду не один. Мы уезжаем вместе с Ноланом и Тибом. Тиб — это...

— Я помню! Говнюк, снявший с моей руки перстень королевы Эллиады. Я в шоке. Вы простили Альтмара, помиловали торлуга. Как?!

— Это не мы. Это инициатива Аланнарвальда. — Йен обернулся на принца Халагрохильда в окружении родственников. — Можешь наказать его. Потом поделишься со мной своими методами, — заговорщицки понизив голос, добавил он.

Микаэла игриво потрепала его по челке и отпустила:

— Иди, развлекай Джоанну.

Принимая поздравления и пожелания, Микаэла и Аланнарвальд пытались пробраться

друг к другу, но осуществилось это не скоро. Когда же, наконец, они сблизились, родственники тактично отошли. Гости увлеклись разговорами и вином с закусками.

По-мальчишески робко Аланнарвальд взял Микаэлу за руку и поднес к губам. Нежно поцеловав ее, он улыбнулся и произнес:

— Поздравляю, ваше высочество.

— Это вас надо поздравить. Отхватили такой лакомый кусочек, — подшутила Микаэла, вызвав у мужа смех.

— Подарите мне первый танец?

— Не из-за вина же я экстренно прибыла сюда из Уотерлу. Конечно, подарю. — Она кивнула и, положив руку на подставленный ей локоть, последовала в центр зала.

Гости расступились, и молодожены вновь открыли бал первым вальсом. Кружась в танце, Аланнарвальд и Микаэла не сводили друг с друга восхищенных взглядов и без умолку болтали, шутя и смеясь.

Долгое время Микаэла представляла себе совсем другой образ идеальных отношений. Она четко видела длительный роман с периодическими свиданиями, ужинами, походами в театр, совместные утренние пробежки, посещение фитнес-клуба, расставания, как лучшая закалка и выдержка, обязательное устойчивое финансовое положение у обоих и общие планы на будущее. Но она вышла замуж за мужчину из другого мира; за мужчину, которого знала два дня; за мужчину, нуждающегося в постоянной встряске. При этом она была уверена, что сделала правильный выбор! Она доверяла Аланнарвальду, а это самое главное.

Джоанна весьма быстро вписалась в круг гостей, даже не зная языка. И вскоре Микаэла заметила ее в обществе Лена. Старший кузен ей не понравился. Та же самая злая собака, просто в человеческом облике. Сердитый, хмурый одиночка. Однако Джоанне волшебным образом удалось привлечь к себе его внимание. Возможно, именно ее прямой связью с параллельным миром, ведь для ценсарцев она была подобна такому же чуду, как инопланетяне для нас. В любом случае, Микаэла желала ей счастья и верила, что здесь Джоанна найдет свою судьбу.

— А теперь-то мне можно вас поцеловать? — спросил Аланнарвальд во время следующего танца, когда вокруг них закружили другие пары.

Микаэла прильнула к нему и, подтянувшись, с чувством прошептала на ухо:

— Теперь вы можете не только поцеловать меня, ваше высочество.

Она услышала, как Аланнарвальд перестал дышать, и, отстранившись, прекратила танцевать. Взяв мужа за руку, она потянула его к выходу. Микаэла знала, что им нельзя покидать праздник без предупреждения и озвучивания благодарностей гостям, но на то они и правила, чтобы их нарушать. Утачив Аланнарвальда из зала, она помчалась вглубь темного коридора, где остановилась, когда постовые шерлути остались далеко позади.

Сбивчиво дыша, Микаэла повернулась к Аланнарвальду, и его руки обвили ее талию. Но она снова ускользнула от поцелуя, приложив к губам принца палец и прошептав:

— Не здесь.

Развернувшись, она побежала дальше. А когда они оказались во дворе, взяла курс к конюшням. Шлейф ее платья колыхался легким ночным ветром, а каблуки туфель отстукивали по каменной плитке. Войдя в конюшни, Микаэла сбавила шаг и, восстанавливая дыхание, стала осматриваться. Увидев дверь, ведущую в амбар, она потащила Аланнарвальда туда.

— Разве мы не к Афесу? — недоумевал принц.

— Неа, — игриво хихикнула Микаэла и полезла наверх по перекладинам деревянной лестницы. Повалившись на усыпанный сеном пол второго этажа, она спросила: — Боитесь испортить платье?

Аланнарвальд посмеялся и, поднявшись вслед, изумленно осмотрелся в полумраке хранилища.

— Что мы здесь делаем? — спросил он, отмахиваясь от соломенной пыли.

Микаэла отдышалась, встала на ноги и, слегка отряхнув свадебное платье, с волнением взглянула на Аланнарвальда.

— В нашем мире молодожены дают друг другу клятвы. Я наполовину землянка, и я хочу дать вам клятву.

— Что? — Принц застыл.

Микаэла вплотную подошла к нему, взяла его за руку и заговорила:

— Я хочу, чтобы вы знали, что я буду с вами до скончания наших дней. В радости и горе, богатстве и бедности, здравии и болезни. Я буду не просто женой, я буду другом и поддержкой. Во всем. Вы всегда сможете рассчитывать на меня. И даже если порой я буду становиться несносной, знайте, что я все равно люблю вас.

— Ваше высочество... — растрогавшись, произнес Аланнарвальд, сжав ее руки в своих сильных ладонях.

— Нет, дайте договорить. Я должна закрепить свою клятву жертвой. Мое целомудрие — это самое ценное, что у меня есть для вас сейчас. И я хочу, чтобы это случилось здесь.

— Здесь? — Голос принца охрип. — Но почему здесь?

— Как знак того, что мне не важен ваш достаток, ваше состояние, время и место. Мне важны только вы, ваше высочество, — призналась Микаэла, глядя ему в глаза.

Отрывисто задышав, Аланнарвальд притянул ее к себе и нежно поцеловал. Обвив его шею руками, Микаэла крепче прижалась к мужу и ответила на поцелуй — самый прекрасный в ее жизни поцелуй.

— Вы лучшее, что когда-либо со мной случилось, — прошептал Аланнарвальд ей в губы.

— Может, перейдем на «ты»? — засмеялась Микаэла. — До того, как дело наберет обороты?

Он улыбнулся и, ответив: «Согласен», — снова поцеловал ее.

Могла ли принцесса Линкея — строптивая наследница трона Эйлинкеля, единственная избалованная дочь короля, властная сердцеедка и озорная охотница, — спасая свою жизнь, подумать, что путешествие в параллельный мир принесет ей не только улетные приключения, но и подарит маму, сестру, брата, бабушку и любовь?

Могла ли Микаэла — скромная работница небольшой ветеринарной клиники в Уотерлу, где жила вместе с родителями, бабушкой и младшим братом, представить, что она хранительница силы могущественной магини параллельного мира, старшая наследница престола настоящего королевства и вторая половинка не менее настоящего принца?

Что принесла им и их близким эта подмена? Пожалуй, ответ очевиден: каждый нашел свое место.

Ложь — скользкая дорожка. Элис Дюран узнает правду об изменах мужа и подаст на развод. Она отсудит у него и дом, и бизнес, вышвырнув его на улицу. Андрэ станет практиковать без лицензии, но вскоре ему придется подрабатывать простым рабочим и вовсе уехать из Уотерлу.

Родители Эктора и Рейнольда переедут к сыновьям и будут помогать в воспитании внуков, не чая в них души и балуя.

Мисси станет юным блогером и на своем канале будет вести уроки «Как стать настоящей принцессой?». Конечно, не без помощи Линкеи.

Тобиас переведется на другую должность, и частые командировки улучшат финансовое положение семьи. Лилит уволится, чтобы все время уделять семье и сопровождать мужа в дальних поездках.

Айк наконец-то даст своему ретриверу кличку — Пес.

Миссис Смит перестанет заниматься разведением фермерской птицы в целях пакости соседям. Ведь в ее жизни тоже появится любовь. Улавливаете мысль? Да, этому прекрасному чувству все возрасты покорны! Они с Альтмаром займутся выращиванием фруктов, а позже откроют собственный тепличный бизнес и будут путешествовать по миру.

Король Стефанус продолжит править Эйлинкелем до тех пор, пока Аланнарвальд не заявит о своей готовности к коронованию.

Лен так и останется псом на привязи, только в этот раз цепи будут не Альтмара, а Джоанны. Щенячьих нежностей он проявлять не будет, но «под каблуком» окажется, сам того не заметив. Английский он так и не выучит, и Джоанна, пользуясь этим, будет болтать без умолку все, что ей взбредет в голову. Они получают от короля Стефануса положенную долю королевства и разобьют там свое поместье, где воспитают пятерых детей.

Увлечение Джаспера и Линкеи компьютерными играми принесет им удачу. Они создадут свою игру и прибыльно ее продадут. А гастроли с презентацией игры принесут им еще больше денег, которых хватит на открытие собственного интернет-кафе в Уотерлу. Там будут подавать мексиканскую и ценцарскую еду, ради которой посетителями станут не только игроманы, а каждый желающий вкусно перекусить.

Как бы тщательно Микаэла не планировала свою жизнь, судьба ее приятно удивила. Микаэла больше не будет загадывать будущее. Она станет наслаждаться каждым моментом. Со временем она простит Лилит, и на каждый их с Линкеей день рождения они с Аланнарвальдом будут навещать родных в Уотерлу. Она так и не выучит его полное имя и

запретит его родителям принимать участие в выборе имен для ее с Аланом сыновей.

Линкея соберет целый фотоальбом со снимками их с Джаспером турне. Разумеется, Рейнольд и Мисси будут сопровождать их во всех городах не только Канады, но и США. А пляж Лос-Анджелеса, где они проведут добрую неделю, станет отдельной историей. Именно там Линкея сообщит Рейнольду, что беременна, а через несколько месяцев у них родится красавица-дочь.

Если когда-нибудь вы побываете в Уотерлу, вы не встретите там Линкею. А если встретите, то тс-с-с... это секрет!

Вы спросите, почему же Йен вдруг остался без будущего? Еще не догадываетесь? Южноценцарские моря поистине потрясающее магическое место, полное увлекательных сюрпризов и опасностей. Но это уже другая история...

Больше книг на сайте - Knigoed.net